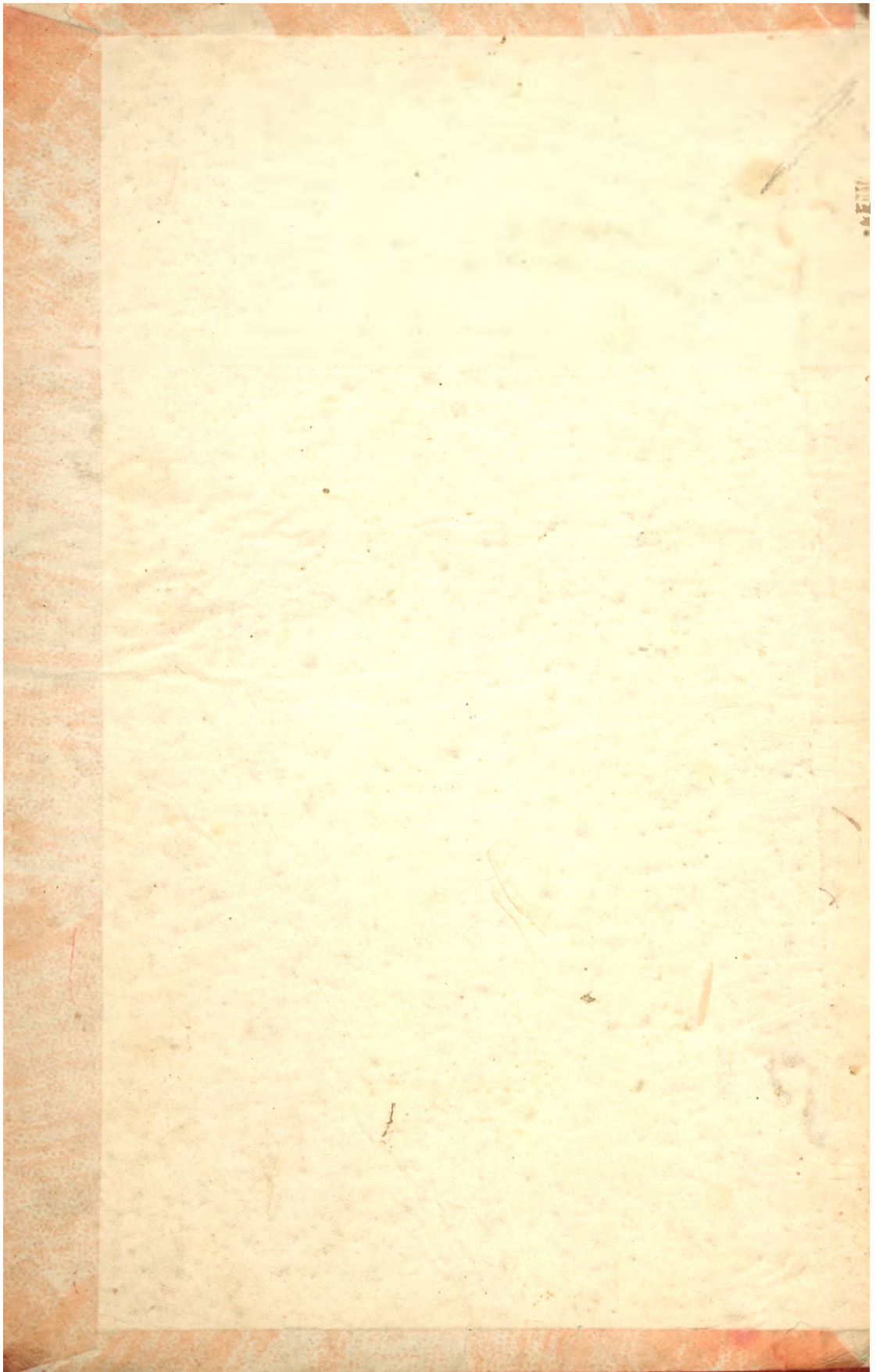

НАГРАДА

Марии Павловны

Награда

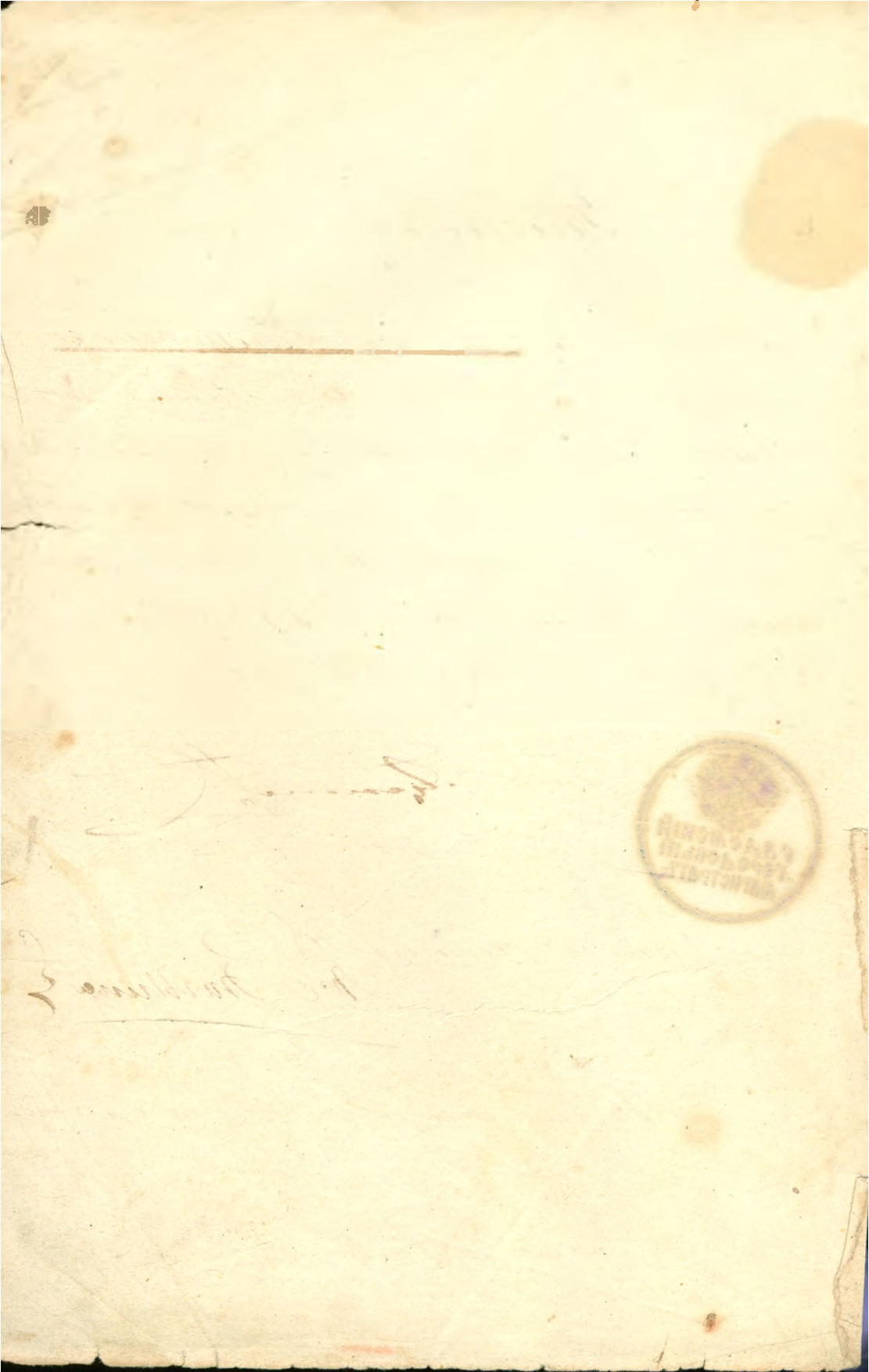
Дана сия Марии Павловне
ученице I^{го} отделения Раданского
Менского 2го класса училища
за отличное поведение и весьма
хорошие успехи в науках, оказав-
шиеся в течение 1893 учебнаго года
г. Раданъ 8 Июня 1894 года

Удостоверено *В. Зинин*

Законноприметъ *А. С. Зинин*

М. Павловна
Ученица *Н. С. Павловна*
М. Павловна

— Въ дополненіе къ «Русской Рѣчи» издана новая книга того же автора «Практическая Русская Грамматика». Ц. 75 коп. Эта книга Мин. Народ. Просв. допущена къ употребленію въ низшихъ училищахъ и преимущественно въ тѣхъ изъ нихъ, въ которыхъ дѣти, при поступленіи, не владѣютъ русской разговорной рѣчью. (См. Журналъ Мин. Нар. Просв. за мартъ 1891 г.).

М. ВОЛЬПЕРЪ.

РУССКАЯ РѢЧЬ.

УЧЕБНОЕ РУКОВОДСТВО,
ПРИМѢНЕННОЕ КЪ ОБУЧЕНІЮ РУССКОМУ ЯЗЫКУ ВЪ ТѢХЪ ШКОЛАХЪ, ВЪ КОТОРЫХЪ ДѢТИ
ПРИ ПОСТУПЛЕНІИ НЕ УМѢЮТЪ ГОВОРИТЬ ПО-РУССКИ.
ВЪ ТРЕХЪ ВЫПУСКАХЪ СЪ 600 РИСУНКАМИ ВЪ ТЕКСТѢ.

Выпускъ третій «КНИГА ДЛЯ ЧТЕНІЯ».
6-ое изданіе.

«Русская Рѣчь» и «Руководящія замѣтки» къ преподаванію по всемъ тремъ выпускамъ «Русской Рѣчи» одобрены для употребленія въ тѣхъ школахъ, для которыхъ онѣ предназначаются. (См. Журн. Мин. Народ. Просвѣщ., за іюль мѣсяць 1887 года).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Д. Д. Полубояринова.
1891.

Того же автора поступили въ продажу слѣдующія новыя изданія: 1) 1-й выпускъ «Русской Рѣчи» — Бумажар. Ц. 20 к. 2) 2-й выпускъ того же сочиненія — «Первая послѣ бумажары книжка для чтенія». Ц. 30 к. 3) Руководящія замѣтки о преподаваніи русскаго языка по всемъ тремъ выпускамъ «Русской Рѣчи». Ц. 75 к. 4) Практическая Русская Грамматика. Дополненіе къ «Русской Рѣчи». Ц. 75 к.

Въ книжномъ селадѣ Д. Д. Полубояринова (С.-Петербургъ, Николаевская, 18) продаются слѣдующія книги для учителей, библиотекъ и для наградъ ученикамъ.

1) А. А. СОКОЛОВЪ. Методика Закона Божія для законоучителей народныхъ школъ. Исд. 5-ое, исправленное и значительно дополненное. Ц. 1 р. 50 к.

2) А. А. СОКОЛОВЪ. Практическія указанія для обучающихся Закону Божію въ одноклассныхъ церковно-приходскихъ школахъ. Ц. 15 к.

3) А. А. СОКОЛОВЪ. Методика начального обученія церковно-славянскому языку. Ц. 25 к.

4) Прот. В. ПѢВЦОВЪ. Опытъ методическаго руководства для наглядныхъ бесѣдъ по картинамъ Священной Исторіи. Ц. 40 коп.

5) К. ЕЛЬНИЦКІЙ: а) Методика начального обученія отечественному языку. Ц. 75 к. б) Общая Педагогика. Ц. 75 коп. в) Курсъ Дидактики. Ц. 75 коп. г) Основы начального школьнаго воспитанія и обученія. Ц. 60 коп. и д) Очеркъ по исторіи педагогики. Ц. 75 коп.

6) Н. ВУЧАКОВЪ: а) Родной языкъ, какъ предметъ обученія въ начальной школѣ съ трехгодичнымъ курсомъ. Ц. 1 руб. б) Руководство къ обученію грамотѣ по книгамъ того же автора «Азбука» и «Первинка» Ц. 15 коп. в) Руководство къ преподаванію по книгѣ для чтенія того же автора «Въ школѣ и дома». Ц. 30 коп. г) Школьный годъ. Распределеніе учебныхъ занятій и самостоятельныхъ ученическихъ работъ въ начальной школѣ съ тремя отдѣленіями, при одномъ учителѣ. Ц. 25 коп. д) Школьное дѣло. Учебный матеріалъ, проработанный авторомъ на многихъ учительскихъ съѣздахъ. Ц. 1 руб. 50 коп. и е) Русскія подвижная школа, воскресные мовторительные уроки. Ц. 50 коп.

7) А. БАРАНОВЪ: а) Руководствія замѣтки для учащихся къ преподаванію родного языка по всѣмъ тремъ книгамъ «Наше Родное». Ц. 30 коп. б) Руководство для учителей и учительницъ къ преподаванію родного языка по «Книгѣ для чтенія». Ц. 40 коп. и в) Подробный планъ занятій въ начальной народной школѣ съ трехгодичнымъ курсомъ, съ указаніемъ самостоятельныхъ работъ. Ц. 15 коп.

8) М. ВОЛЬПЕРЪ. Руководствія замѣтки о преподаваніи русскаго языка иностранцамъ по всѣмъ тремъ выпускамъ «Русской Рѣчи». Ц. 30 к.

9) В. РУДНЕВЪ. Руководство къ преподаванію по книгѣ «Родной Миротъ». Ц. 30 коп.

10) П. СОЛОННИНА: а) Записки по методикѣ Русскаго языка, составленныя для учительскихъ семинарій, учительскихъ институтовъ и для учителей и учительницъ народныхъ школъ, въ трехъ выпускахъ: 1) *Первый выпускъ*—Методика обученія грамотѣ. Ц. 35 коп. 2) *Второй выпускъ*—Методика объяснительнаго чтенія. Ц. 40 коп. и 3) *Третій выпускъ*—Методика начальной грамматики. Ц. 50 к. б) Курсъ Училищевѣдѣнія, составленный для учительскихъ семинарій и институтовъ. Ц. 80 к.

11) П. ПОЛЕВОЙ. Методика преподаванія Русской Грамматики. Ц. 50 коп.

12) В. ЕВТУШЕВСКІЙ: а) Методика Ариеметики. Пособіе для родителей, учителей, учительскихъ семинарій, учительскихъ институтовъ и преподавателей низш. классовъ средн. учебн. заведеній. Ц. 1 р. 50 коп. и б) Руководство для учителей и учительницъ къ преподаванію начальной Ариеметики въ народныхъ школахъ. Ц. 75 коп.

13) А. ГОЛЬДЕНБЕРГЪ. Методика Начальной Ариеметики. Ц. 75 коп.

14) В. ГЕРБАЧЪ: а) Методическое руководство къ обученію письму. Ц. 40 коп. и б) Уроки чистописанія. Учебное пособие для учителей церковно-приходскихъ школъ. Ц. 20 коп.

15) Прот. В. ПѢВЦОВЪ. Иллюстрированныя Евангельскія рассказы, съ большимъ количествомъ художественно исполненныхъ рисунковъ въ текстѣ. Ц. 50 коп.

16) Проф. Э. БРАНДТЪ. Популярная Зоологическая Энциклопедія (Маконпитаюшя), съ большимъ количествомъ рисунковъ въ текстѣ. Ц. 5 руб.

Примѣчаніе. Въ этой книгѣ изложены просто и кратко свѣдѣнія о всѣхъ тѣхъ животныхъ, которыя приносятъ человѣку пользу или вредъ или представляютъ интересъ въ какомъ-либо отношеніи.

17) А. ВОРОНЦКІЙ. Иллюстрированная Географическая Хрестоматія, въ трехъ частяхъ. Цѣна за всѣ три части 5 руб.

18) Я. КОВАЛЬСКІЙ. Сборникъ первоначальныхъ опытовъ, при помощи которыхъ можно познакомиться дѣтей съ самыми простыми физическими и химическими явленіями. Пособіе для учителей начальныхъ школъ, а также для родителей и воспитателей. Ц. 2 р.

19) Иллюстрированная Географическая Библиотека. *Выпускъ I.* Путешествіе вокругъ Сѣтя. Составила О. И. Шмидтъ, авторъ извѣстныхъ дѣтскихъ рассказовъ, премірованныхъ Фребелевскимъ Обществомъ. Ц. 1 руб.

20) П. ПОЛЕВОЙ. Исторія Русской литературы въ очеркахъ и біографіяхъ, съ большимъ количествомъ издально исполненныхъ рисунковъ, помѣщенныхъ въ текстѣ. Цѣна за обѣ части 5 р.

Примѣчаніе. Въ пятомъ изданіи новый періодъ пополненъ тринадцатію біографіями писателей новѣйшаго времени.

21) В. СИЦОВСКІЙ. «Родная Старина». Отечественная исторія въ рассказахъ, въ трехъ выпускахъ (во всѣхъ трехъ выпускахъ 400 рисунковъ). Цѣна полного экземпляра 6 руб.

22) Прот. Д. СОКОЛОВЪ. Вѣсды съ дѣтьми о вѣрѣ и нравственности христіанской. Ц. 1 руб. 25 коп.

Русскій Начальный Учитель. Ежемѣсячный журналъ, издаваемый В. Затишевымъ, при постоянномъ участіи народныхъ учителей. Отдѣлы программы: 1) педагогическій, 2) библиографическій, 3) практическій (сообщеніе полезныхъ свѣдѣній), 4) историко-статистическій. (Принимаются и объявленія о внешнемъ дѣлѣ). *Ежегодный конкурсъ народныхъ учителей.* Еже-

М. ВОЛЬПЕРЪ.

151137

РУССКАЯ РѢЧЬ.

УЧЕБНОЕ РУКОВОДСТВО,

ПРИМѢНЕННОЕ КЪ ОБУЧЕНІЮ РУССКОМУ ЯЗЫКУ ВЪ ТѢХЪ ШКОЛАХЪ,
ВЪ КОТОРЫХЪ ДѢТИ

ПРИ ПОСТУПЛЕНІИ НЕ УМѢЮТЪ ГОВОРИТЬ ПО-РУССКИ.

ВЪ ТРЕХЪ ВЫПУСКАХЪ СЪ 600 РИСУНКАМИ ВЪ ТЕКСТѢ.

ВЫПУСКЪ ТРЕТІЙ.

КНИГА ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

6-ое изданіе.

(Орфографія по „Руководству“ академика ГРОТА.)

«Русская Рѣчь» и «Руководящія замѣтки» къ преподаванію по всѣмъ тремъ выпускамъ «Русской Рѣчи» одобрены для употребленія въ тѣхъ школахъ, для которыхъ онѣ предназначаются. (См. Журн. Мин. Народ. Просвѣщ. за июль мѣсяць 1887 года).

Въ дополненіе къ «Русской Рѣчи» издана новая книга того же автора «Практическая Русская Грамматика». Ц. 75 коп. Эта книга Мин. Народ. Просв. допущена къ употребленію въ низшихъ училищахъ и преимущественно въ тѣхъ изъ нихъ, въ которыхъ дѣти, при поступленіи, не владѣютъ русской разговорной рѣчью. (См. Журналъ Мин. Нар. Просв. за мартъ 1891 г.).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе Д. Д. Полубояринова.

1891.

Адресъ издателя: С.-Петербургъ. Николаевская, 18.

Того же автора поступили въ продажу слѣдующія новыя изданія: 1) 1-й выпускъ «Русской Рѣчи» — Букварь. Ц. 20 к. 2) 2-й выпускъ того же сочиненія — «Первая послѣ букваря книжка для чтенія». Ц. 30 к. 3) Руководящія замѣтки о преподаваніи русскаго языка по всѣмъ тремъ выпускамъ «Русской Рѣчи». Ц. 30 к. и 4) Практическая Русская Грамматика. Дополненіе къ «Русской Рѣчи». Ц. 75 к.

Въ книжномъ складѣ Д. Д. Полубояринова (С.-Петербургъ, Николаевская, 18)
продаются слѣдующія книги для средн. учебн. заведеній:

1) ПРОТ. В. ПѢВЦОВЪ: а) **Иллюстрированные Евангельскіе рассказы.** Цѣна 50 коп. и б) **Священная исторія ветхаго и новаго завѣта** съ картами и картинами въ текстѣ. Цѣна Ветх. Зав. 50 коп. и Нов. Зав.—40 коп.

Примѣчаніе. Помѣщенные въ этихъ книгахъ изящно исполненные рисунки, величиной во всю страницу большаго формата, даютъ возможность вести наглядныя бесѣды одновременно со всѣми учениками класса.

2) П. ПОЛЕВОЙ: а) **Учебная Русская Хрестоматія** съ толкованіями, въ трехъ частяхъ Цѣна I части 50 коп., II—70 к. и III—75 к. б) **Методическая Русская Грамматика.** Цѣна 40 к. и в) **Исторія Русской Литературы въ очеркахъ и біографіяхъ** съ большимъ количествомъ изящно исполненныхъ рисунковъ, помѣщенныхъ въ текстѣ, въ двухъ томахъ. 5-е изданіе (въ этомъ изданіи новый періодъ пополненъ тринадцатью біографіями писателей новѣйшаго времени.) Цѣна за оба тома вмѣсто шести руб. назначена 5 руб.

3) П. ПОЛЕВОЙ: а) **Русская Исторія** для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Цѣна 1 р. 25 к. и б) **Русская Исторія** для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ завед., съ портретами и картами въ текстѣ. *Курсъ элементарный.* Цѣна 50 к.

4) В. ВТУШЕВСКИЙ. **Сборникъ ариѳметическихъ задачъ и численныхъ примѣровъ**, въ двухъ частяхъ: *Первая часть*—Цѣлыя числа. Ц. 35 к. *Вторая часть*—Дробн. Ц. 40 к.

5) А. ГОЛЬДЕНБЕРГЪ. **Сборникъ задачъ и примѣровъ для обученія Начальной Ариѳметикѣ**, въ двухъ выпускахъ. (Для подготовительнаго класса.) Цѣна за оба выпуска 30 к.

6) А. ВОРОНОВЪ: а) **Руководство Практической Ариѳметики.** Ц. 75 к. и б) **Собраніе ариѳметическихъ задачъ**, въ двухъ частяхъ: *Часть I-ая.* Ц. 30 к. *Часть II-ая.* Ц. 30 к.

7) А. БАРАНОВЪ и Н. ГОРЬЛОВЪ. **Географія Россійской Имперіи** съ большимъ количествомъ картъ въ текстѣ. Цѣна 1 р.

8) А. ВОРОНЕЦКИЙ: а) **Учебникъ Всеобщей Географіи** съ картинами въ текстѣ, въ трехъ курсахъ: *Курсъ первый*—Общій обзоръ земнаго шара. Цѣна 45 коп. *Курсъ второй*—Внѣ-европейскія страны. Цѣна 45 коп. и *Курсъ третій*—Европа. Ц. 40 коп. б) **Иллюстрированная Учебная Географическая Хрестоматія**, въ трехъ частяхъ. *Часть первая*—Общій обзоръ земнаго шара. Ц. 1 руб. 35 к. *Часть вторая*—Внѣ-европейскія страны. Цѣна 2 руб. и *Часть третья*—Европа. Цѣна 1 руб. 65 коп.

9) ПРОФ. Э. БРАНДТЪ. **Популярная Зоологическая Энциклопедія.** Цѣна 5 руб.
Примѣчаніе. Простота и практичность изложенія, возможность при помощи алфавитовъ на четырехъ языкахъ отыскивать скоро незнакомыя названія животныхъ и большое количество хорошо исполненныхъ рисунковъ дѣлаютъ эту книгу вполне пригодною для раздачи въ награду ученикамъ и для пріобрѣтенія въ бібліотеки учебныхъ заведеній.

10) Н. БУНАКОВЪ: 1) **Хрестоматія** для изученія образцовъ русской словесности, съ примѣчаніями, руководящими вопросами и біографическими очерками, въ четырехъ частяхъ. Цѣна *1-й части* 60 к., *2-й*—1 р. 50 к., *3-й*—1 р. 20 к. и *4-й*—90 к. и 2) **Бонцентрическій Учебникъ Русской Грамматикѣ**, въ двухъ частяхъ. Цѣна *1-й части*—70 к. и *2-й*—1 р.

11) К. ЕЛЬНИЦКИЙ: а) **Учебникъ Теоріи Словесности.** Ц. 75 к. б) **Сборникъ поэтическихъ произведеній.** Ц. 45 к. и в) **Мысли и чувства, выраженные въ поэт. произвед.** Ц. 40 к.

12) АӨ. СОКОЛОВЪ: а) **Методическая грамматика.** Ц. 40 к. и б) **Сборникъ диктантовъ.** Дополненіе къ «Методической грамматикѣ». Цѣна 20 коп.

13) В. ИГНАТОВИЧЪ: 1) **Французская азбука** по аналитической системѣ. Ц. 60 коп. 2) **Бонцентрическій Учебникъ Французскаго языка** сравнительно съ русскимъ и латинскимъ, въ 3-хъ частяхъ: Цѣна *1-й части* 50 коп., *2-й*—60 коп. и *3-й*—1 р. 25 к. и 3) **Французскіе классики**, въ обработкѣ для чтенія въ учебныхъ заведеніяхъ, въ пяти выпускахъ: *1-й* и *2-й*—Molière, *3-й*—Corneille, *4-й*—Racine и *5-й*—Voltaire. Цѣна каждого выпуска 1 руб.

14) В. СИПОВСКИЙ. «**Родная Старина**». Отечественная исторія въ рассказахъ, въ трехъ выпускахъ (во всѣхъ трехъ выпускахъ 400 рисунковъ). Цѣна полнаго экземпляра 6 руб.

15) А. ДМИТРИЕВЪ: а) **Собраніе Геометрическихъ Задачъ**, въ двухъ книгахъ: Книга I—**Планиметрия.** Ц. 70 к. Книга II—**Стереометрія.** Ц. 80 коп. и б) **Начальныя основанія Прямолинейной Тригонометріи.** Ц. 75 коп.

16) В. ГЕРБАЧЪ: 1) **Прописи Русскія.** Ц. 40 коп. 2) **Прописи Французскія и Нѣмецкія.** Ц. 35 к. и 3) **Прописи Латинскія и Греческія.** Ц. 30 к.

17) А. ГЕРДЪ: 1) **Руководство Минералогіи.** Ц. 1 р. 50 к. и 2) **Опредѣлитель Минераловъ.** Ц. 1 руб.

Примѣчаніе. Всѣ заказы частныхъ лицъ и школъ на изданія Д. Д. Полубояринова исполняются только при высылкѣ, по объявленному цѣнамъ, **всѣхъ денегъ впередъ.** При каждомъ заказѣ, по объявленному цѣнамъ, на сумму меньшую пятидесяти рублей, издатель, при разстояніи отъ Петербурга до 1000 верстъ, принимаетъ на свой счетъ всѣ расходы по пересылкѣ требуемыхъ книгъ; при разстояніяхъ же 1000 и болѣе верстъ слѣдуетъ присылать на пересылку согласно новой возвышенной почтовой таксѣ по 10 коп. съ cadaго фунта на каждую 1000 верстъ. При каждомъ же заказѣ на сумму 50 и болѣе рублей издатель дѣлаетъ съ объявленныхъ цѣнъ **20 процентовъ** уступки, но въ этомъ случаѣ всѣ расходы по пересылкѣ, упаковкѣ и страховкѣ товара падаютъ на покупателя; товаръ же отправляется или по почтѣ или черезъ Контору Россійскаго Общества Транспортированія кладовъ.

Деньги слѣдуетъ высылать на имя издателя Д. Д. Полубояринова по слѣдующему адресу: С.-Петербургъ, Николаевская, 18.

А. РАЗСКАЗЫ.

1. Братъ и сестра.

Серёжа и Аннушка остались дома одни, и братъ сказалъ сестрѣ: — Пойдѣмъ, поищемъ, не осталось ли въ домѣ чего-нибудь вкуснаго, и полакомимся. — „Если бы ты повелъ меня въ такое мѣсто, гдѣ насъ никто не увидитъ, то, пожалуй, я пошла бы съ тобою“, — отвѣчала Аннушка. — Пойдѣмъ въ кладовую: такъ мы найдѣмъ что-нибудь вкусное, и никто насъ не увидитъ. — „Нѣтъ, Серёжа, тамъ можетъ увидѣть насъ сосѣдъ: онъ кдлетъ на дворѣ дрова“. — Ну, такъ пойдѣмъ въ кухню, — уговаривалъ Серёжа сестру: тамъ стоитъ цѣлый горшокъ меду, и мы намажемъ себя по большому ломтю хлѣба. — „Въ кухню увидитъ насъ сосѣдка: она, вѣрно, теперь сидитъ у окна и прядѣтъ“. — Ахъ, какая же ты трусиха, Аниота! сказалъ маленькій лакомка: пойдѣмъ, если такъ, въ подгребъ кѹшати яблоки: тамъ уже, навѣрно, насъ никто не увидитъ. — „Ахъ, милый Серёжа, неужели ты думаешь, что въ подгребѣ никто уже насъ не увидитъ?... Развѣ ты не знаешь о Томъ, Кто видитъ черезъ стѣны, и отъ Котѣраго и въ темнотѣ нельзя скрыться?“ Серёжа испугался. — Правда твоя, сестрица, сказалъ онъ: Богъ видитъ насъ и тамъ, гдѣ человѣческій глазъ ничего не видитъ; а потому ни наединѣ, ни въ темнотѣ не должны мы дѣлать ничего такого, чего не смѣли бы сдѣлать при другихъ и при свѣтѣ.

2. Странникъ.

Въ одномъ прекрасномъ помѣстьѣ, отъ котораго въ настоящее время не осталось и слѣда, жилъ богатый князь. Онъ тратилъ много денегъ на великолѣпное украшеніе своего дома и парка, но бѣднымъ дѣлалъ мало добра. Разъ забрелъ въ это помѣстье странникъ и просилъ ночлега. Князь отказалъ страннику въ егѣ прѣсѣбѣ и съ гордостью сказалъ: „Здѣсь не гостиница“. Тогда странникъ сказалъ: „Позвольте мнѣ предложить вамъ только три вопроса“. — „Спрашивай сколько угодно“, отвѣчалъ князь: „на всѣ вопросы я дамъ тебѣ отвѣтъ“. И странникъ спросилъ: „Кто жилъ до васъ въ этомъ имѣніи?“ — „Отецъ мой“, — отвѣтилъ князь. „А кто жилъ до него?“ продолжалъ странникъ. — „А до него жилъ мой дѣдъ“. — „А кто будетъ жить послѣ васъ?“ — „Надѣюсь, что сынъ мой“. — Итакъ, продолжалъ странникъ: „если каждый живѣтъ въ этомъ помѣстьѣ только известное время, а потомъ уступаетъ свое мѣсто другимъ, то кто всѣ вы, какъ не гости, а домъ вашъ какъ не дѣйствительно гостиница. Не тратьте же такъ много денегъ на украшеніе вашего временнаго жилища, а лучше дѣлайте побольше добра бѣднымъ“. Князю понравилась рѣчь странника, онъ далъ ему пріютъ, и съ этого времени сдѣлался весьма сострадательнымъ къ бѣднымъ.

3. Семь прутьевъ.

Жилъ-былъ крестьянинъ. У него было семь сыновѣй. Сыновья жили недружно. Цѣлые дни проходили у нихъ въ ссорахъ да спорахъ. Вотъ однажды старикъ-отецъ призываетъ всѣхъ своихъ сыновѣй, кладѣтъ передъ ними семь прутьевъ, крѣпко связанныхъ въ одинъ пучокъ, и говоритъ: „Даю сто рублей тому изъ васъ, кто переломитъ эту связку прутьевъ“.

Стали сыновья по очереди подходить къ связкѣ, пробовали переломить, — никому не удаётся; каждый клалъ связку обратно и говорилъ: „Нѣтъ, батюшка, не могу!“ — „Ахъ, вы неразумные!“ сказалъ имъ отецъ. „Нѣтъ ничего легче, какъ переломить эти прутья“. Взялъ, развязалъ пучокъ и сталъ ломать каждый прутьикъ отдѣльно. „Э!“ закричали сыновья, „этакъ-то, конечно, не трудно! Такъ и малый ребенокъ ихъ переломитъ!“

Тогда старикъ сказалъ:

— Вы, дѣти, то же, что связанные прутья! Покуда будете крѣпко держаться другъ за друга, всёмъ будетъ хорошо: ни одинъ лихой человекъ не осилитъ васъ; а какъ только порвете дружбу, будетъ съ вами то же, что съ этими прутьями, которые всё полдманы и раскиданы здѣсь на полѣ.

4. Спасеніе утопающаго.

Стояла рыбацья избушка у самаго озера. На порогѣ избушки сидѣли Ваня, лѣтъ двѣнадцати, и Маша, лѣтъ одиннадцати, дѣти рыбака. Они ждали своего отца, который обыкновенно поздно вечеромъ возвращался съ рыбной ловли. Дулъ сильный вѣтеръ. Волны шумѣли. Вдругъ послышался какой-то жалобный крикъ на озерѣ.

— „Слышишь, Маша? кто-то кричитъ; вонъ опять!“

— „Да, точно, кричитъ. Смотри, вонъ что-то даже чернѣетъ на водѣ. Кажется, человекъ“, отвѣчала Маша.

— „Не тонетъ ли кто? Поѣдемъ, Маша, въ лодкѣ; можетъ-быть, мы поможемъ ему“.

Ваня и Маша бросились къ лодкѣ, отвязали её и скорѣе поплыли къ тому мѣсту, гдѣ чернѣло. Какъ дѣти рыбака, они отлично умѣли справляться съ лодкою. Несмотря на сильный вѣтеръ и большія волны, они подѣхали къ самому утопающему и помогли ему влѣзть въ лодку. Маша взялась за весла, а Ваня правилъ къ берегу и откидывалъ воду, которая набралась въ лодку отъ всплѣсковъ волнъ. Доѣхавъ счастливо до берега, они привели въ свою избушку спасеннаго ими мальчика, лѣтъ пятнадцати. Это былъ сынъ крестьянина изъ сосѣдней деревни. Онъ поѣхалъ въ челнокѣ, когда было тихо на озерѣ. Вѣтромъ опрокинуло челнокъ, и пловецъ, выбившись изъ силъ, пошелъ бы ко дну, если бы Ваня и Маша не спасли его. Приѣхавъ и рыбакъ. Дѣти рассказали отцу, какъ они спасли утопающаго, и сами плакали отъ радости. Всю жизнь они вспоминали объ этомъ и благодарили Бога, что Онъ помогъ имъ спасти человека.

5. Споръ деревьевъ.

Заспорили деревья промежду себя: кто изъ нихъ лучше. Вотъ дубъ и говоритъ: „Я всёмъ деревьямъ царь! Кюрень мой глубоко въ землю ушелъ, стволъ у меня въ три обхвата, а верхушка въ небо смотрится; листья у меня вырѣзные, сучья—какъ изъ желѣза вылиты. Не кланяюсь я бурямъ, предъ грозью не гнусь“. Услышала ёлочка, какъ дубъ хвастаетъ, и говоритъ: „Не хвастай много, дубище! Правда, что и великъ ты, и толстъ, да растуть-то на тебѣ одни жолуди, свинымъ на потѣху. Вотъ моё румяное ёлочко—такъ и на царскомъ столѣ бываетъ“.— „Хвастайте, хвастайте!“ сказала сосна: „вотъ придеть зима, и будете вы оба голые стоять да мёрзнуть, а на мнѣ всё-таки мой зелёныя колючки останутся. Не красива я въ этихъ колючкахъ, да безъ меня людямъ и житья бы не было: я имъ и печи топлю, и избы стрю“.

6. Гость дорогой.

Знаете ли, дѣтки, что къ намъ пришѣлъ дорогой гость? Всѣ встрѣчаютъ его съ великой радостью, пойдѣмъ и мы встрѣчать дорогаго гостя!

Такъ сказала дѣтямъ учитель.

— Какой же это гость? Откуда онъ пришѣлъ? Почему всѣ радуются? спрашивали дѣти.

— Чудной это гость! отвѣчаетъ учитель. Никто его не видитъ, но всякій чуетъ, что пришѣлъ дорогой гость. Всѣмъ весело при немъ, да не только людямъ, даже птички въ лѣсу, да же травки на лугу. Птички летаютъ, весело щебечутъ, кричатъ, поютъ. Онѣ пѣснями встрѣчаютъ дорогаго гостя. Луга зазеленѣли, и цвѣточки на нихъ показались. Онѣ нарядились, чтобъ встрѣчать дорогаго гостя. Поде тоже нарядилось для него: яркая зелень разстилается, какъ бархатный ковѣръ. А солнышко-то какъ хорошо, какъ ярко, какъ весело блеститъ! Любо, — праздникъ, настоящій праздникъ! А все потому, что пришѣлъ дорогой гость.

— Да какъ же зовутъ этого гостя? Какъ бы увидать его? Къ кому же онъ пришѣлъ? — спрашивали дѣти.

— Видѣть его, дѣтки, нельзя... Пришѣлъ онъ и ко мнѣ, и къ вамъ, и къ птичкамъ, и къ травкамъ, — ко всѣмъ. А имя его — *Май*. Хотите его встрѣчать?

Дѣти вспомнили, что сегодня первое мая, догадались, что учитель зоветъ ихъ гулять, и весело закричали: „Хотимъ, хотимъ! Пойдѣмъ встрѣчать дорогаго гостя“!

7. Птицы.

Въ одной небольшой деревенькѣ было столько садовъ, что вся она казалась большимъ садомъ. Деревья цвѣли и благоухали весной, а въ густой зелени ихъ вѣтвей порхало множество птичекъ, которыя оглашали окрестность звонкими пѣснями и веселымъ щебетаньемъ. Осенью же появлялось между листьями множество розовыхъ яблокъ, желтыхъ грушъ и синихъ сливъ.

Но вотъ нѣсколько мальчиковъ, собравшись толпою, разорили птичьи гнѣзда. Бѣдныя птицы покинули сады и больше ужѣ въ нихъ не возвращались. Прошла осень и зима, пришла новая весна; но въ садахъ было тихо и печально. Вредныя гусеницы, которыхъ прежде птицы истребляли, разводились теперь тысячами и пожирали на деревьяхъ листья и цвѣты; и вотъ обнаженные деревья посреди лѣта смотрѣли печально, будто зимою. Пришла осень, но въ садахъ не было ни розовыхъ яблокъ, ни желтыхъ грушъ, ни синихъ сливъ; на вѣткахъ не перепархивали веселыя птички; деревня не оглашалась ихъ звонкими пѣснями.

8. Какъ поймали птичку.

Весело и свободно жила въ лѣсу рѣзвая птичка. Съ утра до вѣчера перепархивала она съ вѣтки на вѣтку. Отъ восхода солнца до сумерекъ слышалась ей нѣжная пѣсенка. Въ свѣжемъ источникѣ утоляла она свою жажду, и весь чѣсъ былъ для нея готовымъ столомъ.

Но она не умѣла отличать, гдѣ кормъ приготовленъ для нея щедрой природой и гдѣ онъ выставленъ для приманки хитрымъ птицеловомъ.

Птицеловъ давно уже прислушивался къ ей пѣснямъ и придумалъ, какъ поймать пѣвицу. Онъ устроилъ искусную клѣтку съ двумя отдѣленіями внутри. Въ одно отдѣленіе онъ посадилъ ручную птичку; это отдѣленіе со всѣхъ сторонъ было заперто. Другое отдѣленіе служило западней; въ это отдѣленіе птицеловъ насыпалъ корму. Вотъ онъ поставилъ клѣтку въ лѣсу, у ручья, къ которому пѣвчая птичка прилетала утолить свою жажду, а самъ спрятался за кусты.

Вскрѣ прилетаетъ веселая птичка-пѣвунья и видитъ незнакомую ей птицу, а возлѣ нея множество зѣренъ. Не думая долго, она всцѣрхиваетъ и стрѣлой летитъ на приманку. Съ крикомъ влетаетъ она въ клѣтку; въ ту же минуту дѣрка съ шумомъ захлопывается, и птичка поймана.

У нея теперь будетъ много корму; но ей уже никогда не удастся порѣзвиться на свободѣ въ прекрасномъ зеленомъ лѣсу.

9. Пчелки на развѣдкахъ.

Проснувшись пчелка отъ зимняго сна, прочистила глазки мохнатыми лапками, разбудила подружку, выглянули онѣ въ окошко—развѣдать, ушелъ ли снѣгъ, и ледъ, и холодный сѣверный вѣтеръ.

Видятъ пчелки, что солнышко свѣтитъ ярко, что вездѣ свѣтло и тепло; выбрались онѣ изъ улья, полетѣли къ яблонькѣ и спрашиваютъ: „Нѣтъ ли у тебя, яблонька, чего-нибудь для бѣдныхъ пчелокъ? мы цѣлую зиму голодали!“

— Нѣтъ, говоритъ имъ яблонька, вы прилетѣли слишкомъ рано: мой цвѣтъ еще спрятанъ въ почкахъ. Попытайтесь у вишни.

Полетѣли пчелки къ вишнѣ: „Милая вишенка! нѣтъ ли у тебя цвѣточка для голодныхъ пчелокъ“?

— Навѣдайтесь, милочки, завтра, отвѣчаетъ имъ вишня: сегодня нѣтъ на мнѣ еще ни одного открытаго цвѣточка; а когда откроются, я буду рада гостямъ.

Полетѣли пчелки къ тюльпану; заглянули въ его пеструю голѣвку; но не было въ ней ни запаха, ни мѣду.

Печальныя и голодныя пчелки уже хотѣли летѣть домой, какъ увидѣли подъ кустикомъ скромный темносиній цвѣточекъ: это была фиалочка. Она открыла пчелкамъ свою чашечку, полную аромата и сладкаго сока. Наѣлись, напились пчелки и полетѣли домой — веселеньки.

10. Живи своимъ умомъ.

Козелъ повадился въ огородъ: бывало, какъ только пастухъ выгоняетъ стадо, Васька мой сперва какъ добрый идетъ, головой помахиваетъ, бородой потрѣхиваетъ; а какъ только ребяташки засядутъ въ овражекъ гдѣ-нибудь въ камушки играть, Васька и отправляется прямо въ капусту.

Разъ пошелъ онъ тѣмъ знакомымъ путемъ. Въ это время отбилась отъ стада глухая овца, зашла въ чащу, въ кропиву, да въ лопушникъ, стоитъ сердечная, да кричитъ, да оглядывается, не найдется ли кто добрый человекъ, чтобы вывелъ ее изъ этой бѣды. Увидавши козла, обрадовалась она, какъ родному брату: „Пойду, думаетъ, хоть за нимъ. Этотъ выведетъ: не въ первый разъ янѣ за нимъ итти; у насъ впередъ стада тоже козелъ вожакомъ ходитъ; за нимъ ступай смѣло!“ Пошла овца наша, увязавшись за козломъ. Онъ черезъ оврагъ—она черезъ оврагъ; онъ черезъ тынъ—она черезъ тынъ, и пошла съ нимъ въ огородъ.

На этотъ разъ огородникъ заглянулъ какъ-то пораньше въ капусту свою, да и увидалъ гостей. Схватилъ онъ хворостину предолгую и кинулся на незваныхъ. Козёлъ, какъ попроворнѣй, успѣлъ перескочить опять черезъ тынъ, мемекнулъ, да и пошёлъ себѣ въ чистое поле; а бѣдная овца замоталась, стала кидаться, оробѣвъ, во всё стѣроны, да и поналась.

Пришла овца домой, въ стадо, да и плачется на козла. А козёлъ говоритъ: „А кто велѣлъ тебѣ за моймъ хвостомъ бѣгать? Я пошёлъ въ свою голову, такъ мой и отвѣтъ; а коли мужикъ отобѣтъ мнѣ бока, такъ я ни на когдѣ плакаться не стану: а ужъ буду молчать, да терпѣть. А тебя зачѣмъ понесло за мнѣю? Я тебя не звалъ“.

11. З а я ц ь.

Хорошо жилось зайцу въ зелёномъ лѣсу. Пшци для него было тамъ вдоволь. Но ему захотѣлось полакомиться, и задумалъ онъ побывать на крестьянскомъ огородѣ — попробовать капустки.

Крестьянинъ садилъ эту капусту для своей семьи и для продажи, а не для зайцевъ. Чтобы отгонять ихъ, онъ поставилъ на огородѣ шесть и привязалъ къ нему поперечную палку; на шесть онъ надѣлъ старую шапку и навѣсилъ изношенный кафтанъ, такъ что вышло что-то похожее на человѣка. Лучшее этого предостереженія и не нужно; онъ ясно говоритъ: „это поле принадлежитъ человѣку, и ты не долженъ сюда ходить“!

Но заяцъ не разсуждалъ. На первый взглядъ ему показалося, что на огородѣ стоитъ живое человѣкъ; но такъ какъ человѣкъ этотъ не двигался, то заяцъ сталъ смѣлѣе и подошёлъ поближе. Наконецъ онъ совсѣмъ расхрабрился; весело запрыгалъ по грядкамъ и сталъ ѣсть капусту какъ разъ противъ чучела.

На другой день крестьянинъ видитъ, что егдѣ лучшіе кочаны капусты обгрызаны. „Ну, нѣтъ! этого я не прощу“! думаетъ онъ, и приглашаетъ охотника.

Охотникъ заряжаетъ ружьё и вечеромъ отправляется на огородъ. Вотъ онъ притаился и наблюдаетъ. Прибѣгаетъ наконецъ и зайчикъ: видно, капуста пришлась ему по вкусу. „О“! думаетъ онъ, замѣтивъ охотника: „сегодня крестьянинъ поставилъ ещё другое чучело, чтобъ задать мнѣ больше страху; но я не боюсь“! И онъ смѣло сѣлъ на заднія лапы, какъ разъ противъ охотника.

Раздался выстрѣлъ, и убитый заяцъ упалъ.

12. Человѣкъ подь снѣгомь.

Случилось однажды зимою, что мужикъ Арёфій Никитинъ поѣхалъ за дровами въ лѣсъ, всего версты четыре отъ деревни, да и запоздалъ. Поднялся бурянь. Лошаденка была плохая, да и самъ онъ былъ плохъ; показалося ему, что онъ не по той дорогѣ ѣдетъ, и онъ пошёлъ отыскивать дорогу. Снѣгъ былъ глубокой, онъ выбился изъ силъ, завязъ въ долочкѣ—такъ его снѣгомъ тамъ и занесло. Лошадь постояла, отдохнула, видно, прозябла, и пошла шагкомъ, да и пришла домой. Дома Арёфья ждали; увидѣли, что лошадь пришла одна, дали знать старостѣ, подняли тревогу, и мужиковъ съ десятокъ поѣхали отыскивать Арёфья. Бурянь былъ страшный, зги не видать! Поѣздили, поискали, да такъ ни съ чѣмъ и воротились. На другой день вся деревня ѣздила отыскивать, и также ничего не нашли... Уже на третій день, совсѣмъ по другой дорогѣ, ѣхалъ мужикъ изъ Кудрина, ѣхалъ онъ съ звѣровдю собакой; собака и причуяла что-то,

недалекѡ отъ дороги и начала лапами снѣгъ разгребать. Мужикъ былъ охотникъ, остановилъ лошадь и подошелъ посмотрѣть, что тутъ также есть: видитъ, что собака выкопала нору, и оттуда паръ идетъ. Принялся онъ разгребать и видитъ, что внутри пустае мѣсто, ровно медвѣжья берлога; въ ней человекъ лежитъ, спитъ, а кругомъ него все обтаяло. Онъ зналъ про Арѣфья и догадался, что это онъ. Мужикъ поскорѣе прикрѣлъ дыру снѣжкомъ, бросился на лошадь, да и прискакалъ въ деревню. Народъ мигомъ собрался. Поскакали съ лопатами, откопали Арѣфья, взвалили на сани, прикрѣили шубой и привезли домой. Дома его въ избу не вдругъ внесли, а сначала долго оттирали снѣгомъ: а онъ весь былъ талый. Арѣфий отъ стужи и снѣгу ровно проснулся; тогда внесли его въ избу, но онъ все былъ безъ памяти. Ужъ на другой день пришелъ въ себя и фсть попросилъ, и потомъ былъ здоровъ, только какъ-то говорить сталъ дурно.

13. Здоровье и долготіе.

Въ теплый осенній день на завалинкѣ у своей избы сидѣлъ восьмидесятилѣтній старикъ. Голова его была бѣлая, какъ снѣгъ; но лицо было здоровое, веселое, глаза живые, а руки, казалось, годились еще ко всякой работѣ. Тутъ же на дорогѣ играли здоровые и румяные внуки и правнуки старика.

Подошелъ къ старику молодой человекъ, недавно прїехавшій изъ города, и сталъ допытывать, какъ онъ дожилъ до такихъ лѣтъ и сохранилъ столько силъ и крѣпости?

Старикъ и говоритъ ему: „Отъ самыхъ малыхъ лѣтъ меня никогда не заставляло восходящее солнце въ постели. Я ложился спать, какъ только наступала ночь, которую Господь Богъ даетъ намъ для отдыха. Вставши съ постели, я никогда не зѣвалъ, никогда не лѣнился, а работалъ усердно. Работа крѣпила мое тѣло, а молитва крѣпила мой духъ. Я всегда былъ веселъ, такъ какъ всегда вѣрилъ въ Божью помощь; я вѣрилъ въ Бога и въ свои руки, и они меня не обманули“.

— А кто же тебя научилъ этому? спросилъ молодой человекъ.

Старикъ всталъ и повелъ его въ свой садикъ. Тамъ, между деревьями, погнувшимися отъ тяжести созрѣвающихъ плодовъ, стояли рядами ульи съ пчелами. „Вотъ на томъ да на этомъ учился я уму-разуму“, сказалъ старикъ, указывая на деревья и на ульи. „Я сажалъ, прививалъ, доглядывалъ деревья; они росли на моихъ глазахъ и веселили мое сердце. Я былъ между деревьями, какъ между своими дѣтьми; они учили меня, какъ милостивъ Господь Богъ, какъ Онъ награждаетъ человека за трудъ. А маленькая мушка-пчелка учила меня трудолюбію, бережливости и порядку. Я прожилъ мой вѣкъ въ прїятномъ трудѣ, весело и вырастилъ такъ моихъ дѣтей и внуковъ“.

14. Вѣрная собака.

I.

Одинъ купецъ отправился въ дорогу верхомъ, и слѣдомъ за нимъ бѣжалъ его вѣрный пудель. Купецъ ѣхалъ за тѣмъ, чтобы получить большую сумму денегъ. Получивши деньги и привязавъ ихъ въ мѣшокъ къ сѣдлу, поѣхалъ онъ домой. Доругою мѣшокъ отвязался и упалъ, а купецъ и не замѣтилъ. Зоркій пудель видѣлъ, какъ упалъ мѣшокъ; попробовалъ-было поднять его зубами, но почувствовалъ, что онъ былъ ему не подъ силу. Тогда пудель, оставивъ мѣшокъ,

догналъ своего хозяина, забѣжалъ вперёдъ, сталъ кидаться на лошадь и лаять съ ожесточеніемъ и упорствомъ. Не зная, въ чёмъ дѣло, купецъ кричалъ на пуделя, бранилъ его, ударилъ кнутомъ — ничто не помогало. Вѣрное животное продолжало кидаться на лошадь съ такою яростью, какъ будто хотѣло стащить долъ своего хозяина. Видя, что ничто не помогаетъ и что купецъ всё ѣдетъ дальше и дальше, пудель сталъ кусать за ноги лошадь, чтобы заставить хозяина воротиться. Купецъ испугался: ему пришло на мысль, что пудель его взбѣсилъ, и, зная, какъ опасны бѣшенныя собаки, купецъ рѣшился застрѣлить своего вѣрнаго слугу.

II.

Долго ещё, однакожь, старался онъ отдѣлаться отъ пуделя то ласками, то угрозами, то ударами кнута; но видя, что это не помогаетъ, вынулъ пистолетъ и съ стѣсненнымъ сердцемъ выстрѣлилъ въ вѣрную собаку. Бѣдное животное упало; но черезъ минуту опять поднялось и съ жалобнымъ визгомъ, обливаясь кровью, старалось слѣдовать за хозяиномъ. Купецъ очень любилъ своего пуделя, ему было тяжело смотрѣть, какъ онъ страдаетъ, и потому онъ, приподривъ лошадь, усканилъ вперёдъ. Отъѣхавъ немного, купецъ, захотѣлъ взглянуть, что стало съ бѣднымъ животнымъ, и тутъ только, оборачиваясь назадъ, замѣтилъ онъ, что мѣшка съ деньгами не было у сѣдла. Поднялъ тогда купецъ, почему такъ упорно лаяла и кидалась на него вѣрная собака, и ему было больше жаль собаки, нежели денегъ. Онъ тотчасъ же поскакалъ назадъ; но не нашёлъ уже пуделя на томъ мѣстѣ, гдѣ его оставилъ. Слѣды крови по дорогѣ показывали, что собака воротилась назадъ. Какъ больно было доброму купцу, когда, отираившись по кровавымъ слѣдамъ, онъ нашёлъ вѣрное животное у мѣшка съ деньгами. Понятливо смотрѣла собака на своего хозяина и ласково лизала ему руку.

15. Левъ и собачка.

Въ одномъ городѣ показывали дикихъ звѣрей и за смотрѣнье брали деньгами или собаками и кошками на кормъ звѣрямъ. Одному человеку захотѣлось посмотреть звѣрей; онъ ухватилъ на улицѣ собаченку и принёсъ её въ звѣринецъ. Его впустили смотрѣть, а собаченку взяли и бросили въ клѣтку ко льву на съѣденіе.

Собачка поджала хвостъ и прижалась въ уголь клѣтки. Левъ подошелъ къ ней и понюхалъ её.

Собачка легла на спину, подняла лапки и стала махать хвостомъ.

Левъ тронулъ её лапой и перевернулъ.

Собачка вскочила и стала передъ львомъ на заднія лапки.

Левъ смотрѣлъ на собачку, поворачивалъ голову со стороны на сторону и не трогалъ ея.

Когда хозяинъ бросилъ льву мяса, левъ оторвалъ кусокъ и оставилъ собачкѣ.

Вечеромъ, когда левъ лёгъ спать, собачка легла подлѣ него и положила свою голову ему на лапу.

Съ тѣхъ поръ собачка жила въ одной клѣткѣ со львомъ. Левъ не трогалъ ея, ѣлъ кормъ, спалъ съ ней вмѣстѣ, а иногда игралъ съ ней.

Одинъ разъ баринъ пришёлъ въ звѣринецъ и узналъ свою собачку; онъ сказалъ, что собачка его собственная, и попросилъ хозяина звѣринца отдать ему. Хозяинъ хотѣлъ отдать; но какъ только стали звать собачку, чтобы взять её изъ клѣтки, левъ ошетинился и зарычалъ.

Такъ прожили левъ и собачка цѣлый годъ въ одной клѣткѣ.

Черезъ годъ собачка заболѣла и издохла. Левъ пересталъ ѣсть, а все нюхалъ и лизалъ собачку и трогалъ ее лапой. Когда онъ понялъ, что она умерла, онъ вдругъ вспрыгнувъ, оцѣтѣнился, сталъ хлестать себя хвостомъ по бокамъ, бросился на стѣну клѣтки и сталъ грызть засовы и полъ.

Цѣлый день онъ бился, метался по клѣткѣ и ревелъ; потомъ легъ подлѣ мѣртовой собачки и затихъ. Хозяинъ хотѣлъ унести собачку, но левъ никогда не допускалъ къ ней.

Хозяинъ думалъ, что левъ забудетъ свое горе, если ему дать другую собачку, и пустилъ ему въ клѣтку живую собачку; но левъ тотчасъ разорвалъ ее въ куски. Потомъ онъ обнялъ своими лапами мѣртовую собачку и такъ пролежалъ пять дней.

На шестой день левъ умеръ.

16. Довольный малымъ — у Бога не забыть.

Однажды, въ голодное время, хлѣбъ дурно родился, и народъ терпѣлъ нужду въ продовольствіи. Одинъ богатый и сострадательный купецъ призвалъ къ себѣ двадцать маленькихъ дѣтей изъ самыхъ бѣднѣйшихъ семействъ города, въ которомъ онъ жилъ, и сказалъ имъ: „Вотъ вамъ корзинка съ хлѣбами; для каждаго изъ васъ тутъ есть по одному хлѣбцу, которые вы можете взять. Каждый день въ этотъ часъ приходите ко мнѣ за хлѣбомъ до тѣхъ поръ, пока Бѣгу будетъ угодно послать намъ урожай“.

Дѣти въ одну минуту съ жадностью бросились къ корзинкѣ и, споря и толкаясь, старались выбрать хлѣбъ получше и побольше. Потомъ все разбѣжались, даже не поблагодарили своего благодѣтеля. Одна только дѣвочка, Дуняша, очень бѣдно, но чисто одѣтая, стала скромно въ сторонѣ и взяла послѣдній оставшійся хлѣбецъ — конечно, уже самый маленькій; затѣмъ поблагодарила добраго купца и тихо пошла домой.

На другой день дѣти поступили такъ же грубо, и Дуняшѣ опять достался самый маленькій хлѣбецъ. Когда же Дуняша принесла свой хлѣбецъ домой, и когда большая мать ее разломилла хлѣбецъ, то изъ него посыпалось много новенькихъ серебряныхъ монетъ.

Бѣдная женщина была этимъ очень удивлена и сказала дочери: „Иди скорѣй и отдай эти деньги нашему благодѣтелю: онъ, вѣроятно, по неосторожности попали въ тѣсто“.

Дуняша тотчасъ исполнила приказаніе матери, но добрый купецъ подарилъ ей эти деньги и при этомъ сказалъ: „Я нарочно велѣлъ положить эти монеты въ самый маленькій хлѣбецъ, такъ какъ былъ увѣренъ, что онъ достанется тебѣ“. Вознаградивъ такимъ образомъ Дуняшу за ея скромность, купецъ сказалъ ей: „иди съ Бѣгомъ домой и впредь помни: кто малымъ доволенъ, тотъ у Бога не забыть“.

17. Счастье и богатство.

Однажды люди толковали о счастьѣ: кому какое счастье суждено? Дѣло не обошлось безъ зависти: особенно бѣдные завидовали богатымъ — они утверждали, что только и есть счастье, что въ богатствѣ. Одинъ старикъ, выслушавъ все эти неразумные толки, рассказалъ слѣдующую притчу.

Знавалъ я одного богача; жилъ онъ въ раззолоченныхъ палатахъ, носилъ дорожку платъ, сладко ѣлъ и пилъ: каждый день у него въ домѣ былъ словно пиръ какой! Однажды къ этому богачу пріѣхалъ въ гости старый другъ его; долго они не видались, а потому на радости богачъ сдѣлалъ пиршество и созвалъ гостей. На столѣ были поставлены золотыя и серебряныя блюда, а на блюдахъ были дорогія кушанья; въ дорогѣ же посудѣ пѣнились замѣрскія вина.

Долго сидѣли друзья за столомъ: ѣли, пили, веселились; только хозяинъ почти ничего не ѣлъ и не пилъ, хотя весело разговаривалъ съ гостями. Подъ конецъ обѣда пріѣзжій гость сказалъ богачу: „Нигдѣ я не видѣлъ такого богатства и такой роскоши, какъ у тебя; я думаю, что въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ человека счастливѣе тебя“.

Богачъ вздохнулъ, взялъ съ золотого блюда яблоко и подаль его другу; яблоко было румяно и свѣжо на видъ, но когда его разломилъ, то увидѣли внутри его червяка. Всѣ гости съ удивленіемъ посмотрѣли на богача, а богачъ промѣлвилъ: „Это яблоко и я—одно и то же; съ виду я счастливъ, а никому не замѣтно, что меня червякъ точитъ“. При этихъ словахъ богачъ разстегнулъ свое богатое платъ, и всѣ увидѣли у него на груди страшную, неизлѣчиму ю язву, которая называется ракомъ. „Вотъ мое и счастье!“ сказалъ богачъ: „что мнѣ въ дорогихъ кушаньяхъ? не сладки они для меня; что мнѣ въ золотыхъ блюдахъ? ими рану не залѣчишь; что мнѣ въ деньгахъ? на нихъ здоровья не купишь“. — И съ тѣхъ поръ перестали завидовать богачу.

18. Голосъ совѣсти.

Въ одномъ большомъ селѣ жилъ бѣдный крестьянинъ Иванъ, у котораго послѣ смерти жены осталъ одинъ ребенокъ. Иванъ былъ хорошій работникъ и своими трудами кормилъ и себя, и ребенка. Однажды на работѣ Иванъ сильно простудился и заболѣлъ. Во время болѣзни онъ истратилъ послѣднія свои деньги и такъ какъ силы не позволяли ему работать, то онъ вынужденъ былъ просить милостыни. Но страшно и стыдно становилось ему, когда онъ подходилъ къ воротамъ каждаго-нибудь дома. „Какъ тяжело протягивать руку за подаеніемъ!“ говорилъ онъ самъ себѣ. И вотъ онъ однажды хотѣлъ-было ужѣ воротиться домой, какъ вдругъ почувствовалъ, что подъ ногами у него что-то зазвенѣло. Онъ наклонился—и увидѣлъ кошелѣкъ съ деньгами. Съ радостью поднялъ Иванъ кошелѣкъ и поспѣшилъ домой. „Теперь“, говорилъ онъ самъ себѣ: „я не буду бояться голода—есть на что купить хлѣба и мнѣ, и ребенку; мнѣ не нужно будетъ просить милостыни“. Но въ это самое время внутри его заговорила совѣсть: „Вѣдь деньги не твой, ты не нажилъ ихъ трудомъ; ты долженъ возвратитъ ихъ тому, кому онѣ принадлежатъ“.

Иванъ послушался голоса совѣсти. Рано утромъ онъ объявилъ о своей находкѣ. Хозяинъ деньгамъ скоро нашелся; это былъ сборщикъ податей изъ сосѣдняго села. Онъ вѣзъ общественныя деньги въ казначейство и по дорогѣ потерялъ ихъ. Сборщикъ былъ радъ, что потерянные имъ деньги нашлись и что за нихъ не придется ему отвѣчать. Онъ отправился къ Ивану и со слезами на глазахъ благодарилъ его. Онъ даже хотѣлъ отдать ему часть денегъ, но Иванъ великодушно отказался отъ нихъ: „Я знаю“, сказалъ онъ, „что эти деньги не твой и что ты самъ небогатый человекъ; я награжденъ уже тѣмъ, что, несмотря на мою бѣдность, мнѣ удалось сдѣлать доброе дѣло“.

19. Пятачокъ погубиль.

Въ одной деревнѣ жилъ мальчикъ Игнаша. Отецъ его, Прокѣпій, ходилъ въ городъ на заработки, да и Игнашу нерѣдко бралъ съ собою туда же. Въ городѣ Игнаша приглянулся купцу. „Оставь у меня малаго-то“, говоритъ онъ Прокѣпію: „я его буду одѣвать, обувать, кормить, да еще и выучу его: такъ что онъ, пожалуй, когда придетъ порѣ-время, и самъ купцомъ будетъ“. Прокѣпій подумалъ, подумалъ про свою бѣдность да бездѣлство—и согласился. Съ тѣхъ поръ Игнаша жилъ въ городѣ, въ большомъ домѣ, и каждый день былъ обутъ, одѣтъ и накормленъ. Что ему купецъ ни поручалъ, Игнаша все честно исполнялъ. Всякіе товары, а иногда и деньги Игнаша носилъ, и никогда его купецъ ни въ чемъ дурномъ не замѣчалъ.

Разъ принесли купцу цѣлый мѣшокъ серебряныхъ гривенниковъ да пятакѣвъ. Среду Игнаша не видывалъ столько денегъ. Онъ долго любовался, смотря, какъ купецъ звенѣлъ по столу гривенниками и разставлялъ ихъ кучками для облегченія счѣта. Вотъ купецъ счелъ деньги, всыпалъ ихъ снова въ мѣшокъ; мѣшокъ же замкнулъ въ сундукъ и вышелъ вонъ со двора.

Игнаша глядь: на столѣ остался одинъ пятакѣвъ, да такой хорошенькій, новенькій. Хотѣлъ онъ было закричать купцу, что тотъ забилъ пятакѣвъ, да остановился; а остановившись, позадумался. А какъ позадумался, то на душѣ у него какъ будто кто заговорилъ: „Вѣдь у купца цѣлый мѣшокъ пятакѣвъ-то! что ему въ этомъ одномъ? да и не замѣтитъ онъ его, а тебѣ пятакъ пригодится“. Прислушался Игнаша къ этой лукавой рѣчи и положилъ пятакѣвъ въ карманъ. Купецъ и подлинно потери не замѣтилъ, а Игнаша купилъ на пятакѣвъ пряникъ. Какъ съѣлъ онъ тотъ пряникъ, ему еще захотѣлось. Улучивъ время, онъ у купца уже не пятакѣвъ, а цѣлый рубль укралъ, но и рубля хватило не надолго.

Съ тѣхъ поръ начала на Игнашу тоска по деньгамъ: только и думалъ о томъ, какъ бы денегъ стянуть. Сперва онъ бралъ по рублямъ, а потомъ все больше и больше. Что же вышло?—А вотъ что. Спустя нѣсколько лѣтъ черезъ ту деревню, гдѣ жилъ когда-то Игнаша, вели арестантовъ въ цѣпяхъ.

Народъ стоялъ по сторонамъ дороги и смотрѣлъ на арестантовъ, подавая несчастнымъ гроши, копейки, куски хлѣба. Вдругъ одинъ изъ арестантовъ, совсѣмъ еще молодой парень, остановился на минуту и, бросившись на шею стоявшему тутъ сѣдому старику, громко зарыдалъ и говоритъ: „Ахъ, отецъ, отецъ! пятакѣвъ меня погубилъ! съ пятакѣва я началъ—да вотъ до чего дошелъ!“ Это и былъ нашъ Игнаша.

20. Живчикъ.

Въ нашемъ домѣ за ставнемъ окна воробѣй свилъ гнѣздѣ и положилъ пять яйчекъ. Мы съ сестрами смотрѣли, какъ воробѣй по солдминкѣ и по перышку носилъ за ставень и вилъ тамъ гнѣздышко. А потомъ, когда онъ положилъ туда яйца, мы очень обрадовались. Воробѣй не сталъ больше прилетать съ перышками и солдмой, а сѣлъ на яйца.

Черезъ нѣсколько дней мы услышали изъ-за ставня пискъ и посмотрѣли, что сдѣлалось въ воробьиномъ гнѣздѣ: въ немъ было пять крѣпкихъ голыхъ птичекъ, безъ крыльевъ и безъ перьевъ; носики у нихъ были желтые и мягкіе, голыи большія.

Они показались намъ очень некрасивы и мы перестали на нихъ радоваться, а только иногда смотрѣли на то, что они дѣлали. Мать часто отъ нихъ улетала за кормомъ, а когда возвращалась, воробушки съ пѣскомъ открывали свой жёлтые клювики, и мать одѣлала ихъ кусочками червячковъ.

Черезъ недѣлю маленькіе воробьи подросли, покрылись цѣхомъ и стали красивѣе, и тогда мы опять стали часто на нихъ смотрѣть. Одинъ разъ мы пришли утромъ къ стѣню посмотреть нашихъ воробѣевъ и увидѣли, что старшій воробѣй лежитъ мѣртвый подлѣ стѣвня. Мы догадались, что воробѣй съѣлъ на ночь на стѣвень и заснулъ, и что его раздавили, когда закрывали стѣвень.

Мы подняли стараго воробья и брѣсили въ траву. Маленькіе пищали, высывали свой головки и открывали клювики, но ихъ некому было кормить.

Старшая сестра сказала: „Вотъ у нихъ теперь нѣтъ матери, некому ихъ кормить: давайте выкормимъ ихъ“!

Мы обрадовались, взяли коробокъ, наклали въ него хлопчатой бумаги, уложили въ него гнѣздо съ птичками и понесли къ себѣ навѣрхъ. Потомъ мы нарыли червячковъ, намочили хлѣбъ въ молоко и стали кормить воробушковъ. Они ѣли хорошо, трясли головками, чистили клювики о стѣнки коробка и всё были очень веселы.

Такъ мы ихъ кормили весь день и очень на нихъ радовались. На другомъ утро, когда мы посмотрѣли на коробокъ, мы увидѣли, что самый маленькій воробушекъ лежитъ мѣртвый, а лапки его зацѣпались въ хлопчатую бумагу. Мы его выкинули и вынули всю хлопчатую бумагу, чтобы другой въ ней не зацѣпился, и положили въ коробокъ травы и мѣху. Но къ вечеру ещё два воробья растопырили свой пѣрышки и раскрыли рты, закрыли глаза и тоже померли.

Черезъ два дня умеръ и четвёртый воробушекъ, и остался только одинъ. Намъ сказали, что мы ихъ окормили.

Сестра плакала о своихъ воробьяхъ, и послѣдняго воробья стала кормить одна, а мы только смотрѣли. Послѣдній—пятый воробушекъ былъ веселый, здоровый и живдй; мы называли его Живчикомъ.

Этотъ Живчикъ жилъ такъ долго, что уже сталъ летать и знать свою кличку. Когда, бывало, сестра закричитъ: „Живчикъ, Живчикъ“! онъ прилетитъ, сядетъ ей на плечо, на голову или на руку, и она его кормитъ.

Потомъ онъ выросъ и сталъ самъ кормиться. Онъ жилъ у насъ въ городѣ навѣрху, улеталъ иногда въ окно, но всегда прилеталъ ночевать на своё мѣсто въ коробокъ.

21. Какъ умираютъ хорошіе люди.

Подъ морю бѣжитъ пароходъ. Много на нёмъ пассажировъ, есть между ними и женщины, и дѣти. Всегда только пять часовъ остаётся имъ быть въ дорѣгѣ. Всё рады, что ужъ близокъ конецъ путешествія, и нетерпѣливо ждутъ, когда вдаль покажется гавань. У руля стоитъ опытный кормчій. Плечистый, загорѣвшій отъ налящихъ лучей солнца, твёрдою и опытною рукою управляетъ онъ пароходомъ. Прошёлъ ещё часъ; теперь ещё ближе подвинулись къ пристани.

Въ это время изъ каюты ¹⁾ вышелъ на палубу ²⁾ капитанъ. Кивнувъ головой, онъ поздравилъ къ себѣ матроса.

¹⁾ Комнаты на кораблѣ для пассажировъ и служащихъ. — ²⁾ Помость на судахъ.

— Изъ трюма ¹⁾ идётъ дымъ. Узнай, что тамъ дѣлается?

Быстро исполнилъ матросъ приказаніе капитана.

— Въ трюмѣ пожаръ!—доложилъ онъ ему.

Тотчасъ же послѣшій капитанъ посмотрѣть, велика ли опасность. Никто не замѣтилъ пожара во-время, а теперь не только большая часть груза, но и внутреннія стѣны трюма уже были въ огнѣ. Страшная вѣсть въ одну минуту стала известна пассажирамъ. Трудно передать, какъ все перепугались, тѣмъ болѣе, что на пароходѣ не было насоса, чтобъ накачивать воду. Но капитанъ тотчасъ же собралъ всѣхъ, и матросовъ, и пассажировъ, и поставилъ ихъ въ два ряда. Ряды начинались у борта корабля, кончались у трюма. Ведро съ водою, почерпнутою крайнимъ, передавалось отъ одного къ другому, до послѣдняго, который выливалъ воду въ трюмъ. Пустое ведро точно такъ же возвращалось къ борту по другому ряду. Все работало усердно. Ведро за ведромъ выливалось на горящее мѣсто. Казалось, пожаръ сталъ стихать.

— Въ какомъ направленіи мы идѣмъ?—спросилъ капитанъ у рулевого.

— Мы идѣмъ прямо въ пристань.

— Возьми нѣсколько восточнѣе, такъ берегъ будетъ ближе: я боюсь, что мы сгоримъ прежде, чѣмъ доберемся до пристани. Намъ надо куда-нибудь высадиться.

Между тѣмъ поднялся вѣтеръ, пожаръ усилился. Уже горѣло подъ полдмъ каюты. Пламя готово было пробиться и черезъ него. Оставаться въ каютѣ было уже опасно. Дѣти и женщины должны были перейти въ другое мѣсто. Машинистъ дѣлалъ все, что могъ, чтобъ пароходъ шёлъ быстрее. Но опасность была все ещё велика. А навверху, у рулевого колеса, попрежнему, рисовалась фигура молодца кормчаго. Самый сильный пожаръ приходился подъ нимъ. Густой ѣдкій дымъ валилъ на него снизу, жаромъ дышалъ на него пожаръ; каждую минуту ждали, что пожаръ охватитъ и палубу, и то возвышеніе, гдѣ стоитъ рулевой. Но онъ не покидаетъ своего поста, потому что считаетъ своимъ долгомъ работать у руля до послѣдней возможности.

Все сильнѣе и нестерпимѣе становится жаръ. Пассажиры собираются на носъ ²⁾. Матросы готовятъ доски, къ которымъ можно будетъ привязать женщинъ въ случаѣ, если придется броситься въ воду и вплавь искать спасенія. Мужчины сбрасываютъ платье, готовясь къ трудной борьбѣ за свою жизнь. Берегъ все ближе и ближе, колеса еще въ исправности, осталось всего полчаса пути, а съ берега на помощь несчастнымъ пделаны лодки.

— Рулевой!—зоветъ капитанъ.

— Что угодно?—спрашиваетъ онъ, попрежнему стоя у руля.

— Можешь ли ты оставаться на мѣстѣ еще пять минутъ?

— Я постараюсь, капитанъ.

А пламя все ближе и сильнѣе, а жаръ все нестерпимѣе. Рулевой, сторонясь отъ огня, отступаетъ назадъ на сколько можно, чтобъ не выпустить изъ рукъ колеса, и лѣвой рукой твердо управляетъ имъ до тѣхъ поръ, пока боль не становится невыносимой. Тогда онъ мѣняетъ руку и, не испуская ни крика, ни стопа, еще разъ выноситъ такую же мѣку. За дымомъ онъ уже не видитъ ничего впереди себя. Но онъ слышитъ слова капитана:

¹⁾ Нижняя внутренняя часть корабля, въ которой помѣщается провизія, товары и т. п.

²⁾ Передняя, острая часть у корабля.

— Дѣти и женщины, впередъ! садитесь на лодки; остальные бросайтесь впасть!

— Спасены,— думаетъ рулевой и радуется, что честнымъ исполненіемъ своего долга избавилъ пассажировъ отъ вѣрной смерти.

Всѣ благополучно выбрались на берегъ. Недоставало одного рулевого.

22. Чужое добро.

Пришли въ Петербургъ для заработковъ двое крестьянъ, Степанъ да Гаврила. По деревнямъ они были сосѣди: одинъ изъ Болотова, другой изъ Горь—и на чуждой сторонѣ сошлись вмѣстѣ, поступили въ одну биржевую артель.

Живутъ они годъ, и два, и пять лѣтъ, зашибаютъ хорошую копѣйку; работа идетъ все прибыльная. Пришла пора и на побывку. Легко сказать, не были на родинѣ пять лѣтъ! Домашніе, чай, ждутъ не дождутся.

Собрались было они оба, да вдругъ вышелъ такой случай, что парню изъ Горь, Гаврилѣ, никакъ нельзя вѣхать: хозяинъ ждетъ изъ-за моря кораблей, и не на кого болѣе расположиться при выгрузкѣ товаровъ, какъ на Гаврилу. Прибавляетъ онъ жалованья испытанному артельщику, проситъ повременить отъѣздомъ. Что жъ? нельзя не уважить хорошаго человѣка—надобно подождать хоть до первозимья. „Дѣлать нечего, братъ Степанъ“, говоритъ Гаврила своему товарищу, „позжай одинъ. Да ужъ съѣдай милость, исправь за меня, что слѣдуетъ. Батюшка прислалъ намѣднѣ грамотку*), приказываетъ насчетъ денегъ: такъ доставь ты ему мою казну; вотъ тутъ ровно три тысячи. Да сестрѣнкамъ свезешь по платку; еще кое-какого гостинцу. Кланяйся, дружище, всемъ. Ну, съ Богомъ, братъ“.

Распростылись земляки, и отправился Степанъ ко дворамъ. Вѣхалъ онъ долго ли, коротко ли—не знаю, только въ дорогѣ ничего особеннаго съ нимъ не приключилось. Вотъ блеснулъ передъ нимъ и куполь родной церкви, замелькали знакомыя поля, лѣсочки; послышался отголосокъ пѣсни косяковъ, шедшихъ на работу; начали встрѣчаться знакомые одпосельчане—и весело, и легко стало на сердцѣ у Степана, и самъ онъ затянулъ: „Не одна-то во полѣ дордженка“... А ужъ что было дома, какъ переступилъ онъ порогъ своей избы, и рассказать нельзя: слезы, обниманья, смѣхъ, аханье и опять слезы. Разспросамъ не было конца. Не насмотрятся другъ на друга, не наговорятся: до Гаврилиныхъ ли порученій тутъ? успеются и завтра. Не видала обрадованная семья, какъ начало и вечерѣтъ, и на покѣи итти пришла пора. Стихло въ домѣ и на селѣ.

Вдругъ, въ глухую полночь, какъ молнія пронёсся по селу страшный крикъ: „пожаръ, пожаръ!“ и переполошилъ всѣхъ. При вѣтрѣ быстро заиграло пламя по соломеннымъ крышамъ, мигомъ обхватило полдеревни и спалило все до тла. Врасплѣхъ застигнутые бѣдѣю, крестьяне не успѣли спасти почти ничего изъ своего имущества; многіе едва могли выскочить лишь такъ, въ чемъ спали. Въ числѣ этихъ несчастныхъ была и Степанова семья. Самъ онъ только успѣлъ схватить кафтанъ, лежавшій въ изголовьѣ, да вывести со двора пару лошадей. Солнце стояло уже высоко, когда окончился пожаръ. Изъ лишённыхъ кровя одинъ принялись откапывать на своихъ пепелищахъ полуобгорѣлый домашній скарбъ; другіе, собрав-

*) Письмо.

нишь въ кучу, толковали между собой, какъ бы пособить горю. А инѣе, понурия голову, сидѣли въ печальномъ раздумьѣ. Больно было смотрѣть на этихъ несчастныхъ, а больше всѣхъ — на Степана. Нѣсколько часовъ состарили его десяткомъ лѣтъ. Долго сидѣлъ онъ въ глубокой думѣ, не отвѣчая ни слова на разспросы родныхъ. Наконѣцъ онъ перекрестился, всталъ и пошелъ къ Гаврилину отцу. Полторы версты долго ли пройти?

— „Богъ на помощь, дядя Григорій!“ молвилъ онъ бодрому старику, который сидѣлъ на лавочкѣ у воротъ своей избы.

— „А, Степа любезный! здоровъ ли? какими это судьбами? Что жъ безъ Гаврюшки“?

— „Да вотъ прислалъ онъ тебѣ и всѣмъ по низкому поклону. Самъ-то развѣ только къ Николину дню придетъ“.

— „Ну, онъ не совсѣмъ ладно. А грамотки нѣтъ“?

— „Нѣтъ, писать было некогда“... проговорилъ Степанъ съ какимъ-то смущеніемъ.

— „Слышала я, братъ, про вашу бѣду“, сказалъ старикъ послѣ минутнаго молчанія: „и самъ даже видѣлъ — здѣсь было свѣтлѣе дня. Что дѣлать? Божья воля!... Уцѣлѣла ли твоя изба“?

— „Какъ есть ни единого бревна. Мы повыскакали почѣсть нагѣ“...

— „И скотина сгорѣла“?

— „Лишь двухъ лошадокъ и удалось вывести“...

— „Жаль, сердечно жаль. Послѣ такой бѣды не скоро оправившись... Ну, я чай, ты привѣзъ-таки изъ Питера кое-какія денежки: такъ вамъ на постройку-то и хватитъ“.

— „Какъ не привѣзти? Безъ малаго двѣ тысячи привѣзъ. Да, видно, быть грѣху такому. Положилъ я ихъ позавчера въ ларецъ, да въ сумятицѣ и изъ ума вонъ захватить егѠ съ собою. Выскочилъ, оцѣматовался, глядь, — а изъ избы пламя-то такъ и хлещетъ. Вотъ онъ дѣло-то какое! За грѣхъ прогнѣвался на насъ Господь... Онъ далъ, Онъ и взялъ... Вѣстимо, идетъ сердце по трудовой копѣйкѣ; потомъ и кровью вѣдь досталась она. Но пуще того, дядя Григорій, взялъ меня ужасъ, какъ хватился я давеча твоихъ денегъ! Что свой? Наживное дѣло, Богъ съ ними. А за чужія дашь отвѣтъ и на семь свѣтъ добрымъ людямъ, да и на томъ спросится. Какъ выбѣжалъ я, прежде всего спохватился ларца-то: нѣтъ ничего при мнѣ, какъ есть въ одной рубахѣ. Туда — сюда, замѣтался во все стороны, не обронилъ ли какъ; спросилъ своихъ, не бралъ ли кто ларца — нѣтъ какъ нѣтъ: все съѣлъ огонь. Сердце такъ и замерло. Какъ мнѣ быть? Что я скажу дядѣ Григорію? Съ какими глазами покажусь ему? Чѣмъ заплачу такой долгъ? Ужъ, знать, память-то у меня всю отшибло... затменіе нашло на разумъ. И не догадуюсь, что твою-то казну я положилъ въ кафтанъ, а онъ у меня подъ мышкой торчитъ! Ощупалъ я карманъ, вынулъ бумажникъ, пересчиталъ деньги — все цѣлехонько. Ну, слава БѠгу, какъ гора у меня съ плечъ, ожила душа“!

— „Да про какія деньги наладилъ ты? Я въ толкъ не возьму“, спрашиваетъ дядя Григорій.

— „Да про твой же говорю, что посылаетъ тебѣ Гаврила. Мой сгорѣли, а твой Богъ помиловалъ. Вотъ онъ, принимай съѣтомъ: копѣйка въ копѣйку — три тысячи рублей“.

И онъ передалъ ихъ дядѣ Григорію.

Б. ДЕРЕВНЯ.

23. Деревня Выселки.

Деревня Выселки расположена на довольно выскомъ берегу рѣки, черезъ которую построены мостъ. На одномъ берегу рѣки находится часовня, а на противоположномъ берегу — школа.

Деревня Выселки не велика, но *улицы* въ ней широкая; по сторонамъ улицы расположены крестьянскія *избы*. Между избами устроены изгороди съ воротами; при каждой избѣ находится *дворъ*.

Великорусская деревня.

За избами и дворами расположены *огороды* и *сады*, а за ними различныя постройки: амбары, гумна, риги, сараи. Каждая изъ этихъ построекъ имѣетъ своё назначеніе. *Амбаръ* служитъ складочнымъ мѣстомъ для зерноваго хлѣба, на *гумнѣ* молотятъ хлѣбъ; въ *ригѣ* крестьяне сушатъ и молотятъ хлѣбъ; въ *сарай* крестьяне хранятъ телеги и все свои земледѣльческія орудія: лопаты, заступы, плуги, сохи, бороны, косы, серпы и мног. др.

Въ деревнѣ Выселки есть двѣ *мельницы*: *вѣтряная* мельница стоитъ за деревней на возвышеніи, а *водяная* устроена на рѣкѣ.

Вокругъ деревни—поля и луга. *Поля* состоятъ изъ озимыхъ и яровыхъ полей. На *озимыхъ* полосахъ крестьяне сѣютъ *осенью* рожь, которая всю зиму лежитъ подъ снѣгомъ. На *яровыхъ* полосахъ *весною* сѣютъ овесъ, ячмень, гречиху и другіе яровые хлѣба, а также лёнъ.

Занятія жителей деревни болѣе разнообразны, чѣмъ занятія горожанъ. Лѣтомъ заняты полевыми работами почти всѣ, мужчины и женщины, старъ и младъ. Зимю же въ деревнѣ занятія иного рода: крестьяне ѣздятъ въ лѣсъ за дровами, занимаются извозомъ, плетутъ изъ лѣба (коры, святой съ деревьевъ, преимущественно липы) лапти да рогѣжи, сколачиваютъ бочки, точатъ всякую посуду, крестьянки прядутъ лёнъ и ткутъ холстъ.

24. Изба Демьяна Петрова.

Изба Демьяна Петрова построена изъ толстыхъ сосновыхъ бревенъ и покрыта соломенною крышею. По одну сторону избы устроены калитка въ сѣни и ворота на дворъ, а по другую—заборъ.

Изба состоитъ изъ двухъ половинъ, или комнатъ; между ними сѣни. Въ одной половинѣ живётъ вся семья Демьяна. Въ этой комнатѣ находятся большая печь, полѣти, лавки, столъ, кровать съ подоломъ, сундукъ и лаханъ.

Печь, сложенная изъ жѣнаго кирпича, хорошо нагреваетъ избу. Отъ печи до одной изъ стѣнъ устроены полѣти; онѣ настланы аршина на полтора отъ потолка. Внизу подъ полѣтиями находится кровать съ холщевыми занавѣсками. Вдоль стѣнъ расположены лавки; где-гдѣ въ стѣнахъ вбиты деревянные и желѣзные гвозди, чтобы вѣшать полотенице, платье и сбрюю. Подлѣ одного изъ оконъ стоитъ столъ съ выдвижнымъ ящикомъ.

Для посуды прилажены къ стѣнѣ, противъ печи, полки, а у самой печи, надъ большою деревянною лаханью, виситъ глиняный рукомойникъ съ утиральникомъ. Подъ поломъ этой комнаты устроено подполье.

Вторая комната, или свѣтлица, предназначена для пріема гостей въ праздничные дни. вмѣсто печи въ свѣтлицѣ устроена лежанка.

На одной изъ стѣнъ этой комнаты, между окнами, помѣщается небольшое зеркало. У этой же стѣны, ближе къ углу, находится шкафъ съ чайной посудой.

На другой стѣнѣ висятъ часы, а подъ ними стоитъ деревянный диванчикъ. На окнахъ этой комнаты въ лѣтнее время стоятъ горшки съ цвѣтами.

25. Семья дѣдушки Степана.

Не мало потрудился дѣдушка Степанъ на своемъ вѣкѣ, не мало трудится онъ и теперь: несмотря на свою старость, онъ все еще занимается хозяйствомъ и не любитъ, когда кто-нибудь изъ его семейныхъ сидитъ безъ дѣла.

У дѣдушки Степана два сына: старшаго зовутъ Демьяномъ, а младшаго—Иваномъ; оба они женаты и имѣютъ уже дѣтей.

Каждый день вечером дѣдушка назначаетъ своимъ домашнимъ работы на слѣдующій день. Утромъ онъ встаетъ раньше всѣхъ, а вскорѣ послѣ него поднимается и вся семья. Умывшись, каждый изъ нихъ молится Богу и принимается за работу.

Работы болѣе всего приходится на долю сыновей Степана. Весной они справляютъ бороны и сохи, готовятъ телеги для вывозки навоза, нащутъ и боронятъ землю; лѣтомъ они косятъ траву, осенью — молотятъ хлѣбъ, а зимой — вѣдятъ въ лѣсъ за дровами и бревнами.

Невѣстки также не сидятъ безъ дѣла: онѣ стряпаютъ, посятъ воду и дрова въ избу, мѣютъ полы, стираютъ и шьютъ бѣлье, ткуютъ и присматриваютъ за огородомъ. Нѣкоторыя же работы, какъ напр. вывозка навоза, а также уборка сѣна и хлѣба, исполняются всей семьей дѣдушки Степана.

Круглый годъ эта трудолюбивая семья занята работой: лѣтомъ въ полѣ, а зимой въ избѣ и около избы.

Зимнія работы гораздо легче лѣтнихъ, а потому зимой старшій сынъ Демьяна уходитъ въ городъ на заработки, а младшій — Костя — учится въ школѣ.

26. Вечернія занятія въ семьѣ Степана.

Къ вечеру вся семья Степана собирается дома, садится за столъ и ужи-

наетъ. Послѣ ужина дѣдушка ложится на печь или на полаты. Костя, ученикъ начальной школы, приготавливаетъ урокъ къ слѣдующему дню, а мать читаетъ какую-нибудь книжку. Семейные слушаютъ чтеніе и въ то же время дѣлаютъ свое дѣло: отецъ вѣетъ верѣвки, дядя работаетъ что-либо топоромъ, мать прядетъ, сестра шьетъ, а тѣтка хлопочетъ по хозяйству.

27. Домашнія животныя и птицы.

Весьма важное значеніе въ крестьянскомъ хозяйствѣ имѣютъ *домашнія животныя и птицы*.

Лошади помогаютъ крестьянину обрабатывать землю, убирать хлѣбъ и сѣно, возить изъ лѣсу дрова. На лошадей же крестьяне вѣзятъ, куда понадобится и перевозятъ на нихъ, что потребуется.

Коровы даютъ молоко, изъ котораго готовится масло, творогъ и сметана. *Овцы* доставляютъ шерсть. *Собака* стережетъ домъ и стадо, а *кошка* ловитъ мышей.

Домашній скотъ доставляетъ также шкуры, мясо, щетину, рога и копыта. Шкуры коровъ и лошадей идутъ на выдѣлку сапожнаго товара, а изъ овечьихъ шкуръ шьютъ шубы. Свинью щетину крестьянинъ продаетъ щетинникамъ и сапожникамъ. Мясо и сало коровъ, овецъ и свиней идутъ въ пищу, а копыта и рога продаются на заводъ, гдѣ изъ нихъ вывариваютъ клей. Кроме того, домашній скотъ доставляетъ навозъ для удобренія полей и огородовъ.

Много пользы получаетъ крестьянинъ отъ домашняго скота, но не мало за нимъ и *уходу*, особенно зимою. На зиму крестьянинъ запасаетъ для скота кормъ — сѣно, овесъ, мякину и солтому.

Кроме домашнихъ животныхъ, крестьяне держатъ также домашнихъ птицъ: *куръ, утокъ, индѣекъ и гусей*. Эти птицы требуютъ небольшого ухода и немного корма, а между тѣмъ принесятъ немало пользы. Онѣ доставляютъ яйца, мясо и пухъ.

28. Шарикъ.

Въ сторонѣ отъ деревни, на берегу рѣчки, стояла одинокая мельница. Передъ нею возлѣ крыльчка сидѣлъ мальчикъ. По близости не было ни одного жилища, кроме избушки мельника, и у мальчика не было ни одного товарища, кроме цѣпной собаки, Шарика, которая лежала возлѣ своей конуры.

Показались на небѣ темныя тучи, блеснула молнія, загремѣлъ громъ, и дождь полилъ ливнемъ. Мальчикъ пошелъ домой, а Шарикъ скрылся въ своей конурѣ. Отъ сильнаго дождя маленькая рѣчка поднималась все выше и выше и наконецъ стала заливать дворъ мельника.

Видѣлъ мальчикъ изъ окна, какъ бушевала вода на дворѣ, какъ волны разбивали будку бѣднаго Шарика, который сидѣлъ на ея крышѣ и печально смотрѣлъ на мальчика, какъ бы моля его о спасеніи. Мигомъ выбѣжалъ мальчикъ изъ комнаты, сбѣжалъ по лѣстницѣ внизъ и, по идя въ водѣ, поспѣшилъ къ Шарикѣ. Лишь только онъ успѣлъ снять цѣпь съ собаки, она бросилась въ воду и быстро доплыла къ дверямъ избы.

Въ это время вода поднялась еще выше, и сильныя волны сбили мальчика съ ногъ. Мальчикъ, видя, что онъ не можетъ долѣе бороться съ волнами, вскрикнулъ. Услыхавъ крикъ, Шарикъ оборотился, быстро поплылъ къ мальчику, схватилъ его за одежду и вытащилъ на крыльцо избы.

29. Герасимъ и Муму.

I.

Дѣло было къ вечеру. Герасимъ шелъ тихо по берегу пруда и глядѣлъ на воду. Вдругъ ему показалось, что что-то барахтается въ тинѣ у самаго берега. Онъ

нагнулся и увидѣлъ небольшого щенка, бѣлаго съ черными пятнами, который, несмотря на все свои старанія, никакъ не могъ вылезти изъ воды, бился, скользилъ и дрожалъ всею своимъ мокренькимъ и худенькимъ тѣломъ. Герасимъ поглядѣлъ на несчастную собаченку, подхватилъ ее одной рукой, сунулъ ее къ себѣ за пазуху и пустился большими шагами домой. Онъ вошелъ въ свою комнату, уложилъ спасеннаго щенка на кровать и прикрылъ его своимъ тяжелымъ армякомъ, потомъ сбѣгалъ въ конюшню за солдой и въ кухню за чашечкой молока. Осторожно откинувъ армякъ и разостлавъ солду, поставилъ онъ молоко на кровать. Вѣдной собаченкѣ было всего недѣли три; глаза у ней прорѣзались недавно; одинъ глазъ даже казался немножко больше другого; она еще не умѣла пить изъ чашки и только дрожала и шурилась. Герасимъ взялъ ее легонько двумя пальцами за голову и принагнулъ ея мордочку къ молоку. Собачка вдругъ начала пить съ жадностью, фыркая, трясясь и захлебываясь. Герасимъ глядѣлъ, глядѣлъ, да какъ засмѣется вдругъ. Всю ночь онъ возился съ ней, укладывалъ ее, обтиралъ и заснулъ наконецъ самъ возлѣ ней какимъ-то радостнымъ и тихимъ сномъ.

II.

Ни одна мать такъ не ухаживаетъ за своимъ ребенкомъ, какъ ухаживалъ Герасимъ за своей питомцей. Первое время она была очень слаба, тщедушна и собой некрасива, но понемногу оправилась и выровнялась; а мѣсяцевъ черезъ восемь, благодаря неусыпнымъ попеченіямъ своего спасителя, превратилась въ очень ладную собачку, съ длинными ушами, пушистымъ хвостомъ, въ видѣ трубы, и большими выразительными глазами. Она страстно привязалась къ Герасиму и не отставала отъ него ни на шагъ, все ходила за нимъ, повилывая хвостикомъ. Онъ называлъ ее Муму. Все люди въ домѣ ее полюбили и тоже кликали Муму-ней. Она была ко всемъ ласкова, но любила одного Герасима.

Герасимъ самъ любилъ ее безъ памяти, и ему было неприятно, когда другіе ее гладили: боялся онъ что ли за нее — Богъ вѣсть! Она будила его по утрамъ, приводила къ нему за поводъ старую лошадь-водовозку, съ которой жила въ большой дружбѣ; отправлялась вмѣстѣ съ нимъ на рѣку, караулила его метлы и лопаты, никогда не подпускала къ его коморкѣ. Онъ нарочно для ней прорѣзалъ отверстіе въ своей двери, и она какъ-будто чувствовала, что только въ Герасимовой коморкѣ она была полная хозяйка, и потому, войдя въ нее, тотчасъ съ довольнымъ видомъ вскакивала на кровать. Ночью она не спала вовсе, но не лаяла безъ разбору, какъ иная глупая дворняжка. Нѣтъ! тонкій голосокъ Муму никогда не раздавался даромъ: либо чуждй близко подходилъ къ забору, либо гдѣ-нибудь поднимался подозрительный шумъ или шорохъ... Словомъ, она сторожила отлично. Правда, былъ еще, кромѣ ней, на дворѣ старый пёсъ, желтаго цвѣта, съ бурыми крапинами, по имени Волчокъ: но того никогда, даже ночью, не спускали съ цѣпи, да и онъ самъ, по дряхлости своей, вовсе не требовалъ свободы — лежалъ себѣ свернувшись въ своей конурѣ и лишь изрѣдка издавалъ сиплый, почти беззвучный лай, который тотчасъ же прекращалъ, какъ-бы самъ чувствуя всю его бесполезность.

Въ господскій домъ Муму не ходила и, когда Герасимъ носилъ въ комнаты дрова, всегда оставалась на дворѣ и нетерпѣливо выжидала его у крыльца, наостривъ уши и поворачивая голову то направо, то вдругъ налево при малѣйшемъ стукѣ за дверями.

30. Свѣтъ не безъ добрыхъ людей.

Жилъ въ нашемъ селѣ крестьянинъ Тихонъ. Хотя семья у него была и велика, но жилъ онъ безбѣдно, потому что работалъ изо всѣхъ силъ. — Пришла весна, настала пора пахать. Всѣ крестьяне наладили сѣхи; приготовился и Тихонъ на утро выѣхать въ поле, да какъ разъ въ эту ночь украли лошадь у него. Взывъ Тихонъ гдлосомъ: „Что мнѣ теперь дѣлать? останется моя земля непаханною!“ Хотѣлъ онъ нанять когд-нибудь изъ сосѣдей на пахоту, да всѣ были заняты своей работой. Видя, что безъ лошади все дѣло стало, Тихонъ покинулъ деревню и пошелъ разыскивать свою лошадь.

Одинъ изъ крестьянъ того же села, по имени Пахомъ, несмотря на то, что у самого работы было много, пожалѣлъ Тихона и его семью, отложилъ на время свою работу и, не говоря никому ни слова, вспахалъ и засеялъ Тихоново поле овсомъ.

Недѣли черезъ двѣ, когда Тихонъ, послѣ неудачныхъ поисковъ за своею лошадью, возвращался опечаленный домой, онъ увидѣлъ, что на его пашнѣ всходить овесъ, и спросилъ у встрѣтившагося сосѣда: „Кто это вспахалъ и засеялъ мой полюсъ?“ — Пахомъ, отвѣчалъ сосѣдъ. Тихонъ прямо съ дороги прибѣжалъ къ Пахому со слезами на глазахъ и сказалъ: „Вовѣкъ не забуду я твоей доброты!“ И, въ самомъ дѣлѣ, Тихонъ не забылъ своего обѣщанія.

Въ то же лѣто Пахомъ и жена его заболѣли. Какъ только Тихонъ узналъ объ этомъ, тотчасъ же прибѣжалъ къ Пахому и во все время, пока Пахомъ былъ боленъ, Тихонъ носилъ ему воду, кормилъ скотъ, рубилъ дрова. Въ то же самое время жена Тихона точила у Пахома печь, кормила и ухаживала за его ребятами.

31. Разлука съ родной семьей.

Алѣша жилъ въ деревнѣ. Наслушался онъ рассказовъ о городѣ и о городской жизни, и захотѣлось ему посмотреть на ту жизнь, пожить въ городѣ. Чудно ему казалось, что молодые крестьяне тоскуютъ, когда имъ приходится уходить въ городъ на заработки. „О чѣмъ тутъ тосковать? говорилъ онъ: что хордшаго въ нашей деревнѣ? Хаты, поле да лѣсъ — и ничего больше. Есть о чѣмъ жалѣть да тосковать! То ли дѣло въ городѣ! Кабы да мнѣ привелось уходить въ городъ, я бы радовался, а не тосковалъ!“

Прошло нѣсколько лѣтъ. Алѣша выросъ. Надо было и ему итти въ городъ — зарабатывать деньги для семьи. Когда настала минута разставанья съ родителями и съ родной семьей, заняло у него сердце. „Эхъ, говорить, лучше бы мнѣ дома оставаться!“ — На городъ посмотришь, сказалъ ему отецъ: забылъ что ли, какъ хотѣлось тебѣ въ городѣ пожить? — „Богъ съ нимъ, съ городомъ!“ отвѣчалъ Алѣша, а самъ плачетъ, какъ малое дитя.

На весну Алѣша вернулся домой. Веселый и счастливый вошелъ онъ въ родную хату.

— Ну, что же, хорошо въ городѣ? спрашиваетъ его отецъ. — „Хорошо-то, хорошо, что и говорить. Дома тамъ большіе, каменные, улицы гладкія, мощенныя, народу на улицахъ всегда много“.

— Подлучше, я думаю, чѣмъ у насъ въ деревнѣ? Пожалуй, тебѣ домой-то итти не хотѣлось?

— „Нѣтъ, батюшка, — въ городѣ хорошо, а дома все-таки лучше“.

32. Флоръ Силинъ.

Быль необыкновенно голодный годъ. Цѣлыя семейства, оставивъ дѣла свои, просили милостыню по дорогамъ и, несмотря на вьюги и морозы, цѣлые дни и ночи подъ открытымъ небомъ на снѣгу проводили.

Я жилъ тогда въ деревнѣ, и страдалъ, видя страданіе моихъ ближнихъ.

Въ одной изъ нашихъ сосѣднихъ деревень жилъ Флоръ Силинъ, трудолюбивый крестьянинъ, который всегда лучше другихъ обрабатывалъ свою землю, всегда болѣе другихъ собиралъ хлѣба и никогда не продавалъ всего, что собиралъ; почему на гумнѣ его стояло всегда нѣсколько запасныхъ скирдѣвъ.

Пришелъ худой годъ, и всѣ жители той деревни обнищали — всѣ, кромѣ осторожнаго Флора Силина. Но вмѣсто того, чтобы продавать хлѣбъ по дорогой цѣнѣ и разбогатѣть вдругъ, онъ созвалъ бѣднѣйшихъ изъ жителей своей деревни и сказалъ имъ: „Послушайте, братцы! Вамъ теперь нужда въ хлѣбѣ, а у меня его много; пойдѣмъ ко мнѣ на гумно; пособи́те мнѣ обмолотить скирда четыре, и возьмите себѣ, сколько вамъ надобно на весь годъ“. Крестьяне остолбенѣли отъ удивленія.

Слухъ о благодѣяніи Флора Силина разнесся въ окрестности. Бѣдные изъ другихъ селеній приходили къ нему и просили хлѣба. Дѣбрый Флоръ называлъ ихъ братьями своими и ни одному не отказывалъ.

„Скоро мы раздадимъ весь хлѣбъ свой“, говорила ему жена. — „Богъ велитъ давать просящимъ“, отвѣчалъ онъ.

Господь услышалъ молитву бѣдныхъ и благословилъ слѣдующій годъ плодородіемъ. Крестьяне, одолженные Флоромъ Силинымъ, явились къ своему благотворителю и отдавали ему то количество хлѣба, которое у него взяли, и еще съ лихвою.

„Ты спасъ насъ и дѣтей нашихъ отъ голодной смерти“, говорили они: „одинъ Богъ можетъ заплатить тебѣ за твоѣ дѣброе дѣло; а мы возвращаемъ съ благодарностью то, что заняли“. — „Мнѣ ничего не надобно“, отвѣчалъ Флоръ: „у меня много нѣваго хлѣба. Благодарите Бога: не я, а Онъ помогъ вамъ въ нуждѣ“.

Напрасно приступали къ нему признательные должники его. „Нѣтъ, братцы“, говорилъ онъ: „нѣтъ; я не возьму вашего хлѣба; а коли есть у васъ лишній, такъ раздайте его тѣмъ, которые въ прошлую осень не могли обсеять полей своихъ и теперь нуждаются; въ нашемъ околоткѣ не мало такихъ найдется. Поможемъ имъ, и Богъ благословитъ насъ“!

— „Хорошо“, сказали крестьяне, „хорошо. Будь по-твоему! Мы раздадимъ этотъ хлѣбъ нищимъ, и скажемъ, чтобы они вмѣстѣ съ нами молились за тебя Богу. Дѣти наши будутъ также за тебя молиться“.

33. Сельская ярмарка.

Время близится къ вечеру. Ярмарка въ полномъ разгарѣ. Вокругъ выстроенныхъ на скѣрую рѣку дощатыхъ лавокъ тѣсняются бабы, слышится ихъ громкій торгъ съ продавщицами, привезшими изъ сосѣдняго мѣстечка на ярмарку ситцы, кумачъ, платки и прочіе соблазнительные для крестьянокъ товары.

Около церкви на небольшой площадкѣ идетъ другого рода торговля. Тутъ про-

даются и овчины, и кадки, и деготь, и колёса, и яблоки. Тут же горшечник разостлал на землѣ рогожу и разставил на ней свои горшки, корчаги. Невдалекѣ стоитъ коробейникъ у своего кроба, а около него собралась толпа дѣвушекъ и бабъ. Онъ расхваливаетъ свой товаръ и вынимаетъ изъ кроба одну вещь краше другой: кумачъ, платки, бѣсы, гармоника, гребни, булавки, серьги, тесёмки, духи и многое другое.

На другомъ концѣ площади разставлены на столахъ ящики съ разными сластями: тутъ и калѣные орѣхи, и изюмъ, и красные пряники, и бѣленькіе сладкіе крендельки, и леденцы. Народу на площади много. Давка и тѣснота страшная; но цыганъ, продающій лошадей, сумѣлъ-таки завоевать себѣ мѣсто и гоняетъ вокругъ на верёвкѣ невзрачную лошадедку, безъ умолку выхваляя ея достоинство покупателямъ.

Крестьяне, съ утра продавшіе привезённую на ярмарку, только что съжатую и обмолоченную, рожь, — спѣшатъ на вырученныя денежки закупить, что нужно для дому. Между продающей, покупающей и глазьющей толпой снуютъ ребятишки, украшенные ожерельями изъ бубликовъ, и робко пробираются нищие.

34. Пиръ на весь міръ.

1. Зимой въ городѣ жилъ старикъ нищій съ мальчикомъ. Идутъ они поздно вечеромъ по улицѣ. Холодно. Вотъ освѣщенъ домъ, всѣ окна такъ и горятъ огнями. Остановились нищие поглядѣть: въ домѣ яркія лампы горятъ, и много нарядныхъ гостей сидятъ за столами и ѣдятъ.

— Вотъ бы гдѣ намъ съ тобой, дѣдушка, погрѣться и поѣсть, — говоритъ мальчикъ.

— погоди, Петруша, отвѣчаетъ старикъ: вотъ будетъ пиръ на весь міръ, тогда и намъ свѣтло и тепло будетъ и мы сытно поѣдимъ! И пошли они своей дорогой.

2. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Миновала зима, пролетѣла и весна. Дѣдушка съ Петрушей покинули городъ, по деревнямъ пошли.

Въ самый Петровъ день попали они въ большое село. Ради великаго праздника, вдоволь наградили добрые люди старика нищаго и хлѣбомъ, и пирогами...

Около полудня кликнулъ дѣдушка Петрушу и повелъ его къ рѣчкѣ. Рѣчка такая веселая, берегъ высокій, а по берегу мелкій кустарникъ.

„Отдохнёмъ здѣсь Петруша, — говоритъ дѣдушка: ты поди по бережку, — тутъ земляники много, ягодокъ пособирай, да и принеси сюда, а я тутъ посижу!“

Насобиралъ Петруша земляники и вернулся. А дѣдушка тѣмъ временемъ досталъ изъ мѣшка хлѣба да пироговъ, да почерпнулъ изъ рѣчки свѣжей воды въ деревянную чашку. — Ну-ка, Петруша, присядь, пообедаемъ. — Съели на зеленую травку, подъ тѣнь, поѣли хлѣба и пирога, запили свѣжей воддой, спѣлыми ягодами полакомились.

— Вотъ, слава Тебѣ Господи, мы и сыты! сказалъ дѣдушка: сытъ ли, Петруша?

— Сытъ, дѣдушка.

— Смотри-ка, Петруша, солнышко-то какъ играетъ! говоритъ дѣдъ. Слушай-ка, какъ птички-то въ кустахъ поютъ! Весело ли тебѣ, Петруша?

— Весело, дѣдушка.

— То-то, Петруша. Подумай, какъ зимой-то мы голодали да зябли? А теперь намъ свѣтло и тепло, поѣли мы и полакомились, и музыка у насъ—пташки вольныя, и лампа у насъ свѣтлая—солнышко ясное. Подумай, я говорилъ: будетъ пирь на весь мѣръ, и мы тогда будемъ шировать, и намъ будетъ весело. Вотъ лѣто красное и есть у Господа пирь на весь мѣръ.

35. Въ сельской аптекѣ.

Для поданія помощи заболѣвающимъ крестьянамъ, во многихъ сѣлахъ устроены аптеки, которыя поручаются обыкновенно опытному фельдшеру. Онъ даетъ совѣты всемъ тѣмъ крестьянамъ, которые обращаются къ нему за помощью. Такъ какъ многіе крестьяне, лечищіеся у фельдшера, выздоравливаютъ, то къ нему начинаютъ приходять и тѣ крестьяне, которые до устройства аптеки лечились у разныхъ деревенскихъ знахарей, но не получили никакого облегченія.

Больныхъ фельдшеръ принимаетъ въ небольшой комнатѣ, которая и есть собственно сельская аптека. Въ этой комнатѣ устроено нѣсколько полокъ и стоитъ шкафъ, столъ, стулъ и скамья.

На полкахъ и въ шкафу помѣщаются склянки и банки съ лѣкарствами.

На столѣ находится посуда для приготовленія лѣкарствъ и *аптекарскіе вѣсы*, а подь столѣмъ стоитъ небольшая кадка съ водою для полосканья склянокъ.

Фельдшеръ осматриваетъ и разспрашиваетъ больныхъ, дѣлаетъ, кому нужно, перевязку, *прививаетъ дѣтямъ оспу*.

Каждому больному фельдшеръ выдаетъ бесплатно лѣкарство съ наставленіемъ, какъ его употребить.

Когда кто-нибудь по тяжелой болѣзни не можетъ прійти или прѣхать къ фельдшеру, то къ такому больному для оказанія помощи фельдшеръ ѣздитъ обыкновенно самъ.

В. ОГОРОДЪ, САДЪ, ПОЛЕ И ЛѢСЪ.

36. Огородъ Демьяна Петрова.

Огородъ Демьяна Петрова находится близъ его избы и обнесёнъ изгородью. Много работы Демьяну въ огородѣ весной. Сначала онъ *вспахиваетъ* прошлогоднія гряды безъ удобренія ихъ навозомъ; потомъ вывозитъ на огородъ навозъ и *пахнетъ* землю во второй разъ, послѣ чего *боронитъ* её до тѣхъ поръ, пока она не сдѣлается рыхлою. По окончаніи бороньбы, онъ копаетъ гряды на огородѣ, а затѣмъ *сѣетъ* и сѣдитъ *огородныя растенія*: лукъ, картофель, морковь, капуста, бобы, горохъ, огурцы, рѣпу, редьку и т. п.

Весеннія работы въ огородѣ.

Нѣсколько разъ въ продолженіе весны и лѣта поливають грядки водою и *выщипываютъ* сорныя травы, чтобы онѣ не заглушали огородныхъ растеній. Для защиты огородныхъ посѣвовъ отъ воробьёвъ, галокъ и другихъ вредныхъ птицъ, ставятъ посреди огорода чучело или пугало.

Въ продолженіе лѣта огородныя растенія созрѣваютъ и доставляютъ Демьяну различныя *овощи*.

37. Садъ Демьяна Петрова.

Позади огорода расподжелъ *садъ*. Отъ огорода садъ отдѣленъ частокѣломъ, а съ остальныхъ сторонъ онъ огороженъ высокимъ тыномъ изъ колевь. Въ саду

близь огорода вырыть колодець для поливки какъ садовыхъ, такъ и огородныхъ растеній.

Съ сѣверной стороны садъ защищенъ отъ холодныхъ вѣтровъ нѣсколькими берѣзками, липами и ёлками.

Между липами поставлено нѣсколько пчелиныхъ ульевъ; въ концѣ сада устроена, скворѣчница.

Въ саду растутъ плодовыя *деревья*, ягодныя *кусты* и садовыя *цвѣты*. Плодовыя деревья доставляютъ вкусные плоды: яблоки, груши, сливы, вишни. Рядомъ съ плодовыми деревьями растутъ и неплодовыя: рябина, калина и душистый черёмуха.

Кромѣ деревьевъ, въ саду, въ различныхъ мѣстахъ, находятся кусты; на нихъ растутъ ягоды: крыжовникъ, малина, смородина и другія.

Къ садовымъ цвѣтамъ принадлежатъ: роза, тюльпанъ, левкой, лилія и другіе.

Весеннія работы въ саду.

Съ наступленіемъ весны Демьянъ начинаетъ часто провѣдывать садъ. Вокругъ каждаго растенія онъ взрыхляетъ землю; обмазываетъ глиною деревья, у которыхъ зайцы или мыши повредили кору; обрѣзываетъ сухіе и надломленные вѣтрами сучья и вѣтки деревьевъ; поливаетъ водю грядки, на которыхъ выращиваются молодыя деревца и разводятся клубника; очищаетъ ульи.

Не мало хлопотъ Демьяну также лѣтомъ и осенью. Если мало дождя, надо поливать деревья; надо оберегать ихъ отъ гусеницъ и червяковъ: иначе плоды будутъ червивые; надо подставлять колья подъ вѣтки, когда тяжёлые плоды гнутъ ихъ къ землѣ.

38. Яблоня.

Въ саду стоить старая, большая и развѣсистая яблоня. *Корни* ей глубоко сидятъ въ землѣ, а къверху поднимается толстый *стволь*, покрытый сѣрою *корою*. Вверху стволь раздѣляется на толстые *сучья*; сучья дѣлятся на *вѣтви* и тоненькія *вѣточки*, а на вѣточкахъ растутъ зелёные *листочки*. Осенью листья желтѣютъ и опадаютъ, а на вѣточкахъ остаются на всю зиму только маленькія, коричневыя *почки*.

Всю зиму яблоня стоить голая; но весной, когда солнце пригрѣетъ и снѣгъ растаетъ, корни яблони тянутъ изъ влажной землѣ питательные соки. Соки поднимаются по стволу вверхъ, бѣгутъ по сучьямъ, вѣткамъ и вѣточкамъ и наполняютъ маленькія почки, просидѣвшія безъ движенія цѣлую зиму. Лѣтомъ на деревѣ вырастаютъ яблоки, сначала зелёныя, потомъ красныя, а къ осени вся яблоня убирается спѣлыми, сочными *плодами*. Когда *зёрнышки* въ яблокахъ почернѣютъ, значить, яблоки поспѣли, и начнутъ они тогда сами валиться на траву.

39. Отецъ и сынъ.

Отецъ принёсъ изъ лѣса дикую яблоньку и посадилъ её въ саду. „Зачѣмъ ты это дѣлаешь?“ спросилъ сынъ у отца: „вотъ ужъ такому негодному деревцу я не далъ бы мѣста въ саду“. — „А почему ты думаешь, что это деревцо никуда не годится?“ спросилъ отецъ. — „Это видно съ перваго взгляда“, отвѣчалъ мальчикъ. Черезъ нѣсколько времени сынъ опять увидѣлъ, что отецъ заботливо водится около новой своей яблоньки: одиѣ вѣтки срѣзаетъ, другія привязываетъ къ воткнутымъ колыямъ. „Зачѣмъ ты не даёшь деревцу расти свободно?“ спрашиваетъ мальчикъ. — „Я хочу, чтобы оно росло прямо, стройно и не сломалось вѣтромъ“, отвѣчалъ отецъ. Прошло ещё нѣсколько времени. Отецъ снова вскопалъ землю вокругъ корней яблоньки, обрѣзалъ сухія вѣтки на деревцѣ и говоритъ сыну: „Посмотри на это деревцо, оно маленькое, некрасивое, но въ нёмъ скрывается большаѣ жизненная сила; со временемъ деревцо это вырастетъ и вознаградитъ плодами своими за труды мой вокругъ него“.

На слѣдующую весну отецъ пришёлъ къ деревцу съ вѣточкой, срѣзанной съ хорошей яблони; взявъ кривой ножъ и разомъ срѣзалъ всю верхушку молодого деревца. „Что ты дѣлаешь?“ вскричалъ сынъ въ испугъ: „теперь всѣ труды твои пропали даромъ!“ Но отецъ улыбнулся, расколдовалъ немного стволь яблоньки и, воткнувъ въ него принесенную имъ вѣточку, зашпиль щель замазкою и старательно обвязалъ это мѣсто тряпкою. Вѣточка принялась, деревцо стало быстро расти, пустило новыя вѣтки. Черезъ нѣсколько лѣтъ, весной всё оно покрылось цвѣтами; а къ осени вѣтки его уже гнулись подъ тяжестью большихъ, румяныхъ яблокъ. „Ну, что скажешь теперь?“ спросилъ отецъ сына. — „Ахъ“, отвѣчалъ сынъ, „какое это прекрасное дерево; труды твои не пропали даромъ“. — „Вотъ видишь“, сказалъ отецъ сыну: „если бы деревцо осталось расти въ лѣсу, оно было бы и криво и сучковато, и принесло бы только мелкіе плоды и такіе кислые, что ѣсть ихъ было бы невозможно; но я позаботился, чтобы оно росло прямо, стройно, и, прицепивъ къ нему вѣточку отъ хорошей яблони, далъ скрытымъ въ деревѣ силамъ другде, лучшее направленіе. Какъ видишь, труды мои, потраченные на эту яблоню, не пропали даромъ. Дай Богъ, сынъ мой, продолжалъ отецъ, чтобы и ты также отблагодарилъ меня и мать свою за всѣ труды и заботы наши о тебѣ“.

40. Грушевое дерево.

Старикъ Матвѣевъ сидѣлъ подѣ тѣнью большаго грушеваго дѣрева, которе стояло передъ его домоу. Его внучата бѣли груши и не могли нахвалиться сладкими плодами.

Тогда дѣдъ сказалъ: „Я расскажу вамъ, какимъ образомъ это дѣрево здѣсь выросло. Тому лѣтъ пятьдесятъ назадъ я стоялъ однажды на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ это дѣрево, и жаловался богатому сосѣду на свою бѣдность. Ахъ, говорилъ я, я былъ бы совершенно доволенъ, если бы могъ приобрести хоть сто рублей.“

Сосѣдъ сказалъ: „Это приобрести не трудно, если только ты сумѣешь хорошо приняться за дѣло. Вотъ на томъ мѣстѣ, гдѣ ты стоишь, сокрыто въ землѣ больше ста рублей. Тебѣ слѣдуетъ только достать ихъ.“

Я былъ тогда еще неопытный молодой человекъ, и въ слѣдующую же ночь началъ рыть въ землѣ большую яму, но, къ сожалѣнiю, не нашелъ ни одного рубля.

Когда на другой день сосѣдъ увидѣлъ яму, то засмѣялся и сказалъ: „Я не думалъ, чтобы ты былъ такъ глупъ!... Но и этой работой ты еще можешь воспользоваться. Я подарю тебѣ молодое грушевое дѣрево; посади его въ яму, которую ты вырылъ, и черезъ нѣсколько лѣтъ будутъ у тебя деньги.“

Я послушался добраго сосѣда: посадилъ молодое деревцо въ землю; оно выросло и стало тѣмъ прекраснымъ большимъ дѣревомъ, какимъ вы его теперь видите. Отличные плоды, которые оно съ тѣхъ поръ постоянно приноситъ, доставили мнѣ уже гораздо болѣе ста рублей и, какъ видите, оно еще довольно крѣпко и можетъ еще очень долго приносить вкусные плоды.“

41. Гвоздика.

„Ахъ, маменька! подарите мнѣ хоть одну грядочку цвѣтвъ; я самъ буду за нею ухаживать“. Такъ говорилъ Петя матери. Мать согласилась и подарила ему грядку превосходной гвоздики. Петя прыгалъ отъ радости и говорилъ: „Вотъ будетъ весело, когда расцвѣтѣтъ моя гвоздика“. Въ это время на гвоздикѣ были только почки“.

Но Петя былъ нетерпѣливъ и хотѣлъ, чтобы его гвоздика расцвѣла поскорѣе. Поэтому онъ безпрестанно прибѣгалъ къ своей грядкѣ, бралъ почки въ руки и все смотрѣлъ, не распускаются ли онѣ.

Наконецъ, однажды вечеромъ онъ замѣтилъ, что края листиковъ у почекъ покраснѣли, и очень обрадовался этому. На другое утро рано, какъ только онъ проснулся, онъ побѣжалъ въ садъ, увѣренный, что цвѣты его расцвѣли; но они едва только начинали распускаться. Тогда нетерпѣливому мальчику вздумалось помочь цвѣтамъ: онъ взялъ да и расправилъ листики у каждой почки, а потомъ сталъ звать своихъ братьевъ:

„Идите скорѣе! посмотрите, у меня уже расцвѣла гвоздика“.

Братья не могли надивиться, какъ это Петина гвоздика такъ скоро расцвѣла. Но радость Пети была непродолжительна: едва солнце поднялось выше, цвѣты наклонили головки и—завяли.

42. Пчелка-Мохнатка.

Въ саду былъ пчельникъ, въ пчельникѣ были ульи; въ одномъ изъ ульевъ жила-была работница—пчелка-Мохнатка. Хорошо и согласно живутъ пчелы, никогда не поссорятся, не подерутся. Вѣда только, что много у нихъ враговъ: которую воробей или ласточка на лету проглотитъ; которая къ пауку въ паутину попадетъ; которую разбойница-оса по дорогѣ заколетъ, да и скушаетъ тутъ же. Правда, и у пчелъ есть жало; да опасно его въ дѣло пускать: не выдержишь жало—и помирай! Пчелка безъ жала не проживетъ. Зато, конечно, если ужъ на родной улей вдры-грабители нападуть, такъ тутъ не оберешься: хоть помри на мѣстѣ—спастись бы только свой улей. „Всѣ за одного, одинъ за всѣхъ“: такой ужъ у пчелъ обычай.

Въ одно утро Мохнатка, возвращаясь съ медомъ домой, ещё издали услышала что-то небывалое: весь пчельникъ гудѣлъ и жужжалъ, будто взбунтовался, а сквозь пчелиный гулъ раздавалось страшное звѣриное рычанье. Подлетѣла Мохнатка ближе—и на лету остановилась. Изъ всѣхъ ульевъ пчелы повисыпали и не то въ страхѣ, не то въ злѣбѣ метались надъ пчельникомъ взадъ и впередъ. Отъ крику-рева въ воздухѣ стонъ стоялъ. Мишка-медвѣдь, который, какъ извѣстно, охотникъ медъ есть, громадный, косматый, ворча и рыча, шагалъ между ульевъ на заднихъ лапахъ, передними насилу отбиваясь отъ пчелъ. Вдругъ, точно опомнившись, онъ круто повернулъ къ ближайшему улью,—а улей-то былъ какъ разъ родной улей Мохнатки—и повалилъ его наземь. Крышка съ улья скатилась, и пчелы цѣлой тучей взвились изъ него. Медвѣдь, закрывшись отъ пчелъ одной лапой, другою ползъ въ улей, въ медовую кладовую, да ханнулъ самый сочный, золотистый сотъ.

Мохнатка отъ обиды свѣта не увидѣла; она не могла уже стерпеть: „всѣ за одного, одинъ за всѣхъ“! вспомнила она пчелиный обычай, бодро бросилась на страшнаго звѣря и ужалила его больно-пребольно въ самый глазъ. Медвѣдь выль и побѣжалъ вонъ безъ оглядки. Подоспѣвшій въ это время пчеликъ опять съ земли улей и поставилъ его на мѣсто. Но что съ бѣдной Мохнаткой? Она вонзила въ глазъ медвѣдя жало такъ глубоко, что оно тамъ и

засѣло. Бѣдняжка вдругъ обезсилѣла, свалилась наземь, забила въ траву, да тамъ и заснула навѣкъ. Что же, умирая, не пожалѣла ли она о томъ, что для спасенія улья себя погубила? Нѣтъ, она не пожалѣла: „всѣ за одного, одинъ за всѣхъ“!

43. Пчелы.

I.

На свѣтѣ много чудесъ, и къ числу поразительнѣйшихъ между чудесами природы слѣдуетъ, конечно, отнести дружное и трудолюбивое общество вѣчно занятыхъ, вѣчно подвижныхъ пчелъ. Въ ихъ тѣсной, многочисленной семьѣ стоитъ поучиться любви къ порядку и труду, умной бережливости, преданности дѣлу и исполненію своихъ обязанностей. Трудолюбивыя пчелы ненавидятъ и уничтожаютъ лѣнливыхъ.

Матка или царица.

Трутень.

Рабочая пчела.

Пчелы въ ульѣ не всѣ одинаковы. Большая часть улья состоитъ изъ пчелъ, которыя называются *работницами*. Кромѣ пчелъ-работницъ, въ каждомъ ульѣ есть одна *матка*, или *царица*, и нѣсколько *трутней*.

Матка, или царица, больше рабочихъ пчелъ и отличается длиннымъ брюшкомъ; трутни также больше рабочихъ пчелъ.

Яички кладетъ только одна матка. Рабочія же пчелы яичекъ не кладутъ, но зато исполняютъ самыя разнообразныя работы, почему и называются рабочими. Онѣ строятъ изъ воска соты, добываютъ кормъ и медъ, ухаживаютъ за царицей и за молодыми пчелами, защищаютъ улей отъ нападенія разныхъ враговъ.

Взгляните на улей: если погода хороша, то вы увидите трудолюбивую толпу, которая тѣснится (впрочемъ безъ всякаго безпорядка) у входа въ общее жилище; не бойтесь шума и жужжанья, подходите смѣло, особенно, если съ вами тотъ, кто постоянно ходитъ за пчелами, пасъчникъ. Ежели вы хотите, чтобы пчелы приняли васъ, какъ друга, возьмите въ руку ложку съ медомъ, или, просто, хоть палецъ обмокните въ медъ, и смѣло подходите къ улью, съ открытымъ лицомъ и руками; къ вамъ слетятся тысячи пчелъ, и ни одна изъ нихъ васъ не ужалитъ.

Въ вознагражденіе за медъ, которымъ вы угостите пчелъ, вамъ можно будетъ близко рассмотреть входъ въ ихъ жильѣ. Вы увидите, какъ одѣ слетаются съ полей, до такой степени нагруженныя матеріаломъ для построекъ и провизіей, что едва могутъ летѣть; другія торопливо выходятъ изъ дому и тотчасъ улетаютъ искать новой добычи; нѣкоторыя даже не входятъ въ улей, чтобы сложить тамъ свою ношу: у входа всегда есть ловкіе носильщики, которые проворно обираютъ прилетѣвшихъ и опять отпускаютъ ихъ на сборъ.

Какъ же пчѣлы собираютъ свою добычу?—Это вы можете легко разсмотрѣть; подойдите къ какому-нибудь цвѣтку, неподалѣку отъ улья: навѣрное на немъ или въ немъ вы найдёте пчелу; вы увидите, какъ своимъ хоботкомъ она лижетъ и жадно сосётъ цвѣточный сокъ; она собираетъ и цвѣточную пыль съ цвѣтка; пылинки прилипаютъ къ волоскамъ на ея тѣлѣ, особенно много ихъ накапливается на лапкахъ... Когда же пчела почувствуетъ, что добычи довольно, она тотчасъ возвращается въ улей.

Внутреннее расположеніе улья тоже чрезвычайно любопытно. Большая часть пчелинаго жилища наидлена перегордками; между перегордками такіе тѣсные промежутки, что въ нихъ могутъ рядомъ пройти только двѣ пчелы. На этихъ перегордкахъ, которыя называются обыкновенно *сотами*, съ обѣихъ сторонъ находятся тысячи небольшихъ клѣточекъ, или ячеекъ, сдѣланныхъ изъ воску. Въ нѣкоторыхъ ячейкахъ лежитъ мѣдъ, и онѣ открыты; въ другихъ тоже лежитъ мѣдъ, но покрытый восковою крышечкой. Во многихъ другихъ лежитъ или по червяку, или по яйчку. Такимъ образомъ, ячейки служатъ не только кладовыми въ ульѣ, но и колыбельками для малютокъ.

Откуда же берётся мѣдъ въ ячейкахъ, и кто строитъ изъ воску эти удивительные соты? Всё это работа трудолюбивыхъ пчелъ-работницъ. Надъ приготовленіемъ воска и мѣда пчелѣ не приходится трудиться, такъ какъ воскъ выступаетъ совершенно готовымъ на нижней части брюшка рабочихъ пчелъ, а мѣдъ образуется въ ихъ желудкѣ.

Какъ же изъ готоваго воска строятъ пчелы соты? Передними лапками онѣ снимаютъ съ своего тѣла воскъ, смѣшиваютъ его сперва со слюною, а потомъ и лѣпятъ изъ него ячейку. Когда ячейка готова, пчела кладётъ въ неё мѣдъ и, если нужно, задѣлываетъ ячейку восковою крышечкою. Къ готовой ячейкѣ прилипается другая и т. д. до тѣхъ поръ, пока не будутъ готовы соты.

II.

Когда ячейки готовы, или даже по мѣрѣ того, какъ онѣ строятся, матка, или царица, начинаетъ нести яйчки... Въ это время работницы особенно усердно ухаживаютъ за нею: ласкаютъ её, чистятъ её хоботками, даютъ ей изъ своего рта по капелькѣ мѣду и толнятся около нея. Матка бѣгаетъ по сотамъ, осматриваетъ, оцѣпываетъ ячейки и кладётъ въ нихъ по яйчку, которое прилипаетъ къ доннышку ячейки.

На третій день изъ яйчекъ выводятся маленькіе, бѣловатые, безногіе червячки (личинки); пчелы-кормилицы начинаютъ ухаживать за ними съ необыкновенною нѣжностью и предупредительностью. Черезъ пять дней послѣ того, какъ изъ яйчка образуется червячокъ, работницы-кормилицы задѣлываютъ ячейку, въ которой лежитъ червячокъ, восковою крышечкой. Тогда червячокъ начинаетъ вить въ продолженіе 36-ти часовъ вокругъ своего тѣла шелковый коконъ, или гнѣздышко. Черезъ три дня послѣ того личинка превращается въ куколку, проводитъ въ этомъ видѣ семь съ половиною дней, и наконецъ гложетъ крышечку своей ячейки, разрываетъ свою шелковистую пеленку и выходитъ настоящей пчелой. Въ ту же минуту пчелы-работницы очищаютъ ячейку, чтобы можно было положить въ неё новое яйчко, вытираютъ новорожденную, кормятъ её мѣдомъ. Черезъ двадцать четыре часа послѣ того, новорожденная пчела сама начинаетъ принимать участіе въ общихъ работахъ и улетаетъ въ поле собирать цвѣточную пыль и мѣдъ.

Такимъ образомъ, должно пройти около двадцати дней съ той поры, какъ снесено яйчко, до совершеннаго развитія пчелы-работницы; а такъ какъ матка кладётъ яйчки въ продолженіе всей весны, лѣта и осени, то въ это время безпрестанно рождаются новыя пчелы.

Какъ только между новорожденными пчелами появится молодая матка или царица, то въ ульѣ начинается ужаснѣйшій безпорядокъ, будто всѣ работницы чего-то испугались. Старая матка начинаетъ бѣгать по улью, торопливо проходить между работницами, а тѣ бросаютъ свою работу и бѣгутъ за нею; ихъ быстрое движеніе приводитъ въ такое же безпокойство и всѣхъ остальныхъ пчелъ, которыя миролюбиво занимались своимъ дѣломъ на сотахъ.

По всѣмъ мѣстамъ, гдѣ прошла матка, видно страшное безпокойство, и весь улей приходитъ въ волненіе, бросается къ выходу улья, и какъ только матка сдѣлаетъ шагъ наружу, вся толпа улетаетъ вмѣстѣ съ нею искать себѣ новаго жилища; эта выселяющаяся толпа пчелъ называется *родемъ*.

Не слѣдуетъ однакоже думать, что съ маткою улетаютъ изъ улья всѣ пчелы до послѣдней; вскорѣ возвращаются домой молоденькія работницы и тѣ, которыя дѣлали своё дѣло въ полѣ въ то время, когда рой улетѣлъ; сверхъ того, въ яйчкахъ много кѣлоковокъ, которыя скоро превратятся въ настоящихъ пчелъ; улей скоро опять бѣдетъ полонъ.

III.

Вылетѣвшій изъ улья рой начинаетъ искать удобнаго мѣста, гдѣ бы поселиться. Въ дикомъ состояніи рой выбираетъ себѣ обыкновенно или расщелины скалы, или стволъ стараго дуплистаго дѣрева. Но человекъ предвидѣлъ это переселеніе и умѣлъ обратить его себѣ въ пользу; онъ даётъ пчеламъ убѣжище вѣрное и удобное — *улей*.

Ежели рой не рѣшается на поселеніе, стоитъ только взять матку и помѣстить её въ улей: тотчасъ весь пчелиный народъ бросается туда за нею и вслѣдъ затѣмъ начинаются первыя приготовительныя работы для устройства улья.

Собравшись въ новомъ жилищѣ, пчелы сначала чистятъ его какъ можно лучше; потомъ множество работницъ вылетаетъ, чтобы собирать съ древесныхъ почекъ, особенно съ тополя, ивы и дуба, красноватое, клейкое, смолистое вещество съ необыкновенно пріятнымъ запахомъ, которое называется у насъ въ народѣ *уздой* или *пѣргой*. Уза употребляется для того, чтобы задѣлывать ею всѣ отверстія, всѣ ненужныя щели въ ульѣ.

Пчела прилетаетъ ко входу въ улей, садится на дощечку, вставленную въ отверстіе — лѣтикъ, и входитъ въ свой домъ съ полною ногой узды въ корзиночкахъ своихъ заднихъ ногъ. Её встрѣчаютъ другія работницы, обираютъ у ней добычу, разжевываютъ своими челюстями и затыкаютъ отверстія. По окончаніи этой работы начинаются внутреннія постройки сотовъ.

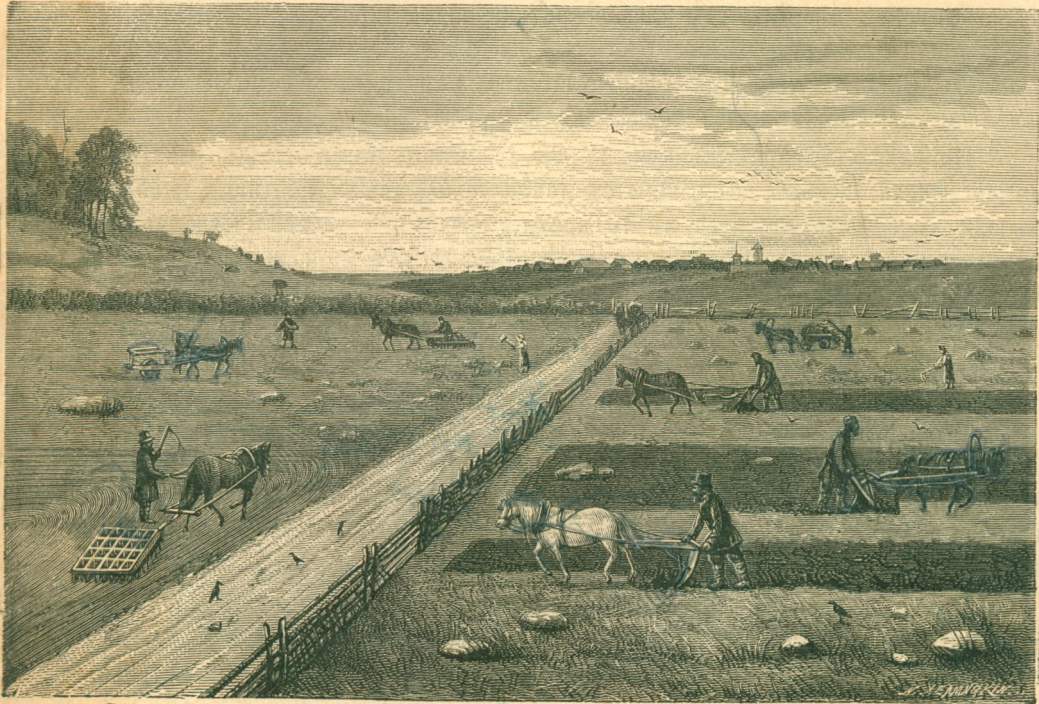
Изъ одного улья можно получить до 30 фунтовъ медовыхъ сотовъ, которые даютъ около 3 фунтовъ воску.

Для того чтобы вынуть соты, пчелъ подкуриваютъ; иначе онѣ очень больно искусаютъ бы: у пчелы есть на брюшкѣ жало, изъ котораго она, при укудлѣ, пускаетъ ядъ въ ранку.

44. Сельскія работы въ полѣ и на лугу.

Весною, только-что сошлиныко сгонить сѣвгъ съ полѣй, обогрѣеть кормилицу-землю, крестьяне справляютъ сохи, бороны и поговариваютъ объ орьбѣ.

Какъ только поля просохнутъ, крестьяне начинаютъ на нихъ *пахать* и *боронить*. Эти работы идутъ то въ яровомъ полѣ, т. е. въ полѣ, засѣваемомъ весною, то въ паренинѣ. На обработанномъ яровомъ полѣ *сѣютъ* яровой хлѣбъ: гречиху, ячмень и др., а на паренину *вѣзятъ навозъ*.

Весеннія работы въ полѣ.

Окончивъ вывозку посема, крестьяне готовятъ къ новой работѣ — *покосу*. Передъ покосомъ они тѣчатъ косы запасаютъ грабли и точильныя лопатки.

Во время сѣнокоса, который начинается обыкновенно около Петра дня, работаютъ всѣ отъ мала до велика: мужики косятъ, бабы же, дѣвки и ребятинки сѣнать скошенную траву, переворачивая еѣ на лугу граблями. Просушивъ такимъ образомъ сѣно, крестьяне складываютъ егѣ на телеги и везутъ домой.

Покосъ продолжается большею частью до Ильина дня. Къ концу же покоса на поляхъ посѣвается рожь и начинается жатва.

Жатва — трудная работа. Цѣлый длинный, жаркій день приходится, не разгибая спины, валить подъ корень рожь высокую. Вслѣдъ за жатвой ржи наступаетъ *посѣвъ озими* и уборка ярового хлѣба. Работа идетъ за работой, такъ что и отдохнуть некогда. Недаромъ это время называется *страдой*.

45. Поёмные луга.

Вотъ луга, такъ луга! сказалъ ямщикъ, обращаясь къ Володѣ, который съ позволенія отца ушёлъ возлѣ ямщика на козлахъ: — какаѣ бы ни была засуха, на нихъ всегда есть трава и покосъ всегда хорошій.

— Отчего же это? спросилъ Володя.

— Да оттого, отвѣчалъ ямщикъ, что всякую весну эта рѣченка разливается куда какъ широко — вонъ подъ тѣ самыя лозы, версты, чай, на семь! Когда же вода потѣмъ сбѣдетъ, то и трава пойдѣтъ расти шибко да гонко — да такая зелѣная, сочная!

Эти луга, *поёмные*, дорогіе луга, славные луга! Много они, сердечные, кормятъ лошадушекъ; а лошадушки — кормилицы наши. Чтѣ бы мы безъ нихъ стали дѣлать? Онѣ насъ и возятъ, милыя; онѣ намъ и паненку пануютъ и бордятъ; а придется ли дровецъ изъ лѣсу привезти — опять-таки за лошадушку. Онѣ намъ навозъ даютъ: безъ навоза же наши поля родятъ плѣхо.

Вотъ и выходитъ, что луга-то вещь дорогая, особенно луга поёмные. Поле вездѣ распахать можно, хоть бы изъ-подъ самаго глухого лѣсу: вырубил деревья, повыкорчи корни, да и распахивай землю-то; а поёмнаго луга ужъ не распашишь! Гдѣ Богъ далъ, тамъ и есть; а гдѣ сѣна много, тамъ и лошадка, и коровка, и овечка сыта... Эй, вы, сердечныя, трѣгай! — прибавилъ ямщикъ, подстегнувъ слегка правую пристяжную.

46. Ночное.

Ужѣ вечерняя зарѣ погасала, и въ воздухѣ начинали густѣть и разливаться холодныя тѣни. Звѣздочки замелькали на небѣ.

На лугу, возлѣ рѣки краснымъ пламенемъ горѣли и дымились другъ подлѣ дружки два огонька. Вокругъ нихъ копошились люди. Это были крестьянскіе ребятишки изъ сосѣдней деревни, которые стерегли табунъ.

Въ жаркую лѣтнюю пору лошадей выгоняютъ у насъ на ночь кормиться въ поле: днемъ мѣхи и оводы не дали бы имъ покоя.

Выгонятъ передъ вечеромъ и пригонятъ на утренней зарѣ табунъ — большій праздникъ для крестьянскихъ мальчиковъ. Сидя безъ шапокъ и въ старыхъ полушубкахъ на самыхъ бойкихъ кляченкахъ, мчатся они съ веселымъ гиканьемъ и крикомъ, болтая руками и ногами, высоко подпрыгиваютъ, звонко хохочутъ. Лѣгкая пыль жѣлтымъ столбѣмъ поднимается и несѣтся по дорогѣ; далеко раздается дружный тонотъ, лошади бѣгутъ, наостривъ уши; впереди всѣхъ, задравши хвостъ и безпрестанно мѣняя ногу, скачетъ какой-нибудь рыжій космачъ, съ репейниками въ спутанной гривѣ.

Огоньки тихонько потрескивали. Мальчики сидѣли вокругъ нихъ; тутъ же сидѣли и двѣ собаки. Небольшой котелочекъ висѣлъ надъ однимъ изъ огоньковъ; въ немъ варились „картошки“. Мальчики калѣкали о томъ, о сѣмъ, о заграничныхъ работахъ, о лошадяхъ.

47. Пахарь.

Заря только что занималась... Туманные полосы, въ которыхъ тонѣли луга и пашни, начинали, однакъожь, алѣть и расходиться; и только холмистыя поля, заслонявшія восходѣ, оставались покрыты черною, холодною тѣнью. Солнце ещё не показывалось. А между тѣмъ на полѣ уже давнымъ-давно трудился пахарь. Фигура пахаря и его лошади чётко вырѣзывались въ чистомъ, прозрачномъ небѣ. За сохю слѣдила, то подымаясь на воздухъ, то припадая къ землѣ, пѣлая стая сизыхъ и бѣлыхъ полевыхъ голубей, искавшихъ завтракъ въ свѣжѣ раскрытой бороздѣ, которую проводилъ пахарь. По мѣрѣ того, какъ небо становилось ярче и ярче, въ поляхъ и особенно въ лощинѣ, обращенной къ солнцу, всё постепенно оживало и наполнялось звуками. Рѣбкій гѣлосъ овсянки и пѣночки откликнулся уже гдѣ-то въ кустахъ; лёгкій вѣтерѣкъ пахнулъ сильѣе, приносилъ жирный запахъ только что вспаханной нивы; тамъ, изъ-за темной кѣчки, тяжело взмахнулъ крыльями грачъ, и высоко поднялся въ сверкающемъ небѣ; лощина, потопленная золотыми лучами восхода, вскорѣ оживилась: по всѣмъ направлѣніямъ, вдали и вблизи, показались пахари съ ихъ лошадыми, тащившими сохи и бороны, которыя подпрыгивали на кѣчкахъ, влача за собой косматые пучки травъ, захваченныхъ зубцами. Слѣва лощина замыкалась длинною березовою рѣщей, усыпанной только что распускавшимися почками. Милліоны гѣлосѣвъ подымались оттуда: всё вокругъ радовалось и улыбалось теплѣму весеннему утру... Но пахарь, преданный весь своей работѣ, казался, ничего не замѣчалъ; онъ выступалъ за сохѣй медленнымъ, ровнымъ шагомъ, кладя борозду подлѣ борозды и постепенно спускаясь въ лощину. Онъ усердно работалъ, не обращая ни на что вниманія; изрѣдка лишь остановится, понюхаетъ табачку изъ берестовой тавлинки, спрятанной за пазухой, или вдругъ повернется спиной къ рѣщѣ и, приложивъ ладѣнь къ глазамъ, чтобы защитить ихъ отъ свѣта, пристально поглядитъ въ поле, гдѣ пашетъ сынъ, — и снова за соху.

Солнце не на шутку начало уже припекаеть, когда онъ остановился, наконецъ, у межъ и рѣшительно отѣръ потъ. Взглянувъ тогда украдкой на сына, онъ дернулъ вожжами, своротилъ соху и пошелъ къ нему навстрѣчу. Достигнувъ куста орѣшника, на которомъ висѣли двѣ сермяги, старикъ бросилъ вѣджи и припаялся выжидать сына, усѣившаго въ это время сдѣлать ещё конѣцъ и возвращавшагося къ кусту.

Сыну было всего лѣтъ восемнадцать; дѣтина былъ рѣслый, свѣжий, здоровый, съ русыми кудрями, падавшими скѣбками вдоль полныхъ щѣкъ, подернутыхъ первымъ пухомъ.

— Ну, что, Петрушка, умаялся? спросилъ старикъ, когда тотъ подошелъ къ нему вѣлкимъ шагомъ. — Ничего, батюшка, отвѣчалъ парень, тряхиувъ волосами и въ то же время отирая рукавомъ рубахи лобъ и щѣки. — То-то, продолжалъ, подтрунивая, отецъ: — зналъ только о сю пору челнокѣмъ на фабрикѣ пощѣлкивать... э! небѣсь, пашенка не свой братъ: какъ разъ упарить! Ладно, что выѣхали до зари, хонь росѣй маленько землицу-то помочило, а то бы не такъ ещё уломался; ишь какъ её, нашу матушку, присушило... смерть!... Ну, чего жъ стойшь? распрягай лошадей: пусть ихъ подберутъ травки, пока мы отдохнемъ да пообѣдаемъ... Ухъ, какъ уныхался! рубаху-то хонь выжи.

Они молча распрягли лошадей, пустили ихъ на царъ и снова сошлись въ кусту орѣшника; старикъ вынулъ изъ-подъ него плетеную берестовую котѣмку, выложилъ поочередно передъ сыномъ полновьсный сукрой хлѣба, черныи глиняный горшокъ, заткнутый вѣтошью, тряпичу съ солью, и оба дружно принялись за обѣдъ.

48. Какъ рубашка въ полѣ выросла.

I.

Видѣла Таня, какъ отецъ ей горстями разбрасывалъ по полю маленькія блестящія зѣрна, и спрашиваетъ: „Что ты, тятя, дѣлаешь?“

— А вотъ сѣю ленѣкъ, дочка; вырастетъ рубашка тебѣ и Васюткѣ.

Задумалась Таня: никогда она не видала, чтобы рубашки въ полѣ росли.

Недѣли черезъ двѣ покрылась полѣска зеленою шелковистою травкою, и подумала Таня: „Хорошо, если бы у меня была такая рубашка!“ Рѣза два мать и сестры Тани приходили полѣску полѣть и всякій разъ говорили дѣвчкѣ: „Славная у тебя рубашка будетъ!“

Прошло еще нѣсколько недѣль: травка на полѣскѣ поднялась, и на ней показались голубые цвѣточки. „У братца-Васи такіе глазки“, подумала Таня: „но рубашечекъ такихъ я ни на комъ не видала“.

Когда цвѣточки опали, то на мѣсто ихъ показались зеленныя головки. Когда головки забурѣли и подохли, мать и сестры Тани повидергали весь лёнъ съ корнемъ, навязали снопиковъ и поставили ихъ на полѣ просохнуть.

II.

Когда лёнъ просохъ, то стали у него головки отрѣзывать; а потомъ потопили въ рѣчкѣ безголовые пучки и еще камнемъ сверху навалили, чтобы не всплыли.

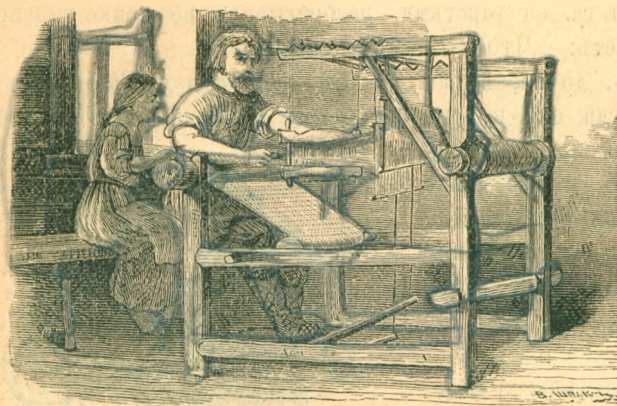
Печально смотрѣла Таня, какъ ей рубашку топятъ; а сестры тутъ ей опять сказали: „Славная у тебя, Таня, рубашка будетъ!“

Недѣли черезъ двѣ вынули лёнъ изъ рѣчки, просушили и стали колотить, сначала доскою на гумнѣ, потомъ трепаломъ на дворѣ, такъ что отъ бѣднаго льна летѣла кострика во все стороны. Вытрепавши, стали лёнъ чесать желѣзнымъ гребнемъ, пока онъ сдѣлался мягкимъ и шелковистымъ. „Славная у тебя рубашка будетъ!“ опять сказали Танѣ сестры. Но Таня подумала: Гдѣ же тутъ рубашка? это похоже на волоски Васи, а не на рубашку“.

III.

Настали длинные зимние вечера. Сестры Тани надѣли лёпъ на грѣбни и стали изъ него нитки прясть. „Это нитки“, думаетъ Тани: „а гдѣ же рубашка?“

Прошла зима, весна и лѣто — настала осень. Отецъ установилъ въ избѣ кросна, натянулъ на нихъ основу и началъ ткать. Забѣгаль проводило челнокъ между нитками, и тутъ ужъ Тани сама увидѣла, какъ изъ нитокъ выходитъ холстъ.

Когда холстъ былъ готовъ, стали его на морозѣ морозить, по снѣгу разстилавъ; а весной разстилавъ по травѣ, на солнышкѣ, и взбрызгивали

водю. Сдѣлался холстъ изъ сѣраго бѣлымъ, какъ кипень.

Настала опять зима. Накройла изъ холста мать рубашекъ; принялись сестры рубашки шить, и къ Рождеству надѣли на Танию и Васю новыя, бѣлыя, какъ снѣгъ, рубашечки.

49. Гадюка.

I.

Вокругъ нашего хutora, по мокрымъ мѣстамъ, водилось не мало змѣй. Я не говорю объ ужахъ: къ безвредному ужю у насъ такъ привыкли, что и змѣей-то его не зовутъ. У него есть во рту небольшіе острые зубы, онъ ловитъ мышей и даже птичекъ, пожалуй, можетъ прокусить кожу: но нѣтъ яду въ этихъ зубахъ, и укушеніе ужа совершенно безвредно. Ужѣй у насъ было много, особенно въ кучахъ соломы, что лежала около гумна: какъ пригрѣетъ солнышко, такъ они и выползутъ оттуда; шипятъ, когда подойдешь, языкъ или жало показываютъ; но вѣдь не жаломъ змѣи кусаютъ. Даже въ кухнѣ подъ поломъ водились ужѣй, и какъ станутъ, бывало, дѣти, сидя на полу, молоко хлебать, такъ ужѣй и выползетъ и къ чашкѣ голову тянетъ, а дѣти его ложкой по лбу.

Но водились у насъ не одинъ ужѣй; водилась и ядовитая змѣя, сѣрая, большая, безъ тѣхъ желтыхъ полосокъ, что видны у ужа около головы. Такую змѣю зовутъ у насъ *гадюкою*.

Гадюка нерѣдко кусала скотъ, и если не успеютъ, бывало, позвать съ села стараго дѣда Охрима, который зналъ какое-то лѣкарство противъ укушенія ядовитыхъ змѣй, то скотина непременно падѣтъ, — раздѣетъ ее, бѣдную, какъ гору.

Одинъ мальчикъ у насъ такъ и умеръ отъ гадюки. Укусила она его около самаго плеча; прежде чѣмъ пришѣлъ Охримъ, опухоль перешла съ руки на шею и грудь; дитя стало бредить, метаться и черезъ два дня померло. Я въ дѣтствѣ много слышала про гадюку и боялся ихъ странно, какъ будто чувствовала, что мнѣ придется встрѣтиться съ опасной гадиной.

II.

Косили у насъ за сѣдомъ, въ сухой балкѣ *), гдѣ весной всякій годъ бѣжитъ ручей, а лѣтомъ только сыроато и растетъ высокая и густая трава. Всякая косовица была для меня праздникомъ, особенно когда сгребуть сѣно въ конны. Тутъ, бывало, станешь бѣгать по сѣнокосу, да со всего размаху кидаться въ конны и барахтаться въ душистомъ сѣнѣ, пока не прогонятъ бабы, чтобы не разбивалъ копѣшъ. Вотъ такъ-то и въ этотъ разъ бѣгалъ я и кувыркался; бабъ не было, косарѣ пошли далеко, и только наша черная, большая собака, Бровкѣ, лежала на коннѣ и грызла кость. Кувыркнулся я въ одну конну, перевернулся въ ней раза два — и вдругъ вскопился съ ужасомъ. Что-то холодное и скользкое мазнуло меня по рукѣ. Мысль о гадюкѣ мелькнула въ головѣ моей, и что же? Огромная гадюка, которую я обезпokoдилъ, вылезла изъ сѣна и, подымаясь на хвостъ, готва была на меня кинуться. Въместо того, чтобы бѣжать, я стою, какъ окаменѣлый. Еще бы минуту — и я погибъ, но Бровкѣ, какъ стрѣла, кинулся на змѣю — и завязалась между ними смертельная борьба. Собака кусала змѣю зубами, топтала лапами; змѣя кусала собаку и въ морду, и въ грудь, и въ животъ. Но черезъ минуту только клочки гадюки лежали на землѣ, а Бровкѣ кинулся бѣжать и исчезъ.

Тутъ только воротился ко мнѣ голосъ; я сталъ кричать и плакать; прибѣжали косарѣ и косами добили еще трепетавшіе куски змѣй.

Но страніе всего, что Бровкѣ съ этого дня пропалъ и скитался неизвѣстно гдѣ. Только черезъ двѣ недѣли воротился онъ домой: худой, тонкій, но здоровый. Отецъ говорилъ мнѣ, что собаки знаютъ траву, которую онѣ лѣчатся отъ укушенія гадюки.

50. Полезныя и вредныя насѣкомыя.

Весною и лѣтомъ въ садахъ и огородахъ, на поляхъ и лугахъ порхаютъ разноцвѣтныя *бабочки*; высасываютъ своими хоботками соки изъ цвѣтвъ мохнатая *пчелка*; въ травѣ скачутъ и трещатъ на разные лады сотни *кузнечиковъ*; ползаютъ по землѣ и суетятся трудолюбивые *муравьи*; грызутъ своими твердыми челюстями кору на деревьяхъ *жуки-короеды*, и т. д. Всѣхъ этихъ *насекомыхъ* не перечесть!

Насѣкомыя размножаются очень быстро; такъ, на примѣръ, одна *капустная бабочка* кладетъ на листья капусты болѣе сотни мелкихъ *яичекъ*. Изъ этихъ яичекъ выходятъ не прямо бабочки, а маленькіе *червячки*, или *гусеницы*. Гусеницы эти очень прожорливы, а потому онѣ наносятъ много вреда капустѣ. Недѣли черезъ три по выходѣ изъ яичекъ, гусеницы превращаются въ *куколки*. У куколки нѣтъ ни ногъ, ни глазъ, ни крыльевъ, ни рта; она не ѣсть и лежитъ безъ движенія. Изъ куколокъ выходятъ капустныя бабочки. Такъ же *превращаются* и другія насѣкомыя, какъ, на примѣръ, *пчелы*, *комары*, *майские жуки* и проч.

Нѣкоторыя изъ этихъ насѣкомыхъ приндсятъ людямъ большію пользу. Такъ, на примѣръ, пчелы даютъ вкусный медъ и необходимый для свѣчей воскъ.

Большая же часть насѣкомыхъ наносятъ людямъ вредъ. Такъ, на примѣръ, домашнимъ животнымъ плохо приходится лѣтомъ отъ *оводовъ* и *слѣпней*, которые до крови прокусываютъ толстую кожу этихъ животныхъ. Людямъ надоѣдаютъ лѣтомъ *комары*, *мухи* да *мошки*, а въ неопрытныхъ жилищахъ нѣтъ житья отъ *таракановъ*, *блохъ* и *клоповъ*.

*) Балка—долина; длинный и широкій природный оврагъ.

51. Враги и друзья земледельца.

Много трудится земледелец на своёмъ полѣ, не мало переноситъ онъ и тревогъ, пока уберетъ хлѣбъ съ поля: то онъ боится засухи, то опасается ненастья. Но больше всего беспокоятъ земледельца разныя животныя, которыя иногда портятъ и даже совсѣмъ уничтожаютъ хлѣба.

Самыя страшныя изъ этихъ вредныхъ животныхъ—*насекомыя*. Появляясь въ неслѣтномъ числѣ, они нерѣдко такъ опустошаютъ поля, что земледелецъ совсѣмъ лишается хлѣба, и всѣ труды его пропадаютъ даромъ. Случается, на примѣръ, что червь поѣдаетъ озимь и всходы яровыхъ хлѣбовъ; червь этотъ не что иное, какъ личинки или гусеницы ночной бабочки—*ночницы*. А иногда вдругъ стебли хлѣбовъ начинаютъ ломаться и падать; всё поле принимаетъ такой видъ, какъ будто по нёмъ гоняли скотъ. И это производятъ личинки, но только не бабочки, а особою мухи, называемою *гессенскою мухою*. Бываетъ и такъ, что хлѣбъ какъ будто цѣль, а между тѣмъ колдсы оказываются пустыми; виновникомъ такого вреда является маленькій жучокъ—*кузюка*. Есть и такія насекомыя, какъ *саранча*, которыя поѣдаютъ всё и оставляютъ голую землю.

Кромѣ насекомыхъ, полемъ наносятъ большой вредъ нѣкоторыя звѣрьки, напр.: *хотыкъ*, *сусликъ*, полевая *крыса* и *мышь*. Они не только поѣдаютъ хлѣбъ, когда онъ ещё стоитъ на корню, но и дѣлаютъ запасы пищи на зиму.

На счётъ земледельца живутъ и многія зерноядныя птицы, какъ на примѣръ: *куропатки*, *перепелы* и др.

Всѣ эти насекомыя и мелкіе звѣрьки размножаются такъ быстро, что если бы они всѣ оставались цѣлы, то не стоило бы ничего и сѣять въ полѣ. Къ счастью земледельца, ежегодно погибаетъ масса этихъ вредныхъ животныхъ: то поражаютъ ихъ разныя болѣзни, то умираютъ они отъ дурной погоды и голода. Но болѣе всего поѣдаютъ ихъ другія животныя.

Самыми жадными и неутомимыми истребителями вредныхъ животныхъ являются *птицы*. Нѣкоторыя птицы, какъ скворецъ, воробей, грачъ, поѣдаютъ насекомыхъ, а хищныя птицы, какъ сова, едоколы, поѣдаютъ вредныхъ полевыхъ звѣрьковъ. Къ числу истребителей вредныхъ насекомыхъ принадлежатъ также ёжъ и кротъ.

52. Страда.

Было около полудня. Солнце пекло невыносимо. Въ воздухѣ становилось жарко и душно, какъ въ раскалённой печкѣ.

Въ деревнѣ царствуетъ тишина мёртвая. Въ иное время въ тотъ же полдень, когда всё отдыхаетъ отъ утреннихъ трудовъ, встрѣтишь хоть толпу ребятишекъ, играющихъ у колдца, или старушку, разстилающую холстъ на лужайкѣ, или послышатся мѣрные удары валька съ ближайшаго плота; теперъ всё пусто, собака не пробѣжитъ по пыльной улицѣ.—Порѣ стоитъ рабчая, *страда* порѣ, какъ называютъ её въ деревняхъ. Теперъ и старушки, и дѣтки ихъ, и даже животныя, всё живмя живётъ въ полѣ. Вотъ почему такъ тихо въ деревнѣ, и кромѣ неутомонныхъ воробьёвъ, перелетающихъ иногда цѣлыми стаями отъ одного коноплянника къ другому, ничего не встрѣтишь на улицѣ.

Иуль кузла.

Суслик.
Кротъ.

Хомяк.

Перепелка.
Грачъ.

Истребъ.
Полска.

Сърая куроштка.
Сърая ворона.

53. Л Ъ С Ъ.

1. Полная красота всякой мѣстности состоитъ въ соединеніи воды съ лѣсомъ. Природа такъ и поступаетъ: рѣки, рѣчки, ручьи и озера почти всегда образуютъ лѣсомъ и кустами. Исключенія рѣдки. Въ соединеніи лѣса съ водою заключается другая великая цѣль природы.

Лѣса—хранители водъ: деревья закрываютъ землю отъ палящихъ лучей лѣтняго солнца, отъ иссушительныхъ вѣтровъ; прохлада и сырость живутъ въ ихъ тѣни и не даютъ иссякнуть текучей или стоячей водѣ. Убыль воды въ рѣкахъ, въ цѣлой Россіи замѣчаемая, происходитъ, по общему мнѣнію, отъ истощенія лѣсовъ.

Въ породы деревьевъ смолистыхъ, какъ-то: сосна, ель, пихта и проч., называются *краснымъ лѣсомъ*, или *краснолѣсьемъ*. Отличительное ихъ качество состоитъ въ томъ, что вмѣсто листьевъ онѣ имѣютъ иглы, которыхъ зимою не теряютъ, а перемѣняютъ ихъ исподволь, постепенно, весною и въ началѣ лѣта; осенью же онѣ становятся голыя, свѣжѣе и зеленѣе; слѣдовательно, встрѣчаютъ зиму во всей красотѣ и силѣ.

Лѣсъ, состоящій исключительно изъ однихъ сосенъ, называется *боромъ*.

Всѣ остальные породы деревьевъ, теряющія свои листья осенью и возобновляющія ихъ весною, какъ-то: дубъ, вязъ, осокорь, липа, береза, осина, ольха и другія, называются *чернымъ лѣсомъ*, или *чернолѣсьемъ*. Къ нему же принадлежатъ ягодныя деревья: черемуха и рябина, которыя достигаютъ иногда значительной вышины и толщины. Къ чернолѣсью же надобно причислить всѣ породы кустовъ, которыя также теряютъ зимою свои листья: калину, орѣшникъ, жимолость, шиповникъ и проч.

2. По большей части чернолѣсье состоитъ изъ смѣшенія разныхъ древесныхъ породъ, и это смѣшеніе особенно пріятно для глазъ; но иногда попадаются мѣста отдѣльными грибами, или *колками*, гдѣ преобладаетъ какая-нибудь одна порода: дубъ, липа, береза или осина, растущія въ гораздо большемъ числѣ, въ сравненіи съ другими древесными породами, и достигающія объема строевого лѣса.

Когда разнородныя деревья растутъ вмѣстѣ и составляютъ одну зеленую массу, то всѣ кажутся равно хороши, но въ отдѣльности одинъ другіимъ уступаютъ.

Хороша развѣсистая, бѣлоствольная, свѣтлозеленая, веселая береза; но еще лучше стройная, кудрявая, сладкодушистая во время цвѣта, липа.

Хорошъ и клѣнъ, со своими „лапами-листьями“; выскѣ, стрѣнъ и красивъ бываетъ онъ.

Коренасть, крѣпокъ, выскѣ и могучъ, въ нѣсколько обхватовъ толщины у корня, бываетъ многостолѣтній *дубъ*, рѣдко попадающійся въ такомъ величавомъ видѣ.

Осина и по наружному виду, и по внутреннему достоинству считается послѣднимъ изъ строевыхъ деревьевъ. Незамѣчаемая никѣмъ, трепетнолистная осина бываетъ красива и замѣтна только осенью: золотомъ и багрянцемъ покрываются ей рано увядающіе листья, и, ярко отличаясь отъ зелени другихъ деревьевъ, придаетъ она много прелести и разнообразія лѣсу во время осенняго листопада.

54. Лѣсныя птицы.

Отъ начала весны и до поздней осени лѣсъ оглашается крикомъ и пѣніемъ множества разнообразныхъ птицъ. По временамъ надъ опушкой лѣса, высоко въ воздухѣ, кружится и высматриваетъ добычу зоркій *ястребъ*; въ глуши лѣса, на старой ели долбитъ кору пестрый *дятелъ*; распѣваютъ свои пѣсни *клесты*; въ чащѣ раздаётся гдось сѣрой *кукушки*, а въ кустахъ орѣшника заливаются звонкою пѣнею голосистый *соловей*. Это все *лѣсныя птицы*. Въ лѣсахъ же водятся *тетереви* и *рыбчики*, за которыми охотятся ради ихъ вкуснаго мяса.

Нѣкоторыя изъ лѣсныхъ птицъ, напримѣръ, ястребъ, соколъ и сова, имѣютъ острый, загнутый внизъ клювъ, длинноватые когти и сильныя крылья. Такіе когти, крылья и клювъ служатъ этимъ *хищнымъ* птицамъ для нападенія на добычу. Самая большая хищная птица — *орёлъ*. Иные изъ хищниковъ, какъ, примѣръ, ястребъ и коршунъ, добываютъ себѣ пищу днёмъ и потому называются *дневными* хищными птицами, въ отличіе отъ тѣхъ, которыя вылетаютъ на охоту только ночью и называются *ночными*. Къ ночнымъ хищнымъ птицамъ принадлежатъ: сова, филинъ, дунь.

Хищныя птицы перѣдко истребляютъ домашнихъ птицъ и полезныхъ лѣсныхъ птичекъ: скворцовъ, дроздовъ, дятловъ и проч. Эти лѣсныя птички полезны для насъ тѣмъ, что во множествѣ поѣдаютъ насѣкомыхъ, наносящихъ вредъ садамъ и огородамъ, полямъ и лѣсамъ.

Осенью большая часть птицъ покидаютъ наши лѣса и улетаютъ на зиму въ далекія теплыя страны. Такія птицы называются *перелётными*, въ отличіе отъ тѣхъ, которыя живутъ у насъ круглый годъ и называются *зимующими*.

55. Два зернышка.

Высоко, на вѣткѣ стараго клѣна, на тонкомъ стебелькѣ висѣлъ маленькій плодъ (сѣмена). По бокамъ этого плода были прикрѣплены два тонкихъ крыла, а въ срединѣ лежали два маленькихъ зернышка.

Какъ-то разъ къ концу лѣта, когда этотъ крылатый плодъ созрѣлъ и оторвался отъ вѣтки, вѣтеръ подхватилъ его и понёсъ далеко и высоко на большую, высокую гору. Здѣсь опустился и упалъ онъ на мягкій мохъ. Зернышки выпали изъ плода, пустили въ землю корешки, а надъ землею стали показываться молодые ростки. Корешки уходили всё глубже и глубже въ землю, они высасывали изъ ней дождевую влагу, и, вмѣстѣ съ водою, вбирали въ себя разныя частички земли, а наверху молодые листочки глотали солнечный свѣтъ и воздухъ. Отъ всего этого растеньице росло, корни становились длиннѣе и толще, листья больше; выросъ крѣпкій, но гибкій и тонкій стволъ, который съ каждымъ годомъ становился толще и выше.

Много, много лѣтъ спусти, когда клѣнъ выросъ и разросся въ большое и старое дерево, въ лѣсъ пришёл дровосѣкъ; они увидали прямой и широкій клѣнъ, срубили его и вмѣстѣ съ другими срубленными деревьями отправили въ городъ. Тамъ купилъ его столяръ и изъ прекраснаго, благаго дерева сдѣлалъ разныя вещи: шкатулки, пеналы для перьевъ и многое другое.

Изъ другою зернышка тоже выросло большое дерево. Оно и теперь еще въ лѣсѣ. Въ его густой листвѣ зябликъ свилъ себѣ изъ прутьевъ гнѣздо; лѣсныя птички по дорогѣ отдыхаютъ на нёмъ, а проводная *вѣшка* покачивается на его вѣтвяхъ.

56. Наши лѣсные звѣри.

Въ лѣсахъ водится много самыхъ разнообразныхъ звѣрей: сѣрые волки, хитрая лисица, кровожадные рыси, неуклюжіе медвѣди, красивые лоси, колючіе ежи, хорьки и многіе другіе звѣри.

Волкъ и лисица родственники нашей собаки. Волкъ неповоротливъ и трусливъ, но золь и жаденъ; на человѣка онъ нападаетъ рѣдко, но зато, забравшись въ стадо, дѣшитъ множество овецъ, хоть ни съѣсть и одной.

Зимю голодные волки бродятъ стадами около деревень, забираются въ овчарни и на дворы, таскаютъ даже дворовыхъ собакъ; въ это время они такъ голодны, что не боятся иногда нападать и на человѣка.

Лисица смѣла, проворна и очень хитра; она иногда среди бѣлаго дня похищаетъ куръ и гусей. Люди истребляютъ волковъ, оберегая свой стада, а за лисицами охотятся ради ихъ красивой и теплой шкуры, которая идетъ на шубы. Впрочемъ, шубы шьютъ и на волчьемъ мѣху, но этотъ мѣхъ не такъ красивъ, мягокъ и тепелъ, какъ лисій.

Самый большой и опасный изъ нашихъ лѣсныхъ звѣрей—*бурый медвѣдь*. Медвѣдь скоро бѣгаетъ и ловко лазитъ по деревьямъ, а потому охота за нимъ опасна. На холодное зимнее время онъ ложится въ берлогу, гдѣ-нибудь въ лѣсной чащѣ, и засыпаетъ тамъ до весны; медвѣдь—*зимоспящее* животное. Медвѣжій мѣхъ очень тепелъ и довольно дорогъ, а потому охотники, несмотря на опасность, нерѣдко ходятъ на медвѣдя одинъ-на-одинъ, съ рогатиной въ рукахъ и съ ружьемъ за плечами.

Къ числу зимоспящихъ лѣсныхъ звѣрей принадлежитъ также всѣмъ извѣстный *ежъ*. Вся кожа этого небольшого звѣрька покрыта колючими иглами, которыми онъ, свернувшись въ клубокъ, защищается отъ нападающихъ на него враговъ. Но хитрая лисица умѣетъ справиться съ неприступнымъ ежомъ: плутовка играетъ со свернувшимся звѣрькомъ до тѣхъ поръ, пока онъ не устанетъ и не развернется. Ежъ питается преимущественно жуками и другими насекомыми, — онъ *наско-мойное* животное; кромѣ того, онъ охотится на опасныхъ для насъ гадюкъ и на вредныхъ мышей, для истребленія которыхъ его иногда держатъ въ домахъ и амбарахъ. Вотъ почему *ежъ* принадлежитъ къ числу полезныхъ животныхъ.

Но въ нашихъ лѣсахъ водятся и такіе небольшіе звѣри, которые причиняютъ вредъ. Таковы *грызуны*, у которыхъ передніе зубы замѣчательны тѣмъ, что они постоянно стираются и опять нарастаютъ; эти зубы служатъ имъ для того, чтобы грызть кору и молодые побѣги деревьевъ, зерна и т. п. Къ грызунамъ принадлежитъ длинноухій и длинноусый *заяцъ*, который славится быстрымъ бѣгомъ и трусостью. Заяцъ питается корью деревьевъ, молодыми овсами, капустой и другими овощами; зайцы забѣгаютъ изъ лѣсу въ поля, въ сады, въ огороды, портятъ хлѣба, овощи, плоды деревьевъ. Мясо зайца очень вкусно, а мѣхъ его тепелъ и употребляется на зимнее платье.—Въ нашихъ хвойныхъ лѣсахъ живетъ и рѣзвая, чистоплотная, смышленная *бѣлка* съ длиннымъ пушистымъ хвостомъ; она тоже маленькій грызунъ, но грызунъ безвредный для человѣка.

Бѣлка устраиваетъ себѣ норку въ дуплѣ дерева или между корнями, питается лѣсными плодами, почками, съянками, также корой деревьевъ. Бѣличьи шкурки идутъ на теплое платье, и охота за бѣлками составляетъ важный промыселъ на сѣверѣ Россіи, гдѣ много хвойныхъ лѣсовъ.

Бѣлка. Рысь.
Рабчикъ. Лисица.

Косачъ.
Дятель.
Лось. Ищерица.

Сова.
Медвѣдь.
Хорекъ. Ежъ. Гадюка.

Кукушка.
Глухарь.
Волкъ.
Муравьиная куча.

Блестъ.

57. Заяцъ.

Заяцъ самое робкое и беззащитное творенье. Трусость видна во всѣхъ торопливыхъ его движеніяхъ и утверждена русскою пословицей: „трусливъ, какъ заяцъ“. Миѣ самому случалось видѣть, какъ онъ дрожитъ, сидя въ своёмъ логовѣ, слыша какой-нибудь приближающійся шумъ и готовясь векочить каждую минуту. Онъ по справедливости боится и звѣря, и птицы, и только ночью или по утреннимъ и вечернимъ зорямъ выходитъ изъ своего дневнаго убѣжища. Ночь для него совершенно замѣняетъ день; въ продолженіе ея онъ бѣгаетъ, ѣсть, рѣзвится. Съ разсвѣтомъ онъ выбираетъ укромное мѣстечко, ложится и, съ открытыми глазами, по особенному устройству своихъ короткихъ вѣкъ, чётко дремлетъ до вечера, протянувъ по спинѣ длинныя уши и безпрестанно моргая своєю мордочкой, опущенною рѣдкими, но довольно длинными, бѣлыми усами. Въ долги осеннія и зимнія ночи заяцъ не ходитъ, особенно по открытымъ полямъ и горамъ, нѣсколько вѣреть, что извѣдалъ на опытъ каждый охотникъ, отыскивавшій русаквъ по слѣдамъ.

Зайцевъ истребляютъ всѣ, кто можетъ: волки, лисы, дворяныя или лягавыя собаки, которыя сами собою ходятъ охотиться за ними въ лѣсъ, даже горностан и ласки. Но кромѣ враговъ, бѣгающихъ по землѣ и отыскивающихъ чутьёмъ свою добычу, такіе же враги летаютъ по воздуху: орлы, беркуты, большіе ястреба готовы напасть на зайца, какъ скоро почему-нибудь онъ бываетъ принуждёнъ оставить днёмъ своё потаённое убѣжище, своё логово. Если же это логово выбрано неудачно, не довольно закрыто травой или степнымъ кустарникомъ, то непременно и тамъ увидитъ его зоркій до невѣроятности чёрный беркутъ (стенной орёлъ), огромнѣйшая и сильнѣйшая изъ всѣхъ хищныхъ птицъ,— увидитъ, и, занумѣвъ какъ буря, упадѣтъ на бѣднаго зайца внезапно изъ облаковъ, унесѣтъ въ длинныхъ и острыхъ когтяхъ своихъ на далёкое разстояніе и, опустясь на удобномъ мѣстѣ, съѣстъ почти всего, съ шерстью и мелкими костями.

Мало этого, даже ночью сторожатъ зайцевъ на мирныхъ гулянкахъ большіе совы и филины. Они ловятъ зайцевъ слѣдующимъ образомъ: подстерегаютъ ихъ на тронахъ; одной ногой сова вкогтится въ зайца, другою ухватится за вѣтку куста или дерева и такимъ образомъ держитъ его до тѣхъ поръ, пока онъ не выбьется изъ силъ; тогда сова вкогтится въ него и другою лапой, и окончателно задунитъ.

Самый сильнѣйшій истребитель заячьихъ породъ — человекъ; ружьё — ещё самое слабое оружіе къ ихъ истребленію: борзьяя собака, тенета, т. е. заячьи сѣти, капканы — вотъ кто губитъ ихъ тысячами.

58. Храбрый ежъ.

У опушки лѣса, по кособору, между кустами, густо растѣтъ земляника. Какъ обрадовались дѣти, отыскавъ это богатое мѣстечко! Они набрали полныя горсти ягодъ. Солнце уже сѣло, а они успѣли обобрать только нижнюю часть кособора. „Мы завтра опять придѣмъ сюда“, весело толковали дѣти: „тогда ужъ взберѣмся повыше и выберемъ всѣ ягоды“!... Но тамъ, наверху, живѣтъ ядовитая змѣя — гадюка. Хотя её и легко узнать по тёмной полоскѣ, которая проходитъ углами вдоль всей спины животнаго, но дѣти могутъ не замѣтить змѣи и подойти къ ней слишкомъ близко, а отъ укушенія гадюки можно умереть. Кто защититъ дѣтей?

Подъ кустомъ побѣговъ дуба, въ древесномъ шнѣ есть дупло. Оно устлано мхомъ и сухой травой. Это постель ежа. Тутъ спитъ онъ весь день, свернувшись въ клубочекъ; онъ поворачивается съ боку на бокъ, и каждый разъ пучочки мху, сухіе листья и стебли пацѣпляются на его торчащія иглы. Вечеромъ, когда дѣти идутъ домой, чтобы лечь спать, онъ просыпается, потягивается и позѣвываетъ. Вотъ онъ вышелъ. Какой онъ странный! Его маленькая головка съ длиннымъ рыльцемъ любопытно и добродушно выглядываетъ среди тысячи острыхъ иглъ, которыя торчатъ во все стороны на его кругломъ тѣлѣ. На иглахъ висятъ еще сухіе листья и стебельки. Въ такомъ видѣ онъ похожъ на живой пучокъ травъ.

Мѣсяцъ свѣтитъ сквозь темную листву деревьевъ; птицы спятъ. Какъ-то особенно мрачно въ лѣсу; но ежъ не труситъ. Вотъ, мимо него проходитъ куница, пролетаетъ сова;—но онъ не трогаетъ ежа: онъ видитъ его острия иглы. Возлѣ лѣса находится крестьянскій садъ; ежъ пробирается туда и ищетъ, не упала ли съ дерева спѣлая ранняя груша или яблоко. Онъ не нашёлъ ничего и съ голоднымъ желудкомъ возвращается назадъ. Вотъ, проходя мимо одного куста, онъ вдругъ останавливается: особый запахъ обратилъ на себя его вниманіе. На кустѣ сидятъ зелёные жуки,—шпанскія мухи. Если человекъ раздавитъ такого жука рукой, то на ней въ скоромъ времени вздуваются мучительные пузыри,—такъ фдокъ сокъ этихъ жукдовъ. Если бы человекъ или животное наѣлись шпанскихъ мухъ, то они во всемъ тѣлѣ своёмъ почувствовали бы вскорѣ жгучую боль и умерли бы въ ужасныхъ мучахъ. А ежъ ѣсть шпанскихъ мухъ безъ всякаго вреда для себя.

Начинаетъ свѣтать. Ежъ бѣжитъ назадъ въ лѣсъ. Онъ еще голоденъ; ему не посчастливилось поймать даже мышёнка. Вотъ онъ стоитъ на косогорѣ, покрытомъ земляничкой. Онъ чуетъ ядовитую змѣю, котрала, свернувшись, запряталась во мху отъ ночного холода. Крутой, почти отвѣсній скатъ отдѣляетъ ежа отъ змѣи. Смѣлый ежъ, не долго думая, свѣртывается въ клубочекъ и скатывается внизъ. Если бы человекъ вздумалъ повторить подвѣлку ежа, то сильно расшибся бы. Но твердыя и упругія иглы предохраняютъ ежа отъ ушибовъ. Вотъ, онъ внизу развернулся и подходит къ гадюкѣ. Она замѣтила его приближеніе, повернулась къ нему передней частью своего тѣла и живо пошевеливаетъ языкомъ. Ея маленькіе глаза пылаютъ отъ злости. Ежъ подходит и быстро бросается на гадюку. Змѣя извивается то туда, то сюда, и вонзаетъ свой ядовитые зубы ежу и въ губы, и въ ноги. Всякое другое животное умерло бы отъ этихъ ядовитыхъ укушеній; но для ежа они безвредны. Онъ схватываетъ гадюку своими острыми зубами и загрызаетъ её до смерти. Наѣвшись, медленно идётъ онъ въ свою норку, чтобы отдохнуть послѣ гердѣйскаго подвига.

Высоко поднялось на синемъ небѣ солнце; роса съ травы уже исчезла. Пришли, наконецъ, съ пустыми корзиночками дѣти, чтобы обобрать остальные ягоды. Они и не подозрѣваютъ, отъ какой смертельной опасности избавилъ ихъ ежъ!

59. Волки.

1. Въ темной и глухой лѣсенной чащѣ, куда рѣдко заходили люди, жило много волковъ. Лѣтомъ они бродили все врознь и въ это время боялись людей, потому что съ однимъ волкомъ человеку не трудно справиться. Зато зимою они собирались въ стаи и были очень смѣлы: нападали на проходжихъ и проезжихъ, даже забѣгали въ деревни и таскали телятъ, жеребятъ, овецъ, собакъ. Случалось, что они уносили и

маленькихъ дѣтей. Но всё-таки зимою волкамъ много приходилось терпѣть отъ голоду и разныхъ болѣзней; иногда они такъ громко вѣли съ голоду, что даже издали было страшно слышать.

Много бѣдъ надѣлали волки за зиму, и крестьяне съ нетерпѣниемъ ожидали лѣта. Пришла весна. Лѣсные звѣри повывѣзли изъ своихъ зимнихъ норъ, птицы вернулись изъ тёплыхъ странъ и принялись вить гнѣзда. У волковъ стало опять много поживы, и они разбрелись въ разные стороны по всему лѣсу. Они не только не ходили теперь на грабёжъ въ деревню, но даже убѣгали со всѣхъ ногъ, какъ только издали завидятъ человѣка. У волчицъ было въ это время своё дѣло; инныя отыскивали старыя норы, другія рыли новыя и таскали туда траву и мохъ: онѣ готовили тёплыя и мягкія постельки для своихъ дѣтокъ. Волки нисколько имъ не помогали и думали только о томъ, какъ бы получше наѣсться. Когда норы были готовы, у каждой волчицы родилось нѣсколько маленькихъ слѣпыхъ волчатъ. Матери съ любовью ухаживали за своими дѣтками, кормили ихъ молокомъ и оставались съ ними цѣлые дни. Онѣ старательно стерегли своихъ дѣтей—и отъ людей, и отъ дикихъ звѣрей.

2. Одна молодая волчица также вырыла себѣ нору и жила въ ней со своими волчатами. Въ первое время, когда они были ещё слѣпы, она боялась оставлять ихъ однихъ и рѣдко выходила изъ норы, чтобы достать себѣ чего-нибудь поѣсть. Но когда глазъ у волчатъ открылись и сами они немного подросли, имъ стало мало одного материнскаго молока, и мать поневолѣ должна была уходить подальше за кормомъ. Ловила она маленькихъ зайцевъ, бѣлокъ, мышей: принесётъ ихъ въ нору и сначала вѣучитъ волчатъ сдирать шкурки съ этихъ звѣрьковъ, а потомъ накормитъ ихъ свѣжимъ мясомъ.

Разъ волчица ушла за добычею и пропала довольно долго. Волчата соскучились сидѣть въ тёмной норѣ и вѣлзли поиграть и погрѣться на солнцѣ. Въ это время проходили мимо два крестьянскіе мальчика, которые въ лѣсу собирали грибы и ягоды. Они подошли къ волчатамъ, разглядывали ихъ и ласкали; маленькіе волки были очень похожи на щенятъ; мальчики взяли одного изъ нихъ на руки и убѣждали съ нимъ домой. Черезъ нѣсколько времени волчица вернулась и принесла съ собою на обѣдъ ягнёнка: ей удалось утащить его изъ стада, когда пастухъ и собаки спали послѣ обѣда. Волчата весело выбѣжали навстрѣчу матери; волчица взглянула на нихъ и тотчасъ замѣтила, что одного недостаётъ. Она бросила ягнёнка на землю, проворно спустилась въ нору, обшарила въ ней всѣ углы, потомъ принялась искать своё дитя въ травѣ, въ кустахъ,— всё напрасно: волчѣнка нигдѣ не было. Бѣдная мать завѣла съ горя. Накормивъ волчатъ, она загнала ихъ въ нору и убѣждала отыскивать себѣ новый домъ. Скоро удалось ей найти пустую лѣсную нору. Волчица вернулась домой, осторожно взяла зубами за шиворотъ одного волчѣнка и отнесла его въ новое жилище, потомъ вернулась за другимъ, послѣ за третьимъ, и наконецъ, за четвертымъ. Къ вечеру волчица перебралась со всѣмъ семействомъ въ новое жилище. Правда, что она очень устала, но зато у ней было спокойно на сердцѣ: теперь тотъ, кто унёсъ ей волчѣнку, не знаетъ, гдѣ она живётъ. Она прожила здѣсь съ дѣтми всё лѣто и всю осень, а къ зимѣ волчата выросли. Когда старыя волки стали собираться въ стаи, волчица привела къ нимъ своихъ волчатъ; старинныя ласково приняли молодыхъ и постоянно брали съ собою на охоту.

3. А тотъ волчѣнокъ, котораго унесли мальчики, жилъ сначала на дворѣ у ихъ отца. Но волчѣнка надо было кормить мясомъ, а мясо дорого. Крестьянинъ про-

Г. ВОДА И ВОЗДУХЪ.

61. Вода и воздухъ.

1. Мы всё пьемъ воду и дышимъ воздухомъ; безъ воды и воздуха мы не могли бы жить, а потому гдѣ живутъ люди — тамъ навѣрно есть вода и воздухъ. Однако на землѣ есть такія мѣста, гдѣ воды совсѣмъ нѣтъ, но никто никогда ещё не встрѣчалъ такого мѣста, гдѣ бы не было воздуха: онъ находится повсюду въ водѣ и на землѣ, онъ покрываетъ землю, долины и горы.

Многіе жители большихъ городовъ на лѣто уѣзжаютъ въ деревню; для чего? Чтобы подышать хорошимъ, свѣжимъ *воздухомъ*. Въ деревнѣ, среди полей, луговъ и лѣсовъ, воздухъ лучше, нежели на улицахъ большого города. Въ домахъ люди отворяютъ двери, окна, фѣрочки, особенно послѣ того, какъ въ комнатахъ было много народа; для чего? Чтобы освѣжить воздухъ. Отъ многолюдства въ комнатахъ воздухъ портится и дѣлается вреднымъ для дыханія. Чистый воздухъ, подобно чистой водѣ, имѣетъ важное значеніе въ жизни человѣка.

2. Вода имѣетъ свойство растворять или распускать въ себѣ соль, сахаръ, глину и проч. Протекая въ рѣкахъ, озерахъ, пробираясь внутри земли или собираясь въ колодцахъ, вода соприкасается съ различными тѣлами и нѣкоторыя изъ нихъ растворяетъ или распускаетъ и при этомъ уноситъ съ собою; а потому въ природѣ совершенно чистой воды нѣтъ, но дождевая и снѣговая вода чище, чѣмъ вода рѣчная, прудовая.

Вода морская имѣетъ горькосолёный вкусъ и для питья не годна. Вода нѣкоторыхъ прудовъ изобилуетъ остатками растеній и животныхъ; такая вода скоро, какъ говорятъ, загниваетъ и становится вредною для питья. Но это гниётъ не вода, а находящіяся въ ней частицы растеній и животныхъ; чистая же вода вездѣ одна и та же и не можетъ гнить и портиться; она очень прозрачна, не имѣетъ ни опредѣлённаго цвѣта, ни запаха, ни вкуса.

3. Вода не всегда остаётся въ жидкомъ видѣ; на морозѣ она превращается въ лёдъ, а въ горшкѣ во время кипѣнія — въ паръ. Налейте воды въ горшокъ и начинте кипятить её, вы увидите, что вода мало-по-малу вся выкипитъ. Куда же она дѣлась? Она не пропала, а превратилась въ паръ и находится въ воздухѣ; стоить только поддержать надъ горшкомъ, изъ котораго идётъ паръ, холодное блюдечко, и скоро появятся на блюдечкѣ капли воды. Откуда же взялись эти капли? Это тѣ самые пары воды, которые вышли изъ горшка: прикоснувшись къ холодному блюдечку, они остыли, сгустились и снова превратились въ воду. Когда въ комнатѣ кипитъ самоваръ, то окна потѣютъ; это происходитъ оттого, что паръ, идущій отъ самовара, достигаетъ оконъ, тамъ охлаждается и превращается въ мелкія капли.

Пары поднимаются не только отъ горячей, но и отъ холодной воды. Возьмите, на примѣръ, тряпку, намочите её въ холодной водѣ и повѣсьте въ холодной же комнатѣ; черезъ нѣсколько времени вы увидите, что тряпка высохла, т. е. вода изъ нея испарилась, хотя пару вы и не видали. Итакъ, вода постоянно испаряется, а потому въ воздухѣ всегда есть пары воды, но мы ихъ не видимъ, какъ не видимъ и самаго воздуха.

62. Жизнь въ прудѣ и около пруда.

Запруженная рѣчка образовала обширный прудъ. Воды его, словно вѣнкомъ, окаймлены деревьями, кустарникомъ и высокою травюю. Въ нѣкихъ мѣстахъ берегъ такъ густо заросъ ольхою и ракитникомъ, что трудно пробраться сквозь ихъ живую стѣну. А мѣстами плакучія ивы и березы свѣшиваютъ свои вѣтки надъ водою. Въ самой водѣ, у береговъ, поднимается тростникъ съ чернымъ султаномъ и камышъ съ кистями цвѣтовъ. Между камышомъ, поклясь на широкыхъ плавучихъ листьяхъ, прячутся большіе цвѣты кувшинокъ. Кое гдѣ робко выглядываютъ изъ воды верхушки красивыхъ травъ, а въ самыхъ тихихъ, укромныхъ мѣстахъ крошечная плавучая рѣска заткала, какъ ковромъ, всю поверхность воды.

Хорошо на прудѣ въ ясное лѣтнее утро. Лѣгкій вѣтерокъ тихо шелеститъ листьями деревьевъ и рябитъ поверхность воды. Солнечные лучи сверкаютъ яркими искорками въ водѣ. Все радуется хорошему утру; повсюду жизнь и движеніе. Надъ водою порхаютъ пестрыя бабочки, летаютъ красивыя стрекозы, золотистыя мухи. Изрѣдка пронесется ласточка и полакомится комаромъ или какою-нибудь букашкою. Въ кустахъ заливаются итички, а на лугу трещатъ кузнечики. Бѣлый лебедь, красиво согнувъ длинную шею, гордо плыветъ вдоль пруда. Цѣлое стадо утокъ подлетаетъ въ водѣ, огыскивая добычу. Гуси, тяжело переваливаясь, щиплютъ на берегу мягкую, влажную траву.

И въ водѣ не меньше движенія. Малая рыба цѣлыми стаями играетъ и рѣвятся на солнцѣ; крупныя окуни, карпы, лещи и караси гуляютъ между водяными растеніями. Жадная щука быстро преслѣдуетъ неосторожную плотву. Тысячи водныхъ насекомыхъ и личинокъ двигаются по разнымъ направленіямъ. Хищный жукъ-плавунецъ, перебирая ногами, несется въ водѣ и съ жадностью ловитъ добычу. Конецкія пиявки извиваются змѣйками, а улитки ползаютъ по стеблямъ и листьямъ подводныхъ растеній.

63. У ж е н ь е.

Какъ только напались мы чаю, я сталъ просить отца, чтобъ онъ показалъ мнѣ уженье. Наконецъ мы пошли, и Евсеичъ съ нами. Онъ уже вырубилъ нѣсколько вязовыхъ удилицъ; поплавокъ сдѣлалъ изъ толстаго, зеленаго камыша; привязали лесы и стали удить съ плотъ. Евсеичъ приготовилъ мнѣ самое легонькое удилице и навязалъ тонкую лесу съ маленькимъ крючкомъ. Онъ насадилъ на крючокъ крошечный кусочекъ мятаго хлѣба, закинулъ удочку и далъ мнѣ удилице въ правую руку, а за лѣвую крѣпко держалъ меня отецъ; въ ту же минуту поплавокъ привсталъ и погрузился въ воду. Евсеичъ закричалъ: „Тащи! тащи!“ И я съ большимъ трудомъ вытащилъ порядочную плотичку. Я весь дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ, и совершенно не помнилъ себя отъ радости; я схватилъ свою добычу обѣими руками и побѣждалъ показать её матери.

64. Р ы б ы.

Ни одинъ, отъ стараго до малаго, не пройдетъ мимо рѣки или пруда, не поглядѣвъ, какъ гуляетъ вольная рыба.

Не всѣ породы рыбъ могутъ жить въ одной и той же водѣ: для однихъ нужна чистая, быстрая и холодная вода, для другихъ болѣе теплая, тихая и даже стоячая, имѣющая дно иловатое и тинистое.

Весною, при наступленіи водопоя, какъ скоро вода сдѣлается мутна, рѣки начнутъ прибывать и подыматься, рыба также подымается къверху и идетъ противъ

далъ своего звѣря богатому барину. Баринъ помѣстилъ волчѣнка въ сарайъ, кормилъ его мясомъ и приводилъ играть къ нему не только собакъ, но даже своихъ собственныхъ дѣтей. Волчѣнокъ сдѣлался совершенно ручнымъ, привязался ко всемъ домашнимъ, ласкался къ нимъ, какъ собака, ѣлъ у нихъ прямо изъ рукъ и бѣгалъ на свободѣ по двору и по саду. Онъ прожилъ три года у своего хозяина и былъ все это время очень смиренъ. Но послѣ того волкъ началъ дѣлаться все сердитѣе, отгрызался на собакъ и даже на людей. Наконецъ онъ сдѣлался до того золъ, что бросился однажды на проходившаго по двору мужика и укусилъ его въ ногу. Хозяинъ посадилъ волка на цѣпь; волкъ сдѣлался еще злѣе и вылъ съ утра до ночи; все его боялись, и никто не смѣлъ близко подходить къ нему. Однажды волкъ сорвался съ цѣпи, выбѣжалъ на улицу и искусалъ нѣсколько проходившихъ. Его догнали и застрѣлили, а изъ шкуры сдѣлали теплую шубу.

60. Лисицы.

1. Въ лѣсу, между толстыми корнями стараго дуба, была вырыта въ землѣ большая и глубокая нора; изъ норы шли подъ землю въ разныя стороны узкіе ходы съ выходами наружу. Видно было, что эту нору вырыли какіе-то умные и хитрые звѣри; они нарочно понадѣлали въ ней столько выходовъ, чтобы имъ легче было убѣжать въ случаѣ бѣды. Это были двѣ лисицы, отецъ и мать: они жили здѣсь со своими шестью дѣтками. Лисята были еще очень малы и слѣпы. Мать ухаживала за ними, кормила ихъ молокомъ и не отходила отъ нихъ ни на минуту: ей и не за чѣмъ было оставлять ихъ, потому что за кормомъ отправлялся отецъ и приносилъ ей всякой всячины: рыбе, птице, зайцевъ, кроликовъ, мышей, лягушекъ, червяковъ и жукѣвъ.

Лисята понемногу росли, и у нихъ открылись наконецъ глаза. Отецъ только этого и дожидался; съ этихъ поръ онъ сталъ гораздо рѣже прежняго появляться въ норѣ, такъ что матери все чаще и чаще приходилось самой отправляться за кормомъ; наконецъ онъ совсемъ бросилъ свое семейство и ушелъ жить въ лѣсъ. Плохо пришлось нашей бѣдной лисѣ; и самой вѣтъ хочется, да и дѣтки повзросли, одного материнскаго молока имъ мало, пора за мясо приниматься; добывать его сами они еще не умѣютъ, — значить, за добычею должна ходить мать. Но какъ оставить ихъ однихъ? Впрочемъ, не умирать же имъ съ голоду, — надо рѣшиться.

2. Однажды лиса высунула изъ норы свою острую мордочку, посмотрѣла вокругъ своими умными глазками, нѣтъ ли по близости людей или большихъ звѣрей; потомъ потихоньку вылезла изъ норы и побѣжала на своихъ короткихъ и тонкихъ ножкахъ, волоча за собою длинный, пушистый хвостъ. Вотъ она увидѣла на кустѣ орѣшника птичку; она остановилась, легла на землю и осторожно поползла на животъ. Птичка открыла носикъ и зацѣла, а лиса подкрадывалась къ ней все ближе и ближе, да такъ осторожно, что птичка ее совсемъ не замѣчала. Спихватилась она лишь тогда, когда лиса подскочила къ ней однимъ прыжкомъ и схватила ее зубами за хвостъ. Лиса притащила бѣднуюжку къ себѣ въ нору, сначала научила своихъ дѣтей ощипывать птичьи перья, а потомъ разорвала птичку на куски и накормила ею лисятъ. Затѣмъ она снова побѣжала въ лѣсъ, наловила мышей и притащила ихъ въ нору. Мыши были еще живы, но лисица такъ придумала ихъ, что они едва дышали и убѣжать не могли, и она стала учить надъ ними своихъ дѣтей, какъ ловить добычу. Лисята проворно кидались на мышей, схватывали ихъ лапами и катили какъ мячикъ; только что мышка шевельнется, чтобы уйти, какъ лисята бросались на нее однимъ скачкомъ и крѣпко хватили ее

зубами. Много натерпѣлись бѣдные звѣрьки, пока лиса позволила наконецъ лисятѣмъ съѣсть ихъ.

3. Каждый день мать выводила своихъ дѣтей изъ норы поиграть и погрѣться на солнцѣ и приучала ихъ ловить разныхъ маленькихъ животныхъ. Однажды она отправилась къ пруду, въ которомъ жили дикія утки, и вытащила изъ одного гнѣзда тройхъ утятъ; она собиралась уже бѣжать съ ними домой, какъ вдругъ надъ самымъ ухомъ у ней раздался выстрѣлъ, и она увидѣла недалекѣ отъ себя охотника съ собакой. Лиса пустилась бѣжать со всѣхъ ногъ, но собака замѣтила ее и погналась за нею; лиса летѣла какъ стрѣла, сердце у ней сильно билось, и она каждую минуту ожидала, что вотъ-вотъ собака схватитъ ее зубами за шиворотъ. Наконецъ, вотъ и нора: лиса въ два прыжка очутилась у входа и проворно юркнула въ него; собака бросилась-было за нею, но входъ былъ узокъ. Собака громко лаяла, стоя у норы; охотникъ подошелъ къ ней и внимательно осмотрѣлся кругомъ, чтобы запомнить и замѣтить это мѣсто.

На другой день лиса опять ушла за добычею, а дѣтей оставила однихъ. На этотъ разъ ей удался стянуть большаго окуня изъ невода, котораго рыбаки вытаскивали на берегъ изъ воды. Весело она бѣжала домой съ рыбой въ зубахъ, но вдругъ въ испугѣ остановилась. Что жъ она увидѣла? Всѣ ея лисята повѣлѣзли изъ норы и весело играютъ на травѣ, а близехонько отъ нихъ стоитъ за кустомъ охотникъ и прицѣливается. Что дѣлать лисѣ? И самой не хочется быть убитой, и дѣтей жаль: побѣги она къ нимъ—охотникъ непременно ее убьетъ. Не успѣла она опомниться отъ испуга, какъ раздался выстрѣлъ,—и зарядъ попалъ въ одного изъ ея дѣтей. Всѣ лисята съ визгомъ и лаемъ бросились въ нору, и лиса юркнула туда же: охотникъ не успѣлъ зарядить ружья, а собака не успѣла схватить ее. Охотникъ съ досадою ушелъ домой.

Съ этихъ поръ лиса стала осторожнѣе прежняго; хотѣла она было перебраться въ другую нору, чтобы уйти подальше отъ охотника, но дѣти ея уже слишкомъ выросли, и у нея не хватило бы силъ перетаскать ихъ далекѣ.

4. Лѣто прошло, наступила осень, и начался безпрестанный дождь и холодъ. Въ лѣсу птицъ и маленькихъ звѣрей стало меньше; птицы улетѣли, а звѣри попрятались въ свои теплыя норки,—и нашей лисѣ часто приходилось голодать вмѣстѣ съ лисятами. Разъ она цѣлый день ничего не ѣла, кромѣ яблочъ, которыхъ натаскала изъ чего-то сада, и отправилась передъ вечеромъ за добычей. Возлѣ рѣки паслось стадо; хотѣла она было стащить ягнѣнка, да раздумала,—ей однажды сильно за это досталось: овцы и бараны чуть не затоптали ее до смерти. Лучше отправиться въ деревню и стянуть тамъ пѣтуха или курицу: авось никто не замѣтитъ. Лиса побѣжала. Вдругъ почувала она какой-то превкусный запахъ. Лиса остановилась, стала внимательно нюхать воздухъ и увидѣла на вѣткѣ дерева большаго кусокъ мяса. Лиса поняла, что тутъ дѣло не ладно: съ какой стати мясо висѣтъ въ лѣсу? Но ѣсть ей ужасно хотѣлось, а до деревни было далекѣ. Долго ходила она вокругъ дерева, поглядывая на заманчивый кусокъ; наконецъ—не вытерпѣла, прыгнула вверхъ, чтобы схватить его, и попала лапой въ ловушку. Стала лиса метаться во всѣ стороны, чтобы вырваться, но какъ-то крѣпко держалъ ее за лапу.

А лисята долго дожидались матери и жалобно выли; проголодавшись за ночь, они отправились сами добывать себѣ корму. Недолго прожили бѣдные дѣти безъ матери: хитрить такъ ловко, какъ она, они еще не выучились. Не прошло и недѣли, какъ всѣ они погибли: одни умерли съ голоду и холоду, другіе попались въ лапы волкамъ, а послѣдняго застрѣлил охотникъ и продалъ его мѣхъ скорняку на шубу.

Г. ВОДА И ВОЗДУХЪ.

61. Вода и воздухъ.

1. Мы всё пьёмъ воду и дышимъ воздухомъ; безъ воды и воздуха мы не могли бы жить, а потому гдѣ живутъ люди — тамъ навѣрно есть вода и воздухъ. Однако на землѣ есть такія мѣста, гдѣ воды совсѣмъ нѣтъ, но никто никогда ещё не встрѣчалъ такого мѣста, гдѣ бы не было воздуха: онъ находится повсюду въ водѣ и на землѣ, онъ покрываетъ землю, долины и горы.

Многіе жители большихъ городовъ на лѣто уѣзжаютъ въ деревню; для чего? Чтобы подышать хорошимъ, свѣжимъ *воздухомъ*. Въ деревнѣ, среди полей, луговъ и лѣсовъ, воздухъ лучше, нежели на улицахъ большого города. Въ домахъ люди открываютъ двери, окна, форточки, особенно послѣ того, какъ въ комнатахъ было много народа; для чего? Чтобы освѣжить воздухъ. Отъ многолюдства въ комнатахъ воздухъ портится и дѣлается вреднымъ для дыханія. Чистый воздухъ, подобно чистой водѣ, имѣетъ важное значеніе въ жизни человека.

2. Вода имѣетъ свойство растворять или распускать въ себѣ соль, сахаръ, глину и проч. Протекая въ рѣкахъ, озерахъ, пробираясь внутри земли или собираясь въ колодцахъ, вода соприкасается съ различными тѣлами и нѣкоторыя изъ нихъ растворяетъ или распускаетъ и при этомъ уноситъ съ собою; а потому въ природѣ совершенно чистой воды нѣтъ, но дождевая и снѣговая вода чище, чѣмъ вода рѣчная, прудовая.

Вода морская имѣетъ горькосолёный вкусъ и для питья не годна. Вода нѣкоторыхъ прудовъ изобилуетъ остатками растеній и животныхъ; такая вода скоро, какъ говорятъ, загниваетъ и становится вредною для питья. Но это гниётъ не вода, а находящіяся въ ней частицы растеній и животныхъ; чистая же вода вездѣ одна и та же и не можетъ гнить и портиться; она очень прозрачна, не имѣетъ ни опредѣлённаго цвѣта, ни запаха, ни вкуса.

3. Вода не всегда остаётся въ жидкомъ видѣ; на морозѣ она превращается въ лёдъ, а въ горшкѣ во время кипѣнія — въ паръ. Налейте воды въ горшокъ и начните кипятить её, вы увидите, что вода мало-по-малу вся выкипитъ. Куда же она дѣлась? Она не пропала, а превратилась въ паръ и находится въ воздухѣ; стоитъ только поддержать надъ горшкомъ, изъ котораго идётъ паръ, холодное блюдечко, и скоро пойвятся на блюдечкѣ капли воды. Откуда же взялись эти капли? Это тѣ самые пары воды, которые вышли изъ горшка: прикоснувшись къ холодному блюдечку, они остыли, сгустились и снова превратились въ воду. Когда въ комнатѣ кипитъ самоваръ, то окна потѣютъ; это происходитъ оттого, что паръ, идущій отъ самовара, достигаетъ оконъ, тамъ охлаждается и превращается въ мелкія капли.

Пары поднимаются не только отъ горячей, но и отъ холодной воды. Возьмите, на примѣръ, тряпку, намочите её въ холодной водѣ и повѣсьте въ холодной же комнатѣ; черезъ нѣсколько времени вы увидите, что тряпка высохла, т. е. вода изъ ней испарилась, хотя пару вы и не видали. Итакъ, вода постоянно испаряется, а потому въ воздухѣ всегда есть пары воды, но мы ихъ не видимъ, какъ не видимъ и самаго воздуха.

62. Жизнь въ прудѣ и около пруда.

Запруженная рѣчка образовала обширный прудъ. Воды еѣ, словно вѣнкомъ, окаймлены деревьями, кустарникомъ и высокой травой. Въ иныхъ мѣстахъ берегъ такъ густо заросъ ольхою и раkitникомъ, что трудно пробраться сквозь ихъ живую стѣну. А мѣстами плакучія ивы и берёзы свѣшиваютъ свои вѣтки надъ водою. Въ самой водѣ, у береговъ, поднимается тростникъ съ чёрнымъ султаномъ и камышъ съ кистями цвѣтовъ. Между камышомъ, покосъ на широкихъ плавучихъ листьяхъ, прячутся большіе цвѣты кувшинокъ. Кое гдѣ робко выглядываютъ изъ воды верхушки красивыхъ травъ, а въ самыхъ тихихъ, укромныхъ мѣстахъ крошечная плавучая ряска заткала, какъ ковромъ, всю поверхность воды.

Хорошо на прудѣ въ ясное лѣтнее утро. Лёгкій вѣтерокъ тихо шелеститъ листьями деревьевъ и рябитъ поверхность воды. Солнечные лучи сверкаютъ яркими искорками въ водѣ. Всѣ радуется хорошему утру; повсюду жизнь и движеніе. Надъ водою порхаютъ пѣстрыя бабочки, летаютъ красивыя стрекозы, золотистыя мухи. Изрѣдка пронесётся ласточка и полакомится комаромъ или какою-нибудь букашкою. Въ кустахъ заливаются итчки, а на лугу трещатъ кузнечики. Вѣлый лебедь, красиво согнувъ длинную шею, гордо плывётъ вдоль пруда. Цѣлое стадо утокъ полощется въ водѣ, отыскивая добычу. Гуси, тяжело переваливаясь, щиплютъ на берегу мягкую, влажную траву.

И въ водѣ не меньше движенія. Мелкая рыба цѣлыми стаями играетъ и рѣзвится на солнцѣ; крупныя окуни, карпы, лещи и караси гуляютъ между водными растеніями. Жадная щука быстро преслѣдуетъ неосторожную плотву. Тысячи водныхъ насекомыхъ и личинокъ двигаются по разнымъ направленіямъ. Хищный жукъ-плавунецъ, перебирая ногами, несётся въ водѣ и съ жадностью ловитъ добычу. Косекія пѣвки извиваются змѣйками, а улитки ползаютъ по стеблямъ и листьямъ подводныхъ растеній.

63. У ж е н ь е.

Какъ только напились мы чаю, я сталъ просить отца, чтобъ онъ показалъ мнѣ уженье. Наконецъ мы пошли, и Евсеичъ съ нами. Онъ уже вѣрубилъ нѣсколько вязовыхъ удилницъ; полавки едѣлали изъ толстаго, зелёнаго камыша; привязали лесы и стали удить съ плота. Евсеичъ приготовилъ мнѣ самое лёгкое удилнице и навязалъ тонкую лесу съ маленькимъ крючкомъ. Онъ насадилъ на крючокъ крошечный кусочекъ мятаго хлѣба, закинулъ удочку и далъ мнѣ удилнице въ правую руку, а за лѣвую крѣпко держалъ меня отецъ; въ ту же минуту поплавокъ привсталъ и погрузился въ воду. Евсеичъ закричалъ: „Тащи! тащи!“ И я съ большимъ трудомъ вытащилъ порядочную плотичку. Я весь дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ, и совершенно не помнилъ себя отъ радости; я схватилъ свою добычу обѣими руками и побѣждалъ показать её матери.

64. Р ы б ы.

Ни одинъ, отъ стараго до малаго, не пройдётъ мимо рѣки или пруда, не поглядѣвъ, какъ гуляетъ вольная рыбка.

Не всѣ породы рыбъ могутъ жить въ одной и той же водѣ: для однихъ нужна чистая, быстрая и холодная вода, для другихъ болѣе теплая, тихая и даже стоячая, имѣющая дно иловатое и тинистое.

Весною, при наступленіи водопада, какъ скоро вода едѣлается мутна, рѣки начнутъ прибывать и подыматься, рыба также подымается къверху и идётъ противъ

Прудъ.

Гусь.

Стрекоза, бабочка.

Щука.

Карась.

Ласточка, комарь.

Плотва.

Карп.
Плавунецъ.

Лебедь.

Пескарь.

Утка.

Лещь.

воды, сначала около береговъ. Когда же рѣки выступаютъ изъ береговъ и разольются по поемнымъ мѣстамъ, рыба также разбредѣтъ по полямъ, не переставая упорно стремиться противъ теченія воды.

Во время весеннихъ разливовъ, рыба заходитъ въ самыя вершины рѣкъ, рѣчекъ и ручьевъ; заходитъ въ такія мѣста, что трудно повѣрить, стоя на такомъ мѣстѣ лѣтомъ, чтобы тутъ ловили крупную рыбу. Но какъ скоро дрогнетъ вода, то-есть пойдетъ на убыль, рыба поворачиваетъ назадъ, и съ такимъ же стремленіемъ скатывается внизъ, съ какимъ до сихъ поръ шла вверхъ, для чего немедленно бросается она изъ мелкихъ мѣстъ въ глубокія, изъ разливовъ — въ материкъ (рѣку). Нерѣдко случается однако, что, зайдя слишкомъ высоко или далеко въ луговья поймы, не находитъ она водяного пути для возвращенія въ рѣку и остается въ ямахъ: если увидятъ люди, то поймаютъ еѣ; а если нѣтъ, и ямы высыхаютъ уединенно, рыба гниѣтъ и достается въ пищу воробьямъ и разнымъ другимъ птицамъ.

65. Жадная щука.

Въ проточномъ прудѣ жила большая щука. Она была жадна и часто гонялась за другими рыбами — карпами, лещами, плотвою.

Все рыбки боялись хищной щуки и при видѣ ея мгновенно кидались въ разныя стороны. Одни изъ нихъ быстро погружались на дно, другія прятались подъ камни, а нѣкоторыя даже выскакивали изъ воды. Но жадная щука была хитра. Она нерѣдко подкарауливала свою добычу, спрятавшись въ траву. Плохо тогда приходилось неосторожнымъ рыбкамъ. Какъ только онѣ приближались къ тому мѣсту, гдѣ скрывалась щука, она неожиданно бросалась на нихъ. Случалось даже, что щука таскала утятъ. Схватить бѣднаго утенка за лапу и исчезнуть съ нимъ въ глубинѣ пруда.

66. Ершъ.

Имя ерша, очевидно, происходитъ отъ его наружности. Вся его спина, почти отъ головы до хвоста, вооружена острыми крѣпкими иглами, соединенными между собой тонкою, пѣстрою перепонкою; щѣки, покрывающія его жабры, имѣютъ также по одной иглѣ, и когда вытаскишь его изъ воды, то онъ имѣетъ способность такъ растопырить свои жабры, такъ взъерошить свой спинной гребень и загнуть хвостъ, что названіе ерша, вѣроятно, было ему дано въ ту же минуту, какъ только въ первый разъ его увидѣлъ человѣкъ. Ершъ, въ этомъ видѣ быстро выхваченный изъ воды, не покажется даже рыбой, а чѣмъ-то круглымъ и мохнатымъ.

Русскій народъ любитъ ерша. Его именемъ называетъ онъ всякаго задорнаго человѣка, который сердится, топдрщится, ершится.

Про ерша сочинилъ онъ цѣлую сказку. По-мѣму ершъ — лучшая рыба изъ всѣхъ, не достигающихъ большаго рѣста.

Складомъ своимъ онъ совершенно похожъ на окуня, хотя никогда не питается рыбой.

Ерши водятся только въ чистыхъ водахъ, и въ большомъ количествѣ въ рѣкахъ песчаныхъ или глинистыхъ, также и въ озерахъ, заливаемыхъ весеннею полдю водою.

67. Лягушата.

„Ваня, пойдёмъ скорѣе къ пруду!“ кричали маленькіе братья старшему брату: „посмотри, что мы тамъ увидели, — иди скорѣе!“

Иванъ, старшій братъ, положилъ книжку, которую читалъ, и пошелъ за дѣтми въ садъ, къ круглому, мелкому пруду. Въ водѣ, у берега, копишлось множество *головастиковъ*.

„Слушай, Ваня, какой вздоръ говоритъ Петя: онъ увѣряетъ, что это маленькія лягушата, — развѣ эти черненькіе шарики съ хвостиками похожи на лягушатъ“?

— Онъ говоритъ правду, сказалъ Иванъ. Если хотите сами убѣдиться въ этомъ, принесите скорѣе банку, мы поймемъ нѣсколько *головастиковъ*, и вы сами увидите, какъ они вырастутъ и станутъ совсѣмъ похожи на лягушекъ. —

Лягушки.

Дѣти такъ и сдѣлали. Банку съ водою и *головастиками* поставили въ тѣни и каждыи день мѣнили воду.

Черезъ нѣсколько дней они замѣтили, что у *головастиковъ* появились маленькія заднія ножки, а потомъ и переднія. „И все-таки это не лягушки“, твердилъ маленькій Костя: „вонъ у нихъ какой хвостъ, а у лягушекъ не бываетъ хвоста!“ Но вотъ и хвостъ началъ дѣлаться короче и короче, а вмѣстѣ съ тѣмъ перемѣнился и цвѣтъ маленькихъ животныхъ. „Да это настоящія лягушата!“ рѣшили, наконецъ, дѣти: „и мы напрасно не вѣрили Петѣ“. — Да, онъ говорилъ правду! согласился и Костя!

Когда лягушата подросли, дѣти замѣтили, что имъ въ банкѣ стало тѣсно и неприятно, и пустили ихъ въ прудъ. Но лягушкамъ не понравилось и въ прудѣ, онѣ разлюбили воду, повѣскакали на берегъ и усѣлись въ высокой травѣ, которая росла на берегу.

68. Путешествіе воды.

Вѣтеръ разноситъ громадныя облака, какъ лёгкія перышки, во все стороны свѣта. Въ каждомъ такомъ облакѣ такъ много воды, что если бы она вся разомъ хлынула на землю, то затопила бы города, села, людей и животныхъ. Но Господь устроилъ дѣло иначе: вода падаетъ изъ облаковъ на землю мелкими каплями или въ видѣ дождя, или въ видѣ снѣга и града.

Дождевая вода, а также вода, образующаяся отъ таянія снѣговъ, просачивается въ землю и тамъ мало-по-малу собирается въ маленькія струйки. Струйка льётся къ струйкѣ, и вотъ пробьются онѣ изъ-подъ земли свѣтлымъ, холоднымъ *ключомъ*. Бьётъ ключъ и льётся по землѣ *ручейкомъ*. Прорѣдетъ себѣ ручеекъ *русло* въ землѣ и бѣжитъ, журчитъ по камушкамъ; встрѣтится со своимъ братомъ, такимъ же говорливымъ ручейкомъ — сольются и побѣгутъ они вмѣстѣ. Бѣгутъ они вмѣстѣ, а къ нимъ по дорогѣ пристанетъ третій, четвёртый, пятый товарищъ...

Глядишь! уже порядочная *рѣчка* течётъ въ зелёныхъ берегахъ. Поить рѣчка людей и животныхъ, освѣжаетъ растенія на лугахъ, вертитъ мельничныя колёса, несётъ бревенчатые плоты и лёгкія лодки; а въ ея прохладныхъ струяхъ играютъ весёлыя рыбки.

Бѣжитъ рѣчка, встрѣчается съ другою — сольются и побѣгутъ вмѣстѣ. Къ нимъ по дорогѣ пристаётъ третья, четвёртая... И вотъ огромная *рѣка*, со множествомъ *притоковъ*, пробѣгаетъ изъ края въ край большаго государства или десятки малыхъ. Плывутъ по рѣкѣ тяжёлыя барки, нагруженныя до верха товаромъ; шумятъ пароходы; а на берегахъ стоятъ промышленныя села и торговые города, одинъ богаче другою. Несётъ рѣка большія богатства изъ страны въ страну, въ далёкое море.

69. Ручейки.

Иные ручейки текутъ скрытно, потаённо, углубясь въ землю, спрятавшись въ травѣ и кустахъ. Слышишь, бывало, журчанье, а воды не находишь; подойдёшь близко, раздвинешь руками чащу кустарника и навѣсь густой травы — пахнетъ въ разгорѣвшееся лицо свѣжею сыростью, и наконецъ увидишь во мракѣ и прохладѣ струю чистой и холодной воды. Какая находка въ жаркій день для усталаго охотника!

Иногда ручей бѣжитъ по открытому мѣсту, по песку, извиваясь по ровному лугу. Онъ уже не такъ чистъ и прозраченъ: вѣтеръ наноситъ пыль и всякій соръ на его поверхность; онъ не такъ и холоденъ: солнечныя лучи пригрѣваютъ сквозь его мелкую воду.

Но случается, что такой ручей уходитъ въ землю и, пробѣжавъ полверсты или версту, иногда гораздо болѣе, появляется снова на поверхности, и струя его, процѣженная и охлажденная землёю, катится опять, хотя и не надолго, чистою и холодною.

70. У родника.

Кое-какъ дотащился я до рѣчки, спустился съ кручи и пошёлъ по жёлтому и сырому песку въ направленіи ключа, известнаго во всёмъ околоткѣ подъ названіемъ „Малиновой воды“. Ключъ этотъ бьётъ изъ расщелины берега, превратившейся мало-по-малу въ небольшой, но глубокой оврагъ, а въ двадцати шагахъ.

оттуда съ весёлымъ и болтливымъ шумомъ впадаетъ въ рѣку. Дубовые кусты разрослись по скатамъ оврага; около родника зеленѣетъ короткая, бархатная травка; солнечные лучи почти никогда не касаются ея холодной, серебрястой влаги. Я добрался до ключа; на травѣ лежала черпалка изъ берёсты, оставленная проходжимъ мужикомъ на пользу общую. Я напился и прилѣгъ въ тѣнь.

71. Вскрытіе рѣки.

Одно изъ любимыхъ удовольствій русскаго народа — смотрѣть на разливы полой воды. „Рѣка тронулась“... передается изъ устъ въ уста, и всё село, отъ мала до велика, выхлынетъ на берегъ, какова бы ни была погода, — и долго, долго стоять пестрыя, где-какъ одѣтыя толпы, смѣтять, любуются, сопровождаютъ каждое движеніе льда весёлыми возгласами. Даже въ городѣхъ, напримѣръ, въ Москвѣ, когда тронется мелководная Москва-рѣка, всё ея берега и мосты бывають усеяны народомъ; одни смѣются другими, и цѣлый день толпы зрителей, перевѣсившись черезъ перила мостовъ, черезъ рѣшетки набережной, глядятъ — не наглядятся на свою пополявшую Москву-рѣку, котрая въ водополь дѣйствительно походжа на порядочную рѣку.

Въ самомъ дѣлѣ, видъ большой тронувшейся рѣки представляетъ въ это время года не только величественное, но и странное и поразительное зрѣлище. Около полугода рѣка какъ будто не существовала: она была продолженіемъ снѣжныхъ сугробовъ и дорогъ, пролѣженныхъ по ихъ поверхности. По рѣкѣ ходили и ѣздили, какъ по сухому мѣсту, и почти забыли про ея существованіе, и вдругъ — широкая полоса этого твёрдаго, неподвижнаго снѣжнаго пространства пошевелилась, откололась и пошла... пошла со всёмъ, что на ней находилось въ то время: съ обледевшими прорубями, навѣсными кучами, почерквившими дорогами, со скотомъ, который случайно бродилъ по ней, а иногда и съ людьми!

Спокойно и стройно, сначала сопровождаемая глухимъ шумомъ и скрипомъ, ильвѣтъ снѣжная, ледяная, безконечная, громадная змѣя. Скоро начинается она трескаться и ломаться, и выпираемая синія ледяныя глыбы встають на дыбы, какъ будто сражаясь одна съ другою, трещатъ и сокрушаясь и продолжая плыть. Потомъ льдины становятся мельче, рѣже, исчезаютъ совсѣмъ... рѣка прошла!... Освобожденная изъ полугодового плѣна, мутная вода, постепенно прибывая, переходитъ край береговъ и разливается по дугамъ.

72. Весенній разливъ на Волгѣ.

Въ одинъ изъ ледоходовъ Волга особенно сильно выступила изъ береговъ и покрыла водою весь низовый берегъ рѣки, гдѣ одиноко стоялъ домикъ рыбака. Погода разыгралась и вздула рѣку: пошли гулять бѣлоголовые валы и помчались льдины. Вода въ рѣкѣ поднималась быстро, и черезъ нѣсколько минутъ домикъ рыбака былъ окруженъ ею со всѣхъ сторонъ. Ледъ съ глухимъ шумомъ двинулся на домикъ и ежеминутно грозилъ ему разрушеніемъ.

Старикъ-рыбакъ съ дѣтми и женю взобрались на крышу дома и съ ужасомъ ожидали смерти. Вѣтеръ разметалъ волосы старика; жена въ отчаяніи прижала къ груди своихъ дѣтей и готовилась вмѣстѣ съ ними исчезнуть подъ развалинами дома, въ волнахъ... Видно было, какъ несчастные поднимали руки къ небу, но вопль ихъ о помощи заглушался свѣстомъ вѣтра. Вотъ уже льдины

ешибли ближайшія строенія, рухнули и ворота; стѣны дома подмывались волнами бующей рѣки, а налетающія льдины потрясли его до основанія.

Въ это самое время на другомъ высокомъ берегу рѣки собрались жители сосѣдней деревни. Изъ толпы раздавались вздохи, молитвы, сожалѣнія, но никто не рѣшался броситься въ бурную, грозную рѣку на помощь погибающимъ!

Вдругъ порывъ вѣтра донёсъ къ толпѣ отчаянные крики несчастныхъ; у всѣхъ похолодѣли сердца. Изъ толпы показался стѣтлый парень; мигомъ очутился онъ на берегу рѣки и началъ отвязывать лодку. Народъ замеръ. Всѣ видѣли, что смѣльчакъ идётъ на вѣрную смерть. Казалось, и самъ онъ думалъ то же и тоскливо поднялъ свой взоръ на берегъ. Ещё мгновѣніе — и парень уже боролся съ разъярённою рѣкою. Буря бѣётъ лодку, мечетъ её волною, кружить... каждая секунда грозитъ храбрецу смертью. Но онъ быстро подвигается вперёдъ.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ отчаянныхъ усилій, лодка, наконецъ, зачѣлена за печную трубу дѣмика — и погибавшіе спасены.

Не успѣла ещё лодка добраться и до середины рѣки, какъ налетѣвшая льдина разнесла дѣмикъ рыбака въ щепки.

73. Въ ожиданіи порома.

Александръ Сергѣевичъ съ сыномъ Володей ѣхалъ изъ большаго города въ далекую деревню на дачу. Черезъ нѣсколько дней таратасъ ихъ остановился на берегу рѣки. Такъ какъ на рѣкѣ моста не было, то нужно было переѣзжать на поромѣ.

Въ ожиданіи порома, на этомъ берегу рѣки столпилось множество крестьянъ и крестьянокъ пѣшкомъ и въ телѣгахъ съ различной кладью. Телѣги были нагружены сѣномъ, дровами, мѣшками съ мукѣй, горшками, кирпичомъ; на иныхъ телѣгахъ мычали телята или визжали поросята. За плечами у крестьянокъ висѣли корзины съ яйцами, въ рукахъ были кѣдочки съ масломъ; инія держали куръ, гусей, пучки лука или раковъ въ корзинкахъ, наполненныхъ кропивой.

Александръ Сергѣевичъ узналъ отъ крестьянъ, что они отправляются на торгъ въ уѣздный городъ, который былъ виденъ на противоположномъ берегу рѣки. Володя видѣлъ, какіе товары крестьяне везли въ городъ, но ему захотѣлось узнать, что они будутъ покупать тамъ. Съ этимъ вопросомъ онъ обратился къ сѣдому старику, который сидѣлъ на своей телѣги. Старикъ ласково отвѣчалъ:

— Что намъ нужно въ городѣ? Какъ что? да вотъ, видите, мнѣ нужно купить соли, а соли въ деревнѣ не достанешь; нуженъ мнѣ и топоръ — мой совѣмъ иступился; нужно ещё двѣ косы — ужъ сѣнокосъ подходитъ. Вѣдь у насъ въ деревнѣ, кромѣ чѣрнаго хлѣба, лука, молока и яицъ, ничего не найдешь. — Инѣй ѣдетъ купить себѣ сапоги, а другому нужна шляпа, кушакъ или рукавицы. Вотъ зятю моему понадобились стѣкла, замѣкъ къ дверямъ и петли: онъ стрѣтитъ себѣ избу; а стѣколь-то у насъ въ деревнѣ не дѣлаютъ, и слесарей нѣтъ; гвоздей тоже, пожалуй, захватить. А тамъ стоитъ моя кума съ пѣтухомъ и съ корзиной яицъ: ей нужно ситцу на сарафанъ, да и иглы всѣ вышли; а можетъ, купить она желѣзный ковшъ для воды или пару серповъ. Да мало ли чего кому нужно! Всѣмъ же намъ, кромѣ того, нужны деньги...

Въ это время поромъ причалилъ къ берегу.

Всѣ засуетились, и разговоръ Володи со старикомъ прекратился.

Д. ГОРОДЪ.

74. Описаніе города.

Подъѣзжая къ городу, уже издали можно отличить его отъ селенія, особенно если это городъ губернской. Избушки, крытыя соломой, встрѣчаются здѣсь только по окраинамъ; жилища даже небогатыхъ людей отличаются отъ избъ своимъ видомъ: это *дома*.

Городскіе дома по большей части строятся вдоль *улицы*. На главныхъ улицахъ деревянныя дома почти все на каменныхъ фундаментахъ и покрыты тѣсомъ или желѣзомъ. Каменныхъ домовъ въ губернскомъ городѣ гораздо больше, нежели въ селахъ и уѣздныхъ городахъ.

Между домами вдоль улицы тянутся сплошныя заборы или сквозныя рѣшетки, за которыми при многихъ домахъ видны сады. Главныя улицы въ городѣ вымощены камнями. По ночамъ эти улицы освѣщаютъ фонарями.

По сторонамъ улицъ, вдоль домовъ и заборовъ, устраиваются для пѣшеходовъ каменные или деревянныя помосты—*троттуары*, по крайямъ которыхъ ставятся столбики, или *тумбы*.

Если городъ стоитъ при большой рѣкѣ, то берегъ ея укрѣпляется камнемъ, чтобы его не подмывало весеннею водою. Обложенный камнями берегъ рѣки называется *набережною*.

Гдѣ улицы сходятся или пересѣкаются между собою, тамъ иногда остаются *площади*. Если въ городѣ сдѣланъ водопроводъ, то на площадяхъ помѣщаются бассейны съ водою и фонтаны. Къ нимъ ходятъ черпать воду или подъѣзжаютъ съ бочками водовозы.

Въ городѣ больше *лавокъ*, нежели въ селѣ. Двери ихъ выходятъ на улицу, и надъ ними висятъ *вывѣски*, на которыхъ написано, что въ лавкѣ продается. Большія теплыя лавки называются *магазинами*.

Кромѣ отдѣльныхъ лавокъ и магазиновъ, въ городахъ есть еще особлыя постройки, сплошь занятыя только лавками. Такіе торговые ряды называются *гостиннымъ дворомъ*.

Если городъ великъ, то жители его не всегда имѣютъ время ходить далеко пѣшкомъ, а иногда должны и ѣздить. Нѣкоторые имѣютъ собственныхъ лошадей и экипажи; но большая часть ѣздитъ на *извозчикахъ*, которыхъ рядятъ за известную плату.

Въ большихъ городахъ при каждомъ домѣ хозяинъ держитъ *дворника*, который мететъ дворъ и улицу передъ тѣмъ домомъ, очищаетъ зимою снѣгъ съ крышъ и троттуаровъ, смотритъ за порядкомъ на дворѣ.

75. Постройка каменнаго дома.

Постройка каменнаго дома требуетъ значительно болѣе времени, труда, знанія и денегъ, нежели постройка избы или даже деревяннаго дома.

Прежде всего хозяинъ, желающій построить каменный домъ, приглашаетъ такого знающаго человѣка, который могъ бы составить *планъ* будущаго дома, розсчитать, во что обойдется постройка зданія, и также наблюдать за этой постройкой. Такой человѣкъ называется *архитекторомъ*. Затѣмъ хозяинъ нани-

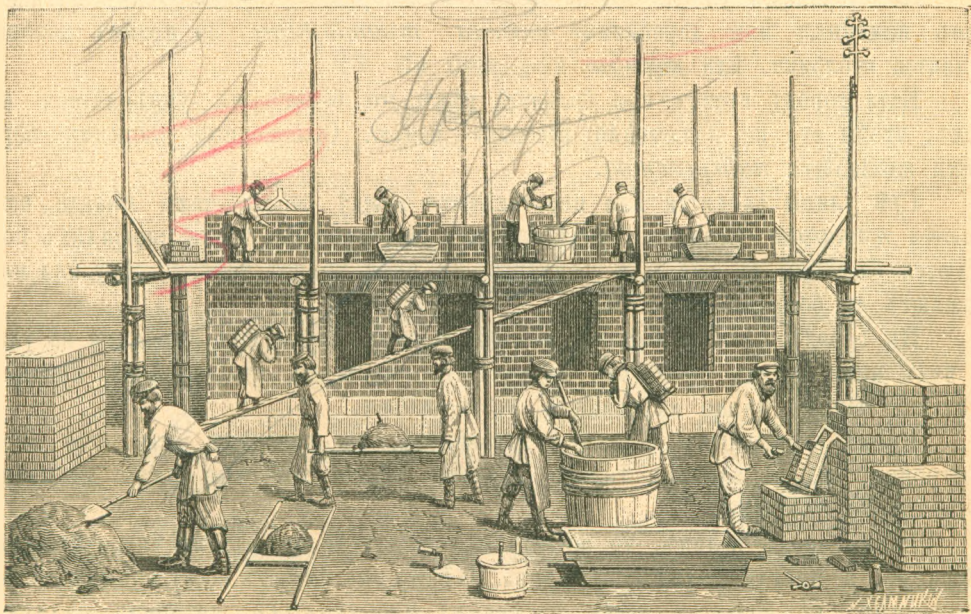
имѣть рабочихъ: каменщиковъ, плотниковъ, печниковъ, столяровъ, маляровъ и другихъ. После заготовки строительнаго матеріала, который состоитъ изъ кирпича, песка, извести, камней, бревенъ, досокъ и т. д., приступаютъ къ постройкѣ.

Землекопы вырываютъ ровъ для фундамента, а каменщики выводятъ стѣны, оставляя отверстія для дверей и оконъ. По мѣрѣ возвышенія стѣнъ, возвышаютъ и *лѣси*.

Въ это время на мѣстѣ постройки кипитъ работа. Одни рабочие *творятъ* известь; другіе посятъ на носилкахъ и на спинѣ кирпичи и прочіе нужные матеріалы; третьи возводятъ стѣны.

Отстрѣненный снаружи домъ покрываютъ листовымъ желѣзомъ, тѣсомъ или черепицей. Крышу стѣлютъ на стропилахъ; стропила укрѣпляютъ въ балки, которыя кладутся на стѣны.

Крыши дѣлаются покатыя, чтобы дождь на нихъ не задерживался. Къ нижнему краю крыши прикрѣпляютъ желобъ и трубы, по которымъ дождевая вода стекаетъ внизъ.

Внутри дома настилаютъ полы и потолки, кладутъ печи, выводятъ трубы, навѣшиваютъ двери, вставляютъ оконныя рамы.

Стѣны же гладко *штукатурятъ* известковымъ *цементомъ* и оклеиваютъ обоями или красятъ.

76. Въ почтовой конторѣ.

Во всякомъ гѣродѣ находится почтовая контора, которая занимается какъ пріемомъ, такъ и отправкой писемъ, денегъ, посылокъ и другой *корреспонденціи*. Крімъ того, въ почтовой конторѣ продаются почтовыя марки, штемпельные конверты и открытыя письма.

А. Шайверъ

Видь большого города.

Простыя письма можно передавать для отправки почтовымъ чиновникамъ или опускать въ прибывше въ различныхъ частяхъ города почтовые ящики. Если простое письмо не дойдетъ по своему назначенію, то почтовое начальство не отвѣчаетъ за это передъ отправителемъ. Вотъ почему болѣе важныя письма и документы отправляютъ *заказными*. Такія письма непременно должны быть передаваемы для отправки почтовому чиновнику, который при приемѣ письма выдаетъ отправителю квитанцію.

Отправка заказнаго письма стоитъ на нѣсколько копеекъ дороже отправки простаго письма, но зато заказное письмо выдается адресату, т.-е. тому, кому оно посылается, не иначе какъ подъ расписку; въ случаѣ же потери такого письма почтовая контора уплачиваетъ отправителю десять рублей.

Для отправки по почтѣ писемъ съ деньгами (*денежныхъ писемъ*), слѣдуетъ такія письма передавать почтовому чиновнику незапечатанными, чтобы онъ могъ провѣрить вложенныя въ конвертъ деньги.

По провѣркѣ денегъ и по запечатаніи конверта пятью печатами, почтовый чиновникъ выдаетъ отправителю расписку въ приемѣ отъ него денежнаго письма.

Въ почтовой конторѣ.

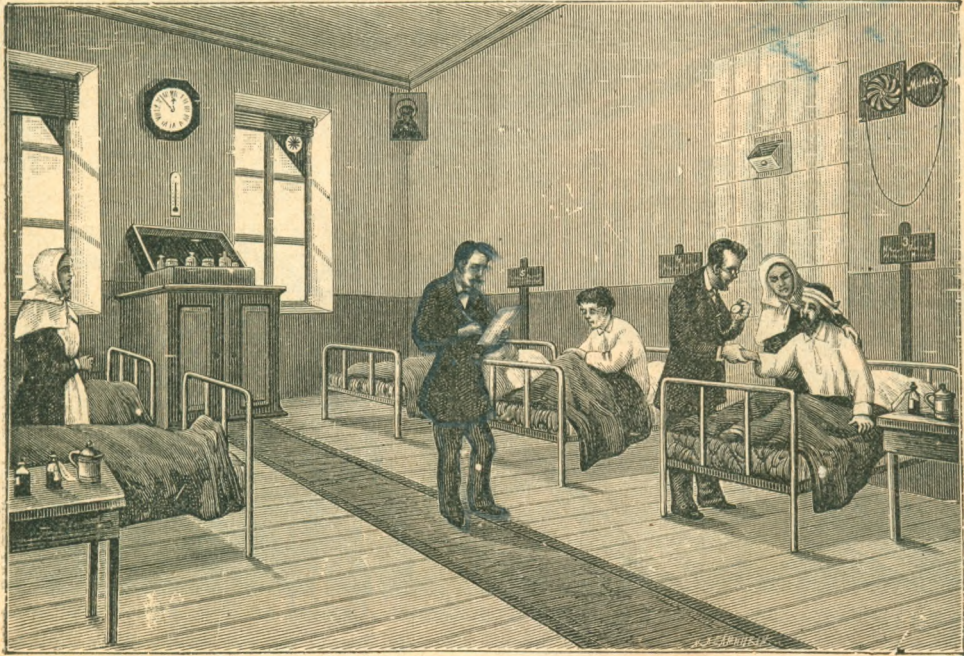
При отправкѣ денежныхъ пакетовъ обыкновенно *страхуютъ* всю посылаемую сумму, платя по полукопейкѣ страховой *преміи* съ каждаго рубля. Хотя уплата страховой преміи удорожаетъ отправку денегъ по почтѣ, но зато въ случаѣ утраты денежнаго письма почтовая контора уплачиваетъ отправителю сполна всю ту сумму денегъ, которая обозначена въ квитанціи.

Получаемую со всѣхъ сторонъ простую и заказную корреспонденцію почтовая контора доставляетъ городскимъ жителямъ на домъ. О полученіи же денежныхъ писемъ и посылокъ она только увѣдомляетъ адресата особой повѣсткой, и выдать ему эти письма или посылки только тогда, когда онъ представить засвидѣтельствованную къмъ слѣдуетъ повѣстку.

77. Въ городской больницѣ.

Въ каждомъ городѣ обыкновенно устраиваются одна или нѣсколько больницъ для тѣхъ больныхъ, которые не имѣютъ средствъ и возможности лечиться дома.

При устройствѣ больницъ особенно обращается вниманіе на то, чтобы комнаты (палаты), въ которыхъ находятся больные, были просторны, чтобы въ нихъ всегда былъ здоровый воздухъ; съ этою цѣлью устраиваются въ окнахъ и стѣнахъ палатъ особые приборы, которые называются *вентиляторами*. Для защиты же больныхъ отъ сильнаго солнечнаго свѣта, на окнахъ каждой палаты устраиваютъ *шторы*.

Въ городской больницѣ.

При распределеніи больныхъ по палатамъ обращается особенное вниманіе на отдѣленіе отъ прочихъ больныхъ тѣхъ, которые заражены прилипчивыми болѣзнями. Выздоровливающіе больные также помѣщаются отдѣльно отъ другихъ больныхъ.

Въ палатахъ больные лежатъ на кроватяхъ. Надъ каждой кроватью прибита дощечка, на которой обозначены: номеръ, фамилія больного и его болѣзнь. Подлѣ кровати находится небольшой столикъ, на которомъ обыкновенно ставятъ склянки съ лѣкарствомъ.

Каждое утро палаты обходить докторъ съ дежурнымъ фельдшеромъ. Докторъ осматриваетъ больныхъ и каждому изъ нихъ назначаетъ лѣкарство и пищу.

Въ назначенные докторомъ дни и часы больнымъ позволяется приниматьъ родныхъ и знакомыхъ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы посѣтители не приносили съ собою недозволенныхъ докторомъ пищи и напитковъ.

78. Вокзалъ желѣзной дороги.

Въ городахъ, лежащихъ при желѣзныхъ дорогахъ, устраиваются на станціяхъ этихъ дорогъ *вокзалы*.

Вокзалъ обыкновенно состоитъ изъ нѣсколькихъ комнатъ. Въ одной изъ этихъ комнатъ ожидаютъ прихода поѣзда пассажиры первыхъ двухъ классовъ, въ

другой — пассажиры третьяго класса, въ третьей производится пріемъ *багажа* и продажа *пассажирскихъ билетовъ*; въ остальныхъ же комнатахъ вокзала помѣщаются *телеграфъ*, *почтовое отдѣленіе*, *кухня* и *квартиры* для служащихъ.

Въ тѣхъ комнатахъ, гдѣ пассажиры ожидаютъ отхода поѣзда, устраиваются обыкновенно *буфеты*.

Изъ вокзала нѣсколько дверей ведутъ на *платформу*, у которой останавливаются поѣзда.

Когда поѣздъ *прибываетъ* на станцію, а также предъ *отходомъ* его, сторожъ *даётъ звонокъ*.

79. Красный фонарь.

Кто ѣздилъ по желѣзнымъ дорогамъ, тотъ, конечно, замѣтилъ, что по обѣимъ сторонамъ дороги выстроены маленькіе домики—бѣдки сторожей. Сторожа, живущіе въ этихъ домикахъ, постоянно смотрятъ за тѣмъ, чтобы рельсы и все плотно дороги были въ порядкѣ. Поэтому каждый изъ сторожей ежедневно осматриваетъ весь путь отъ своего домика и до соседней бѣдки. Если онъ находитъ плотно дороги въ порядкѣ, то, при проѣздѣ поѣзда, становится у своего домика днёмъ съ зеленымъ флагомъ въ рукахъ, а ночью съ зеленымъ фонаремъ. Если же сторожъ замѣтитъ, что гдѣ-нибудь сломался рельсъ, или размыло дорогу дождемъ, то онъ тотчасъ же становится возлѣ этого мѣста днёмъ съ краснымъ флагомъ, а ночью съ краснымъ фонаремъ, и тѣмъ даётъ знать машинисту, что путь испорченъ. Увидитъ машинистъ эти красные сигналы, догадается объ опасности и останавливаетъ поѣздъ, чтобы не попасть въ бѣду, чтобы не перебить людей, которыхъ онъ везётъ и которые довѣрили ему жизнь. Не дай Богъ, если сторожъ или машинистъ забудутъ своё дѣло: погибнуть тогда и поѣздъ, и люди.

Въ одномъ такомъ сторожевомъ домикѣ жилъ сторожъ Колѣчкинъ. Онъ уже много лѣтъ жилъ на этомъ мѣстѣ и усердно исполнялъ свою тяжёлую службу: передъ каждымъ поѣздомъ осматривалъ онъ свой участокъ на дорогѣ, каждый поѣздъ и днёмъ, и ночью встрѣчалъ съ флагомъ или съ фонаремъ въ рукѣ. Въ зимнее время, несмотря ни на холодъ, ни на вьюгу, онъ старательно сметалъ снѣгъ съ дороги и очищалъ рельсы отъ льда.

Однажды—это было въ іюль мѣсяцѣ—день случился очень жаркій, а къ ночи стала собираться гроза. Занумѣли высокіе есны, закричѣли, застонали и другія деревья; землю окутала непроглядная ночь. Дождь ливнемъ хлынулъ на землю. Буря вырывала съ корнями деревья, опрокидывала телеграфные столбы, рвала телеграфную проволоку.

Въ это самое время Колѣчкинъ съ фонаремъ въ рукахъ осматривалъ свой участокъ. Онъ уже приближался къ своей бѣдкѣ, какъ вдругъ страшная молнія ослѣпила его, а ударъ грома оглушилъ и повалилъ его на землю. Молнія ударила въ чугунные рельсы, разметала ихъ во все стороны и зажгла бѣдку Колѣчкина.

„Боже, Боже мой! что-то будетъ съ поѣздомъ! погибнуть всё, погибнуть!“ вскрикнулъ Колѣчкинъ, когда немного очнулся и осмотрѣлся кругомъ. Собранныя послѣднія силы, онъ всталъ на ноги. Вдали послышался свистокъ локомотива. Колѣчкинъ, не имѣя въ рукахъ краснаго фонаря, быстро зажгъ свой простой фонарь, погашенный бурей, оторвалъ лоскутъ отъ своей красной рубахи, покрылъ этимъ лоскутомъ стекла фонаря, прибавилъ какъ можно больше огня и, сидя на полотнѣ дороги, поднялъ этотъ фонарь къверху.

А бѣдка горитъ, горитъ всё имущество Колѣчкина; длинныя огненные языки высовываются изъ-подъ крыши, искры разбѣгаются по вѣтру...

Смотритъ Колѣчкинъ вдаль, глазъ не спускаетъ; а сердце у него бьется, въ глазахъ темнѣетъ. Далекъ по дорогѣ показались два огонька: это мчитъ на всѣхъ парахъ поѣздъ... „Вотъ налетитъ сейчасъ, соскочитъ съ рельсовъ, разобьется, погибнуть всё!“ думаетъ Колѣчкинъ. Однако, слава Богу, не случилось такъ, какъ онъ думалъ. Машинистъ замѣтилъ красный фонарь и замедлилъ ходъ машины; за нѣсколько же шаговъ до Колѣчкина поѣздъ совсѣмъ остановился, а обезсиленный Колѣчкинъ безъ чувствъ повалился на землю.

80. Столяръ.

Въ одномъ городѣ жилъ бѣдный неграмотный столяръ. Онъ занимался самыми простыми столярными работами. У него былъ сынъ, по имени Андрей, мальчикъ живдй и любознательный. Съ ранняго возраста Андрей уже сдѣлался помощникомъ своего отца. Всё, что ему ни приходилось дѣлать, онъ исполнялъ съ большимъ стараніемъ и тщательностью.

Однажды Андрей проходилъ мимо мебельнаго магазина и на выставкѣ увидѣлъ красивое кресло. Оно ему такъ понравилось, что Андрей долго его разсматривалъ, запоминалъ, какъ сдѣлана каждая отдѣльная часть, и рѣшилъ самъ сдѣлать также же кресло въ маленькомъ видѣ. Придя домой, онъ тотчасъ же принялся за работу и употреблялъ на нее всё свободное время.

Но сколько ни старался, ничего у него не выходило: всѣ части были уродливы и не прилаживались одна къ другой. Эта неудача очень огорчила Андрея, и у него явилось сильное желаніе познакомиться съ какимъ-нибудь хорошимъ мебельнымъ мастеромъ. Скоро ему удалось познакомиться съ молодымъ грамотнымъ мастеромъ, который кончилъ курсъ въ городскомъ ремесленномъ училищѣ. Этотъ мастеръ управлялъ большою мастерскою богатаго мебельнаго столяра.

Новый знакомый пригласилъ Андрея къ себѣ въ мастерскую. Въ первый разъ пришлось Андрею быть въ большой хордшей мастерской; онъ всему удивлялся и сказалъ: „Какъ это вамъ удается приготовить такую красивую мебель! А вотъ я видѣлъ на выставкѣ кресло, отлично запомнилъ каждую отдѣльную его часть и хотѣлъ сдѣлать также же, но только маленькое, и то не удалось“. — „Это нисколько не удивительно“, сказалъ ему мастеръ: сдѣлать мебель въ маленькомъ видѣ гораздо труднѣе, чѣмъ большую. Эту работу можетъ исполнить только такой мастеръ, который учился чертить и рисовать“. — „А я и грамотѣ не знаю“, съ грустью сказалъ Андрей: „да и учиться мнѣ некогда: въ будни по цѣлымъ днямъ я работаю вмѣстѣ съ отцомъ, а въ свободное время меня учить некому“. Мастеръ былъ добрый человекъ. Ему стало жаль мальчика, и онъ предложилъ Андрею учиться грамотѣ въ свободное время у него. И Андрей съ большимъ рвеніемъ началъ учиться: въ свободное время ходилъ къ мастеру, а дома просиживалъ за книгами чуть не цѣлыя нчи. Вскорѣ послѣ этого въ городскомъ ремесленномъ училищѣ производился большой ремонтъ. Отецъ Андрея вмѣстѣ съ другими простыми столярами былъ приглашенъ на ремонтныя работы. Какъ-то разъ начальникъ училища, осматривая работы, увидалъ Андрея. Умный видъ мальчика и стараніе, съ какимъ онъ исполнялъ своё дѣло, обратили на себя вниманіе начальника. Онъ заговорилъ съ Андреемъ и узналъ его страстное желаніе учиться.

Начальникъ, желая помочь бѣдному Андрею, объяснилъ отцу, что такого способнаго мальчика непременно надо учить, и сказалъ, что онъ готовъ взять его сына безплатно въ ремесленное училище. Отецъ согласился, и Андрей поступилъ въ училище. Сначала трудно было Андрею, но его любознательность, настойчивость и усердіе всё превозмогли. Онъ кончилъ курсъ въ числѣ первыхъ: основательно изучилъ любимое мебельное мастерство и узналъ много такого, о чѣмъ прежде и не могъ думать.

По окончаніи курса ученія начальникъ училища сейчасъ же устроилъ Андрея на хорошее мѣсто. Вскорѣ Андрей завелъ и свою мастерскую. Всё, выходившее изъ его мастерской, было такъ хорошо отдѣлано, что раскупалось нарасхватъ.

81. Подвигъ крестьянина Марина.

1. Крестьянинъ Ярославской губерніи, Ростовскаго уѣзда, деревни Евсеевой, Василій Гавриловъ Маринъ занимался кровельнымъ, а впоследствии котельнымъ мастерствомъ и поступилъ на Колчинскій заводъ (близъ Петербурга).

Въ 1852-мъ году Маринъ отправился на родину повидаться съ родными, и въ началѣ марта 1853 года собрался въ обратный путь въ Петербургъ.

Доѣхавъ до Москвы на лошадыхъ, онъ съ товарищами — ихъ всего было десять человекъ — опоздалъ на машину и долженъ былъ переночевать въ Москвѣ.

2. „Люди деревенскіе вѣдь любопытны, — такъ рассказываетъ Маринъ, — а я въ Москвѣ сроду не бывалъ! Вотъ и пошли мы любопытствовать на чудеса Бѣлокаменной. Зашли въ Успенскій соборъ; пошли къ Ивану Великому на колокольню, а оттуда въ Охотный рядъ. Тамъ сказали намъ, что случился пожаръ: Большой театръ горитъ...

Вотъ мы пошли и на пожаръ посмотреть...”

Маринъ прибылъ на пожаръ уже въ самый разгаръ егò. Театръ горѣлъ внутри, и пламя, быстро распространившееся по всемъ направленіямъ внутренности, вылетало въ крышу и окна.

Во время пожара, трое изъ мастеровыхъ выскочили въ окно верхняго этажа на крышу и долго бѣгали по ней, не находя спасенія, будучи окружены со всѣхъ сторонъ пламенемъ.

Двое изъ этихъ несчастныхъ, въ минуту отчаянія, соскочили съ крыши внизъ и убились до смерти.

Третьй остался на крышѣ и, задыхаясь отъ дыму, преслѣдуемый пламенемъ, жалобно молилъ о спасеніи.

Но, казалось, и ему суждено было погибнуть. Не было ни одной лѣстницы, которая могла бы достать до крыши выскаго зданія, и несчастный находился въ неизбежной крайности: или погибнуть отъ пламени, которое постепенно приближалось къ нему, или послѣдовать за своими товарищами, брѣситься внизъ.

Не переставая до послѣдней минуты уповать на благость Всевышняго, бѣднякъ укрылся отъ дыма и жара въ такомъ мѣстѣ на крышѣ, откуда вѣтеръ отдувалъ пламя...

Между тѣмъ Маринъ, братъ егò и товарищи молча смотрѣли снизу на страшное зрѣлище.

3. „Молчу — рассказываетъ Маринъ, — а сердце у меня такъ и прѣсится, какъ бы сподобъ дать христіанской душѣ...”

— Товарищи! вскрикнулъ онъ вдругъ — подождите, я пойду, спасу человека.

Товарищи посмотрѣли на него сперва въ недоумѣніи.

— Съ Богомъ! сказали они наконецъ: доброе дѣло сдѣлаешь.

Не медля ни минуты, Маринъ обратился къ начальству съ просьбою дозволить ему спасти погибавшаго. Позволеніе было немедленно дано. Маринъ снялъ шубу, шапку, передалъ ихъ городовому и остался въ рубахѣ. Запасшись веревкою и взявъ съ собою брата, онъ скоро пошелъ къ лѣстницѣ, приставленной къ стѣнѣ.

Дойди до лѣстницы, Маринъ набожно перекрестился и смѣло пошѣлъ вверхъ. Лѣстница была трехколѣнная, но всё-таки она далеко не доставала до крыши. Обвивъ верёвку вокругъ подса, Маринъ, благословясь, ухватился за водосточную трубу и по ней сталъ взбираться навѣрхъ...

4. Внизу толпы народа слѣдили за дѣйствіями безстрашнаго крестьянина; верху пламя распространялось съ яростью; слышался стукъ и трескъ валившихся строилъ и посреди этого грознаго шума плачевный вопль несчастнаго.

Маринъ взбирался по водосточной трубѣ.

„Было холодно, вѣтрено, — разсказываетъ онъ — а я и не чувствую: съ тѣхъ поръ, какъ возымѣлъ намѣреніе спасти христіанскую душу, у меня также сердечное воспаленіе сдѣлалось, что такъ въ жаръ и брѣсило...“

Горячія рѣки прилипаютъ къ холодному желѣзу водосточной трубы, а Маринъ лѣзетъ всё выше и выше.

„Трещитъ труба, небольно крѣпка была, голубушка, а стало быть, такъ ужъ Богу угодно было, и я взобрался на карнизъ; тамъ, благо полѣгче стало, и сталъ на твёрдую ногу...“

Братъ, оставшіяся на лѣстницѣ, подаль Марину на верёвкѣ ухватъ, а онъ помощью этого же ухвата передалъ верёвку бѣдняку, находившемуся на крышѣ посреди пламени.

— Зачѣливай (прикрѣпй) за что ни пошло! крикнулъ Маринъ, да только, смотри, покрѣпче.

Погибавшій зацѣпилъ верёвку за крюкъ, находившійся на крышѣ театра. Маринъ сложилъ верёвку вдвое, чтобы вѣрнѣе было, и, приказавъ находившемуся на крышѣ спускаться осторожно, придерживаясь руками за верёвку, а колѣнями за водосточную трубу, самъ спустился первый.

Изъ всѣхъ этихъ дѣйствій Марина видно, что при благородномъ движеніи сердца онъ сохранялъ спокойствіе ума.

Пока Маринъ спускался по лѣстницѣ, а спасённый имъ по водосточной трубѣ, въ толпѣ проявилось чудное, высокое, истинно русское движеніе: головы обнажились, и крестное знаменіе сопровождало и подвигъ одного, и спасеніе другого...

5. Этотъ подвигъ самоотверженія былъ доведён до свѣдѣнія Государя Императора Николая Павловича. ЕгѠ Величеству благоугодно было увидѣть Марина.

Съ трепетнымъ сердцемъ и полный благоговѣнія, вступилъ русскій мужичокъ въ чертоги русскаго царя. Ни наяву, ни даже во снѣ не представлялось никогда ему, простѠму человѣку, что Господь удостоитъ егѠ зрѣть вблизи лицо царево, слышать изъ устъ царскихъ милостивое слово, къ нему обращённое...

ЕгѠ Императорское Величество сонзвѠлилъ принять Марина въ своёмъ кабинетѣ и обратился къ нему съ слѣдующими словами:

„Спасибо за доброе дѣло. Поцѣлуй Меня и разкажи, какъ тебѣ Богъ помогъ“. Въ простыхъ словахъ разказалъ Маринъ, какъ было дѣло. Государь Императоръ, благосклонно выслушавъ разказъ, сказалъ:

„Ступай съ Богомъ, и будетъ нужда, такъ приходи ко Мнѣ, когда хочешь“. ЕгѠ Величество сонзвѠлилъ приказатъ награditъ Марина медалью, установленною за спасеніе погибавшихъ, и выдать ему сто пятьдесятъ рублей.

Е. ГЕОГРАФИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

82. Русское государство.

Россія есть самое обширное изъ всѣхъ государствъ въ свѣтѣ; она тянется отъ сѣвера къ югу на *четыре тысячи* вёрстъ, а отъ запада къ востоку на *тринадцать тысячъ* вёрстъ. (См. карту стр. 71).

На сѣверѣ земли русскія примыкаютъ къ *Ледовитому морю*, на западѣ—къ *Балтійскому морю*, а на югѣ—къ *Черному* и *Каспійскому морьямъ*. Ледовитое море далеко вдаётся въ землю и образуетъ заливъ, называемый *Бѣлымъ моремъ*.

Балтійское море образуетъ три залива: *Рижскій*, *Финскій* и *Ботническій*, а Чёрное море—одинъ заливъ, называемый *Азѳовскимъ моремъ*.

Не мало скопилось воды и внутри Россіи; въ ней есть озёра, которыя тянутся въ длину на сотни вёрстъ, а рѣки прорѣзываютъ её по всѣмъ направленіямъ. Изъ рѣкъ особенно замѣчательны: *Свертая Двина*, *Нева*, *Западная Двина*, *Нѣманъ*, *Вѣсла*, *Днѣпръ*, *Донъ*, *Волга*, съ притоками *Окой* и *Камой* и *Уралъ*.

Отъ Ледовитаго моря къ Каспійскому тянутся *Уральскія горы*, которыя дѣлятъ Россію на двѣ неравныя части: большая часть Россіи лежитъ къ востоку отъ Уральскихъ горъ, въ Азіи, и называется *Сибирью*; меньшая же часть Россіи, по сю сторону Уральскихъ горъ, называется *Европейскою Россіею*. Между Чёрнымъ и Каспійскимъ морями находятся *Кавказскія горы*; внутри Россіи лежатъ невысокія *Валдайскія горы*, съ которыхъ текутъ самыя большія рѣки Россіи.

Какъ обширно наше отечество, такъ разнообразна и его природа. На крайнемъ сѣверѣ большую часть года свирѣствуетъ зима, а на югѣ въ нѣкихъ мѣстахъ зимы почти совсѣмъ не бываетъ. На сѣверѣ растётъ одинъ только мохъ, а на югѣ растутъ самыя разнообразныя деревья, которыя круглый годъ покрыты зеленью. Однѣ мѣстности сплошь покрыты дремучими лѣсами, а въ другихъ мѣстахъ нѣтъ ни одного деревца. Въ Россіи есть плодородныя чернозёмныя мѣстности, но есть и неплодныя, песчаныя пустыни, которыя тянутся на сотни вёрстъ.

Для удобства управленія вся Россія раздѣлена на губерніи и области; губерніи раздѣлены на уѣзды, а уѣзды на вѣлости. Въ каждой губерніи находится по нѣскольку городовъ, изъ которыхъ одинъ называется *губернскимъ*, а другіе *уѣздными*. Въ губернскомъ городѣ сосредоточено управленіе губерніею, а въ уѣздномъ—управленіе уѣздомъ.

Городъ, въ которомъ живётъ Государь Императоръ и сосредоточено управленіе всѣмъ государствомъ, называется *столицею*; столичныхъ городовъ въ Россіи два: *Петербургъ* и *Москва*.

Въ Россіи насчитывается до *ста* губерній и областей, въ ней живётъ до *ста* милліоновъ людей.

83. Санкт-Петербургъ (новая столица).

С.-Петербургъ построень всего 187 лѣтъ тому назадъ императоромъ Петромъ Великимъ среди дремучихъ лѣсовъ и непроходимыхъ болотъ, а въ настоящее время С.-Петербургъ—одинъ изъ самыхъ красивыхъ и самый многолюдный городъ во всей Россіи (около 900 тысячъ жителей).

С.-Петербургъ построень при рѣкѣ Невѣ. Рѣка Невà, глубокая, быстрая и широкая, вытекаетъ изъ Ладожскаго озера и у самаго С.-Петербурга впадаетъ нѣсколькими рукавами въ Финскій заливъ.

Большая часть столицы расположена на лѣвомъ берегу Невы, а меньшая на правомъ и на островахъ, лежащихъ между рукавами. Острова соединены съ берегомъ и между собою многими мостами.

Городъ построень правильно; улицы широки, прямы и обстроены высокими каменными домами.

На лѣвомъ берегу Невы находятся лучшія зданія, расположенныя преимущественно вдоль набережной Невы, на большихъ площадяхъ и по Невскому проспекту—главной улицѣ города.

Между этими зданіями замѣчательны: *Зимній дворецъ*, *Аничковъ дворецъ* и *дворцы Царской Фамиліи*; соборы *Исаіевскій* и *Казанскій*; обширныя зданія *Сената*, *Синода* и другихъ присутственныхъ мѣстъ.

Къ числу замѣчательныхъ зданій принадлежатъ также *Гостинный дворъ* и театры.

За рѣкой, на Петербургскомъ островѣ, стоитъ *крѣпость*, и среди ея гранитныхъ стѣнъ возвышается *Петропавловскій* соборъ. Въ этомъ соборѣ погребаютъ русскихъ царей со времёнъ Петра Великаго. Рядомъ съ соборомъ въ крѣпости находится *монетный дворъ*, гдѣ чеканятъ для всей Россіи золотую, серебряную и мѣдную монету.

На Васильевскомъ островѣ находятся *пристани* для иностранныхъ кораблей и пароходовъ и обширныя склады для иностранныхъ товаровъ.

Улицы столицы содержатся чисто и освѣщаются газомъ; главная же улица—Невскій проспектъ—освѣщается электричествомъ. Вода изъ Невы проведена во всѣ концы города.

Окраины города и ближайшія окрѣстности застроены множествомъ разнообразныхъ фабрикъ и заводовъ и дачъ.

С.-Петербургъ соединёнъ со всѣми концами Россійскаго государства посредствомъ желѣзныхъ дорогъ и водныхъ путей. По этимъ путямъ свозится въ С.-Петербургъ много русскихъ товаровъ для отправки за границу; важнѣйшіе изъ нихъ: лѣсъ, хлѣбъ, пенька, лёнъ, сало и шерсть.

Иностранные же товары привозятся въ С.-Петербургъ преимущественно моремъ и отсюда идутъ внутрь Россіи, вмѣстѣ съ произведёніями петербургскихъ фабрикъ и заводовъ.

Иностранныхъ товаровъ привозится въ С.-Петербургъ болѣе, нежели во всѣ остальные города Россіи, а потому для торговли съ иностранными государствами Петербургъ важнѣе всѣхъ русскихъ торговыхъ городовъ.

84. Москва (древняя столица).

Москва—очень древній и многолюдный городъ (около 750 тысячъ жителей): она расположена на рѣкѣ того же имени. Улицы въ ней болѣею частью узки и кривы, дома не такъ высоки и построены не такъ тѣсно, какъ въ Петербургѣ.

Въ самой серединѣ Москвы, на правомъ берегу Москвы-рѣки, возвышается древній *Кремль*, обнесённый каменною стѣною съ зубцами и башнями. Въ Кремлѣ находятся древнѣйшіе православные соборы: *Успенскій*, *Архангельскій* и *Благовѣщенскій*.

Между Успенскимъ и Архангельскимъ соборами подъ золотымъ куполомъ возвышается надъ всеми кремлёвскими зданіями громадная пятирусская *Ивановская колокольня*, у подножія которой находится знаменитый *царь-колоколъ*, вѣсящій до двѣнадцати тысячъ пудовъ.

Въ Кремлѣ же находятся очень древнія *палаты*—*Грановитая*, *Оружейная* и *Патріаршая*, дворецъ царя Алексѣя Михайловича и императорскій дворецъ. Въ Грановитую палату, черезъ *Красное* крыльцо, изъ Успенскаго собора проходятъ наши государи послѣ священнаго коронаванія. Въ эту торжественную минуту Государь идѣтъ въ полномъ царскомъ облаченіи: въ порфирѣ, съ короной на головѣ и со скипетромъ въ рукѣ.

Въ Грановитой палатѣ Государь въ день коронаванія принимаетъ поздравленія какъ отъ своихъ подданныхъ, такъ и отъ иностранныхъ пословъ.

Въ Оружейной палатѣ хранится очень много древняго оружія, а также государственное знамя, древніе царскіе престолы, вѣнцы, посохи и проч. На площади передъ Оружейной палатой стоитъ знаменитая по своей древности и величинѣ „царь-пушка“.

Въ Патріаршей палатѣ хранятся облаченія всѣхъ московскихъ митрополитовъ и патріарховъ.

Дворецъ Алексѣя Михайловича представляетъ собою образецъ жилища нашихъ государей въ старинѣ.

Москва есть главный рынокъ для сбыта всѣхъ тѣхъ мануфактурныхъ произведеній, которыя изготовляются на фабрикахъ Московской и сосѣднихъ съ нею губерній. Всѣ эти фабричныя произведенія по шести желѣзнымъ дорогамъ развозятся изъ Москвы во всѣ концы Россіи. Такимъ образомъ, Москва есть важнѣйшій городъ государства по своей *внутренней торговлѣ*.

Различныхъ фабрикъ и заводовъ въ Московской и сосѣднихъ съ нею губерніяхъ такъ много, что весь этотъ край называется *фабричнымъ*. На здѣшнихъ фабрикахъ приготавливаютъ изъ хлопчатой бумаги различныя ткани, напр. платки, ситцы, холсты и др.

На заводахъ же выдѣлываются различныя металлическія, стеклянныя и кожевенныя издѣлія, напр. ножи, самовары, бутылки, и т. п.

Кто изъ насъ не читалъ на самоварѣ, на гармоникѣ или на ружьѣ клейма: „въ Тулѣ“; на ножахъ и ножницахъ—„въ Павловѣ“ или „въ Ворснѣ“; на платкахъ и ситцахъ—„въ Москвѣ“ и т. п.? Кто не видывалъ простыхъ и дешёвыхъ сапоговъ-осташей, а также прочныхъ и недорогихъ полотенъ ярославскихъ? Всѣ названные города и сѣла находятся въ *великорусскомъ краѣ*.

85. Великорусы.

I.

Великоруссы большею частью средняго роста и плотнаго тѣлосложенія; они имѣютъ выразительное добродушное лицо, голубые или каріе глаза и русые густые волосы.

Будничная одежда великорусса состоитъ изъ пестрядинной рубахи на выпускъ съ прорѣхой у лѣваго плеча; верхней одеждой служитъ армякъ, подпоясываемый цвѣтнымъ кушакѣмъ.

Зимою великоруссы носятъ овчинные полушубки, во время же сильныхъ морозовъ надѣваютъ сверхъ полушубка широкой овчинный тулупъ. На головѣ они носятъ картузы, войлочные шляпы и шапки.

Въ праздники великоруссъ одѣвается наряднѣе: яркая рубаха, большею частью изъ краснаго кумача, плисовые шаровары заправлены въ сапоги, сверхъ рубахи шелковая съ цвѣтами жилетка, суконная поддѣвка или бархатная безрукавка и суконный армякъ, накинутый на плечи.

Будничная одежда женщинъ состоитъ изъ бѣлой рубахи съ короткими и широкими рукавами и цвѣтнаго набойчатаго сарафана, подпоясанаго передникомъ; сверхъ сарафана надѣвается дунегрѣйка или шугай. Голову женщины повязываютъ въ будни простымъ платкѣмъ.

Праздничная одежда женщинъ гораздо наряднѣе: сарафанъ изъ яркихъ узорчатыхъ ситцевъ, на головѣ—шелковый платокъ, на шеѣ—бусы.

Обыкновенная пища великорусса состоитъ преимущественно изъ ржаного хлѣба, щей или похлѣбки, грѣчневой кашни, молока, картофеля; въ праздничные дни прибавляется мясо—баранина, свинина.

Любимый напитокъ великоруссовъ—квасъ, а въ праздники—домашняя брага (шво).

Въ характерѣ великоруссовъ много хорошихъ качествъ. Они смѣтливы въ работѣ, выносливы и трудолюбивы; великоруссъ безъ рѣкота переноситъ несчастія и смѣло встрѣчаетъ всякую опасность; онъ крѣтокъ, скрѣпленъ, уживчивъ и доброжелателенъ по отношенію къ другимъ.

Великоруссъ веселъ и радуженъ. Понятливость помогаетъ ему быстро изучить всякое ремесло, смѣтливость и находчивость дѣлаютъ изъ него хорошаго торговца и промышленника; великоруссы также одарены способностью къ наукамъ и искусствамъ—однимъ словомъ, русскій человекъ, какъ говорится, „молодецъ на всѣ руки“.

Избы великоруссовъ располагаются обыкновенно въ два ряда, по обѣимъ сторонамъ улицы. Въ каждомъ селѣ, на видномъ мѣстѣ, въ сторонѣ отъ избы стоитъ храмъ Божій, возлѣ котораго располагается кладбище. Избы большею частью деревянные, бревенчатые, но въ торговыхъ и промышленныхъ сѣлахъ встрѣчаются и кирпичныя постройки; въ мѣстностяхъ лѣсистыхъ великоруссы украшаютъ избы уздойной деревянной рѣзбѣй.

Изба великорусса состоитъ обыкновенно изъ двухъ половинъ, или комнатъ, между которыми находятся сѣни: одна комната назначается для жилья, а другая, свѣтлица, для приѣма гостей въ праздничные дни.

Главная принадлежность всякой жилды избы — „большой уголь“, который находится впереди, направо отъ входа въ избу; онъ всегда уставленъ иконами; на стѣнѣ близъ иконы обыкновенно помѣщаются портреты Государя и Государыни и картины духовнаго содержанія.

II.

Великоруссы составляютъ господствующее населеніе во всѣхъ частяхъ Имперіи; въ губерніяхъ же Московской, Тверской, Ярославской, Костромской, Владимірской, Нижегородской, Рязанской, Тульской, Калужской и Смоленской они составляютъ коренное населеніе, а потому губерніи эти называются *великорусскими*.

Великорусскій край населенъ очень густо; земля же въ немъ мало плодородна. Вотъ почему създавна здѣсь, въ подспорье земледѣлю, развились разнообразныя *прѣмыслы* и *ремѣсла*, и весь великорусскій край получилъ прозваніе *промѣшленнаго* края. Болѣе другихъ здѣсь развитъ такъ называемый *кустарный* прѣмыселъ, который состоитъ въ томъ, что крестьяне цѣлой деревней исполняютъ какую-нибудь однообразную работу. Такъ, напр., въ одной деревнѣ всѣ крестьяне готовятъ деревянную или глиняную посуду, въ другой — куютъ гвозди или шьютъ сапоги, рукавицы и т. п., въ третьей — ткуютъ миткаль, рисуютъ образы и пр.: всего не перечесть!

Великорусское село.

Не менѣе кустарнаго прѣмысла развиты въ великорусскомъ краѣ и *отхожіе* прѣмыслы. Такъ, напр., здѣшніе жители зачастую цѣлыми деревнями уходятъ на заработки въ чужія губерніи. Вотъ почему великоруссы встрѣчаются во всѣхъ уголкахъ Россіи: здѣсь онъ извозчикъ, торгвецъ или плотникъ; тамъ — столяръ, маляръ или огородникъ; тутъ онъ каменщикъ или трактирщикъ, а здѣсь — фабричный, коробейникъ, пильщикъ и т. п.

Великоруссы Московской губернии.

86. Волга.

I.

Много въ нашемъ отечествѣ судоходныхъ рѣкъ, но самая большая изъ нихъ — Волга. Она проходитъ по девяти губерніямъ на протяженіи трёхъ съ половиной тысячъ вѣрстъ и впадаетъ въ Каспійское море. Много торговыхъ городовъ, а также богатыхъ пристаней, сѣль и деревень раскинулось по берегамъ Волги; много тысячъ людей кормитъ эта великая русская рѣка, и народъ не даромъ величаетъ Волгу *матушкой, кормилицей*.

Въ своёмъ *верхнемъ* теченіи Волга частью проходитъ по мѣстности весьма богатой лѣсомъ, по бѣдной хлѣбомъ; а потому въ этомъ *лѣсномъ краю* жители, въ подспорье земледѣлію, занимаются разработкой лѣсныхъ богатствъ: гонятъ дѣготь, строятъ суда, дѣлаютъ деревянную посуду и т. п.

Въ своёмъ *среднемъ* теченіи Волга протекаетъ по богатому *хлѣбородному краю* съ чернозёмной почвой. Здѣсь жители занимаются главнымъ образомъ земледѣліемъ и сѣютъ больше всего пшеницу, рѣсо, рожь и овёсъ; на поляхъ же, называемыхъ бахчами, разводятъ дыни и арбузы.

Въ *нижнемъ* же теченіи Волга проходитъ по безлѣснымъ, почти безводнымъ, песчанымъ равнинамъ; такія равнины называются *степями*. Въ этихъ степяхъ живутъ *киргизы* и *калмыки*, которые занимаются исключительно скотоводствомъ и перегоняютъ свои стада лошадей, верблюдовъ и барановъ круглый годъ съ одного мѣста на другое.

II.

Съ ранней весны и до поздней осени кипитъ на Волгѣ работа. Въ это время по Волгѣ двигаются пароходы и суда съ самыми разнообразными товарами. Такъ, напр., съ Урала на судахъ везутъ желѣзо, чугуны и другіе металлы; изъ степей — шерсть, кожи и соль; съ Каспійскаго моря — рыбу, керосинъ, хлопокъ и пр., но больше всего по Волгѣ перевозится хлѣба.

Всѣ эти товары направляются преимущественно въ *Нижній-Новгородъ*, гдѣ ежегодно съ 15-го іюля и до 15-го августа бываетъ знаменитая *макарьевская ярмарка*. Къ этому времени вмѣстѣ съ товарами въ Нижній пріѣзжаетъ очень много купцовъ не только со всѣхъ сторонъ нашего отечества, но и изъ чужихъ земель. На нижегородской ярмаркѣ происходитъ главный обмѣнъ товаровъ различныхъ мѣстностей Россіи. Такъ, напр., фабриканты и заводчики Московской и другихъ промышленныхъ губерній продаютъ на ярмаркѣ свои издѣлія, а покупаютъ необходимое для нихъ уральское желѣзо, азіатскій хлопокъ, а также шерсть, привезённую изъ степей, и другіе сырые, или необработанные матеріалы.

По окончаніи ярмарки, товары изъ Нижняго развозятся по всѣмъ сторонамъ по желѣзнымъ дорогамъ и водянымъ путямъ. Такъ, напр., хлѣбъ изъ Нижняго направляется преимущественно въ *Рыбинскъ*, который считается главной хлѣбной пристанью на всей Волгѣ. Судовъ съ хлѣбомъ въ Рыбинскѣ иногда скопляется такъ много, что они занимаютъ по рѣкѣ нѣсколько вѣрстъ. Здѣсь этотъ хлѣбъ съ большихъ волжскихъ судовъ перегружается на малыя суда, такъ какъ выше Рыбинска Волга узка и мелка. Особенно же узки и мелки тѣ рѣчки и *каналы*, по которымъ лежитъ *водяной путь* въ Петербургъ и на дальній сѣверъ. Но не весь хлѣбъ изъ Рыбинска идётъ въ Петербургъ водою: не мало этого хлѣба отправляется туда и по желѣзной дорогѣ.

87. Волжскіе поёмные луга и степи.

Городъ Самара лежитъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ Волга круто заворачиваетъ вправо, гдѣ ея теченіе принимаетъ направленіе отъ востока къ западу. Пройдя въ этомъ направленіи около ста десяти вѣрстъ, Волга поворачиваетъ около города Сызрани прямо на югъ, и течётъ дальше къ городамъ: Хвалынску, Вдльску и Саратову. На этомъ пространствѣ правый нагорный берегъ Волги богатъ деревьями, пострѣнными во многихъ мѣстахъ не дальше какъ на сто сажень отъ рѣки, часто на скатѣ горы.

Лѣвый берегъ — луговой или низменный — съ перваго взгляда кажется совершенно пустыннымъ; на нёмъ, въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ни одной деревушки, ни одного дома ближе десяти вѣрстъ отъ Волги, потому что во время поводья Волга покрываетъ (поимаетъ — откуда *поёмный*) всё низменныя мѣста вплоть до степи. Эта полоса, отъ пяти и до десяти вѣрстъ и болѣе въ ширину и много сотенъ вѣрстъ въ длину, покрыта необыкновенно сочными *поёмными* лугами. Трава по полю взрослому человѣку, густая, мягкая; идешь по пей — ноги нѣтаются, а ляжешь отдохнуть — сердце радуется. А кругомъ свистъ, гулъ и трескотня безчисленныхъ насѣкомыхъ: тамъ посвистываетъ перещелка, здѣсь трещитъ коростель.

Но поёмные луга не вездѣ-сплошныя. Во многихъ мѣстахъ есть углубленія, въ которыхъ остается вода, и тутъ образуются длинныя озера, поросшія непроходимо частымъ ивовымъ кустарникомъ. Во многихъ мѣстахъ Волга пускаетъ отъ себя длинный рукавъ въ сторону; обыкновенно эти *воложки*, или маленькія Волги, довольно мелки; многіе протоки можно переѣзжать въ бродъ, другіе гораздо глубже, и надо хорошо знать мѣстность, чтобы, переѣзжая, не утопить въ воложку лошадей. Вездѣ берега покрыты очень частыми кустами, сажени въ полторы или двѣ вышиною, и очень рѣдко попадаютъ между ними тамъ одна, а тамъ двѣ-три старыя узловатія ивы. Въ немногихъ мѣстахъ есть длинныя возвышенія, покрытыя лѣсомъ и называемыя *гривами*. Воздухъ надъ поёмными лугами или займищами оживленъ безчисленнымъ множествомъ чаетъ, которыя иногда цѣлыми стадами выются надъ воложками и озерами, отнимаютъ одна отъ другой поднимающую рыбу, кричатъ, стремясь падаютъ одна за другой въ воду вслѣдъ за упавшей добычей, потомъ опять поднимаются, крутятся въ воздухѣ тѣснымъ клубомъ и вдругъ, когда которой-нибудь удастся наконецъ проглотить рыбку, всё спокойно разлетается въ разныя стороны. Только одна которая-нибудь, можетъ-быть, самая обиженная, изрѣдка покрикиваетъ сердито и жалобно.

На воложкахъ и озерахъ водится множество дикихъ утокъ, которыя тамъ вовсе не дики. Охотникъ спокойно подходитъ къ нимъ на полвыстрѣла, даётъ имъ отплыть, и когда онѣ удобно расположатся, стрѣляетъ въ самую гущу стада.

Мѣстами изъ кустарника быстро взлетаетъ огромный сѣбно-бѣлый пеликанъ; а тамъ, на ужасной высотѣ, распластавъ крылья, величественно плаваютъ въ воздухѣ беркуты, бѣлоголовый орёлъ.

Тамъ, гдѣ кончаются *поймы*, куда ужъ не заходитъ вода Волги въ весенній разливъ, начинаются степи. Въ степи воздухъ несравненно суше, и трава хоть не такая густая и сочная, какъ на поёмныхъ лугахъ, зато цвѣтѣвъ гораздо больше.

88. Малоруссы.

Малоруссы — средняго или высокаго роста, медленны и неповоротливы въ движеніяхъ; они имѣютъ смуглое съ крупными чертами лицо, каріе глаза и тѣмные волосы.

Малоруссы любятъ широкую одежду. Мужчины носятъ рубаху изъ грубаго холста съ прорѣхой посерединѣ груди и съ маленькимъ вышитымъ цвѣтной бумагой воротникомъ. Рубаха заправляется въ очень широкія шаровары, а шаровары заправляются въ голенища тяжѣлыхъ сапогъ (чоботы). Широкий цвѣтной поясъ слегка обхватываетъ талью. На головѣ малоруссы болѣею частью носятъ мѣховую шапку. Верхнее платье малорусса состоитъ изъ суконнаго полукафтана

Малоруссы.

и короткаго овчиннаго полушубка (кожуха); сверху кожуха иногда надѣвается длинная суконная свитка.

Женщины носятъ бѣлыя холщевыя рубахи, вышитыя на рукавахъ и на подолѣ красной и синей бумагой; вмѣсто сарафановъ носятъ особый родъ юбокъ (плахта) и передниковъ (запаска), подпоясываемыхъ широкимъ шерстянымъ поясомъ. Плахты и запаски дѣлаются изъ пестрой или одноцвѣтной полшерстяной матеріи; сверху надѣваются короткія цвѣтныя кофточки и свитки. Малороссійки любятъ украшать голову лентами и цвѣтами, шею — бусами, а уши — серьгами.

Относительно пищи малоруссы прихотливѣе великоруссовъ и особенно любятъ жирную пищу; свиное сало, напр., составляетъ для нихъ такую же необходимую пищу, какъ и хлѣбъ.

Изъ малороссійскихъ кушаній особенно извѣстны: борщъ съ галушками, варѣники, приправленные масломъ и сметаною.

Селенія малоруссовъ имѣютъ свои особенности. Они расположены болѣею частью очень живописно на холмистыхъ берегахъ рѣкъ или по склонамъ балокъ. Дома или хаты располагаются въ безпорядкѣ. Возлѣ домовъ малоруссы разводятъ садки съ цвѣтами, конопляники, огороды и устраиваютъ пѣськи; такъ что каждое малороссійское селеніе прѣчется въ зелени и занимаетъ большое пространство. Для церкви, часовни и кладбища выбирается самое возвышенное мѣсто.

Малоруссы имѣютъ тихій и добрый нравъ; они крѣпко привязаны къ родинѣ и не легко расстаются съ нею. По виду лѣнивый и медленный, малоруссы сподобены къ тяжѣлому и продолжительному труду. Малоруссы обыкновенно еще при жизни отдѣляютъ женатыхъ сыновей, такъ что эти послѣдніе живутъ отдѣльно

Хата малорусса.

и ведутъ самостоятельную дѣятельность; почти нѣтъ примѣровъ, чтобы по смерти родителей женатые сыновья жили вмѣстѣ. Малоруссы очень религіозны и свято чтятъ всѣ установленія православной церкви.

Малоруссы живутъ въ губерніяхъ Кіевской, Кѹрской, Черніговской, Харьковской и Полтавской.

Жители этихъ губерній занимаются главнымъ образомъ земледѣліемъ. Землю они пахутъ не легкой сохой, какъ въ сѣверныхъ губерніяхъ, а тяжелымъ плугомъ, въ который впрягаютъ двѣ-три, а иногда и четыре пары воловъ. Сѣютъ они преимущественно пшеницу, а также овёсъ, прдсо, ячмень, гречиху и кукурузу. Пшеница родится здѣсь нерѣдко самъ-двадцать и болѣе, а потому малороссійскія губерніи справедливо называются житницей Россіи. На поляхъ, называемыхъ бахчами, или баштанами, малоруссы разводятъ арбузы, дыни и тыквы.

Кромѣ того, они сѣютъ много свекловицы, изъ которой на сахароваренныхъ заводахъ добывается сахаръ; къ любимымъ занятіямъ малоруссовъ принадлежатъ также ичеловѣдство и садовѣдство.

89. Западный край.

Самую западную окраину нашего отечества составляют губернии, расположенныя по рѣкѣ Вислѣ—*Привислинскій край*. Привислинскій край населёнъ очень густо и преимущественно поляками, которые принадлежатъ къ славянскому племени и говорятъ языкомъ, близкимъ къ русскому. Почва Привислинскаго края на сѣверѣ низменна, болотиста и не особенно удобна для земледѣлія; на югѣ же— возвышенна и мѣстами покрыта чернозёмомъ. Поэтому въ сѣверной части Привислинскаго края жители разводятъ преимущественно лёнъ, а въ южной сѣютъ пшеницу и свекловицу, изъ которой на мѣстныхъ заводахъ добываютъ сахаръ. Кромѣ земледѣлія, здѣшніе жители занимаются ещё разведеніемъ лошадей, рога-таго скота и овецъ-мериндсовъ.

Изъ городовъ Привислинскаго края самый замѣчательный—*Варшава*. Это очень большой и красивый торговый городъ. Варшава соединена желѣзными дорогами съ Петербургомъ и съ Москвою.

Къ Привислинскимъ губерніямъ прилегаютъ три губерніи, расположенныя по рѣкѣ Нѣману. Эти три губерніи— Виленская, Гродненская и Кювенская— населены главнымъ образомъ *литовцами*.

Литовцы составляютъ особое племя, по языку не родственное русскимъ. Они занимаются хлѣбопашествомъ всюду, гдѣ земля для хлѣбопашества удобна. Тамъ же, гдѣ земля менѣе удобна для воздѣлыванія хлѣба, литовцы разводятъ лёнъ и занимаются скотоводствомъ, а также рубятъ лѣсъ и по Нѣману сплавляютъ его за границу. Молчаливый и угрюмый литовецъ любитъ даже селиться въ лѣсу и около дома разводитъ своихъ любимыхъ пчёлъ. Дремучіе литовскіе лѣса не походятъ на наши сѣверные, хвойные. Здѣсь, кромѣ сосны и ели, въ лѣсахъ растутъ дубъ, клёнъ, ясень и даже дикія груши и яблони.

Къ числу западныхъ же губерній принадлежатъ: Смоленская, Витебская, Мѣнская и Могилевская, населенныя преимущественно *бѣлоруссами*. Край этотъ не плодороденъ и во многихъ мѣстахъ покрытъ топкими болотами. Такъ, напр., между рѣками Припечью и Березиной находится обширная мѣстность, покрытая топкими болотами и листовнымъ лѣсомъ и извѣстная подъ названіемъ *Польска*. Въ такой неплодородной и болотистой мѣстности ни хлѣбопашество, ни скотоводство не могутъ прокормить жителей. Вотъ почему большая часть бѣлоруссовъ вынуждена зарабатывать себѣ хлѣбъ на сторонѣ. Кромѣ бѣлоруссовъ, въ этомъ краю живётъ много евреевъ.

90. Южнорусскія степи.

Земли, прилегающія къ Черному, Азовскому и Каспійскому морямъ, представляютъ безлѣсную и маловодную равнину, которая тянется по всему югу Россіи и продолжается далеко за Каспійское море. Эта необозримая равнина называется *степью*, а потому и весь югъ Россіи носитъ названіе *степного края*. Почва степей не вездѣ одинакова. Въ однихъ мѣстахъ она состоитъ изъ сыпучаго песку, въ другихъ мѣстахъ, называемыхъ *солончакъ*, почва такъ пропитана солью, что крупинки ея выступаютъ даже на поверхность земли. Но въ степяхъ есть и такія мѣстности, въ которыхъ на плодородной и чернозёмной почвѣ растутъ превосходныя сочныя травы. Эти степныя травы бывають такъ высоки, что въ нихъ скрывается человекъ на лошади.

Часть степного края, прилегающая къ сѣвернымъ берегамъ Чернаго моря, называется *Новороссійскимъ краемъ*. Въ Новороссійскихъ степяхъ почва по

большей части чернозёмная и покрыта высокою, сочною травой, а потому жители (великоруссы и малоруссы) занимаются здѣсь больше всего скотоводствомъ; они разводятъ рогатый скотъ извѣстной *черкасской* породы, мясо котораго славится по всей Россіи, а также содержать большія стада *овецъ-меринсовъ*, доставляющихъ дорогую, мягкую шерсть.

Новороссійская степь.

Степи по берегамъ рѣки Дѣна и Азѣвскаго моря, подобно степямъ Новороссійскимъ, имѣютъ почву по большей части чернозёмную и богатую травой; степи эти населены *донскими казаками*. Казаки мало занимаются хлѣбопашествомъ, а преимущественно разводятъ рогатый скотъ и держатъ табуны донскихъ лошадей, которыя замѣчательны своею выносливостію. Кромѣ того, казаки разводятъ *виноградъ*, изъ котораго готовятъ дешёвыя вина. По нижнему теченію Дѣна находятся богатая залежи каменнаго угля, который необходимъ въ этой безлѣсной мѣстности для отопленія паровозовъ, пароходовъ и заводовъ.

Степи, прилегающія къ Каспійскому морю, покрыты песками и большею частью совершенно безплодны. Лѣто здѣсь бываетъ жаркое, а зима холодная. Зимомъ нерѣдко поднимаются сильныя мятели, называемыя *буранами*. Бураны иногда продолжаются нѣсколько дней и въ это время гибнутъ люди и цѣлыя стада скота. Въ такой мѣстности постоянныя поселенія невозможны, а потому въ степяхъ Прикаспійскихъ живутъ только *кочевые* народы: на западъ отъ Волги—*калмыки*, а на востокъ—*киргизы*. Какъ тѣ, такъ и другіе занимаются скотоводствомъ и держатъ большія стада барановъ и табуны лошадей; стада эти и лѣто и зиму пасутся въ степи и перегоняются съ мѣста на мѣсто. Для перевозки тяжестей кочевники держатъ двугорбыхъ верблюдовъ.

91. Кавказъ.

1. Между Чёрнымъ и Каспійскимъ морями лежитъ горная страна Кавказъ. Болѣе чѣмъ на тысячу вѣрстъ тянется отъ одного моря до другого высокій хребетъ Кавказскихъ горъ. Отъ этого главнаго хребта расходятся въ обѣ стороны менѣе высокія горы, которыя, постепенно понижаясь, теряются наконецъ въ равнинахъ.

Посрединѣ главнаго Кавказскаго хребта горы такъ высокія, что вершины ихъ скрываются въ облакахъ. Человѣкъ, стоящій у вершины одной изъ такихъ горъ, видитъ тучи подъ своими ногами; тамъ внизу сверкаетъ молнія и идѣтъ дождь, а надъ головою сіяетъ солнце и синѣетъ безоблачное небо. Самыя большія изъ Кавказскихъ горъ—Эльбрусъ и Казбекъ—возвышаются почти на пять вѣрстъ надъ поверхностью моря. Вершины Эльбруса, Казбека и другихъ высокихъ горъ покрыты вѣчными снѣгами. Отъ времени до времени громадныя снѣжныя глыбы съ шумомъ и грохотомъ обрушиваются съ горныхъ вершинъ внизъ—въ долины и предиасти, увлекая за собой стада и пастуховъ, засыпаютъ цѣлыя селенія и даже преграждаютъ на время теченіе рѣкъ. Случается, что *обвалъ* обрушивается на продолженныя въ горахъ дороги и подъ своими снѣгами погребаетъ проѣзжающихъ по дорогѣ путниковъ. Ливомъ снѣга горныхъ вершинъ снизу подтаиваютъ, частью сползаютъ въ ущелья горъ, и, накопляясь тамъ, образуютъ обширныя горныя ледники. На нѣкоторой высотѣ ледники начинаютъ таять; изъ-подъ льда бѣгутъ ручьи; сливаясь одинъ съ другимъ, эти ручьи образуютъ горныя рѣчки, которыя водопадами текутъ по склонамъ горъ въ долины.

Обыкновенно горныя рѣчки такъ мелкія, что черезъ нихъ можно безопасно проѣзжать въ бродъ; но въ жаркое время года, когда на горахъ снѣгу таетъ больше, рѣчки переполняются, мчатся съ рѣвомъ и пѣной, ворочаютъ камни, вырываютъ съ корнями цѣлыя деревья, смываютъ цѣлыя селенія. Съ сѣверныхъ склоновъ Кавказскихъ горъ текутъ три большія рѣчки. Одна изъ нихъ—Кубань—впадаетъ въ Чёрное море; другія двѣ—Кума и Терекъ—впадаютъ въ Каспійское море. Съ южныхъ же склоновъ Кавказскаго хребта течётъ рѣка Риднъ, впадающая въ Чёрное море. Кромѣ этихъ рѣкъ, замѣчательна рѣка Кура (съ притокомъ Араксомъ), впадающая въ Каспійское море.

Климатъ и растительность Кавказа крайне разнообразны. Чѣмъ ближе къ горнымъ вершинамъ, тѣмъ воздухъ становится холоднѣе, а растительность бѣднѣе.

У подножія южныхъ склоновъ Кавказскихъ горъ зимы почти не бываетъ: деревья круглый годъ одѣты зеленою листвою; плодородная почва въ изобиліи производитъ кукурузу, виноградъ, персики, абрикосы и другіе южныя плоды. Выше, по склонамъ горъ растутъ густыя лѣса дубовъ, буковъ, кинарисовъ, каштановъ и другихъ лиственныхъ деревьевъ. Ещё выше роскошныя лѣса умеренно-тѣплыхъ странъ смѣняются краснолѣснымъ и березовыми рощами умеренно-холоднаго пояса. Выше лѣсовъ простираются роскошныя луга, а ещё ближе къ снѣговымъ вершинамъ стѣлется по землѣ ягодныя растенія холодныхъ странъ: клюква, моршкка, брусника, ежевика. Наконецъ, у самыхъ снѣговъ почти голая скала лишь мѣстами покрыта лишайми и мхомъ.

2. Слово гнѣзда орловъ, лѣнится на скалахъ Кавказскихъ горъ *сакли*, или хаты горскаго *аула* (деревни). Сакли эти сложены изъ нагроможденныхъ камней. Крыши ихъ плоскія, изъ деревянныхъ балокъ, съ насыпанной сверху землёю. Подла въ саклѣ нѣтъ; небольшая дыра замѣняетъ окно. Посреди сакли разложены камни: это очагъ.

Надъ нимъ виситъ чугунный котёлъ, въ которомъ варятъ пищу. Дымъ выходитъ чрезъ отверстіе въ крышѣ. Въ голыхъ скалахъ, гдѣ нѣтъ лѣсу, топятъ сухимъ навозомъ—кизякомъ. У стѣнъ положены дѣски на камняхъ: это лавки. Потолокъ поддерживается столбами: на нихъ виситъ всякое оружіе. Кто побогаче, у того помѣщеніе состоитъ изъ двухъ половинъ: одна для семьи, а другая для гостей.

Гѣстя гѣрецъ охраняетъ всѣчески. Онъ накормитъ его, наптитъ и уложитъ спать; будь гость даже врагъ гѣрца—онъ не тронетъ его въ своёмъ домѣ.

Гѣрцы.

Армянинъ. Грузинъ.

Гѣрцы издрѣвле были христіанами. Христіанство они приняли отъ грековъ; не мало и храмовъ Божіихъ было въ ихъ землѣ. Но христіанская вѣра у нихъ не укоренилась, потому что богослуженіе совершалось на непонятномъ для гѣрцевъ языкѣ. Мало-по-малу стали они отставать и отъ обряда христіанскаго, а лѣтъ полтораста тому назадъ они перешли въ магометанство.

Гѣрецъ — ловкій наѣздникъ. Всѣ прииспоблено у него для такой жизни. Сѣдло, конская сбруя—легкія; ни одной лишней пряжки, ни одного лишняго ремешка. Тонкая уздѣчка ловко сидитъ на головѣ горбоноскаго коня. И кони у нихъ особенные. Они ходятъ по такимъ тропинкамъ въ горахъ на краю пропастей, гдѣ и человѣку трудно пробраться. Осторожно ставитъ гѣрскій конь свою ногу на камень, пробуя, прочно ли лежитъ онъ, и такъ шагъ за шагомъ взбирается по крутизнѣ или спускается съ нея.

Оружіе гѣрца тоже легкое и короткое. Одѣтъ онъ въ казакіинъ или черкѣску, перегаиутую ремнѣмъ; на груди прошиты мѣста для патрѣновъ. На головѣ овчинная папѣха; во время дожда или въ стужу накидываетъ черкѣсъ сверху мохнатую бѣрку. Шаровары у него широкія; сафьянные сапоги плотно пригнаны на ногу.

Горцы неприветливы къ пицѣ. Да и гдѣ жъ взять имъ вдоволь пшеничной муки или овощей? Острый овечій сыръ, горсточка ячменной муки на водѣ и овсяное толокно зачастую бываетъ ихъ единственной пищей. Въ праздникъ, кто побогаче, заколетъ барана—и тогда у него пиръ гордой!

Въ горахъ мудрено заниматься хлѣбопашествомъ. Приходится взлѣзать на хребты горъ и отыскивать тамъ площадку съ почвой, годной для пашни. И карабкаются горцы на такія площадки по крутымъ скатамъ, вбивая въ скалы гвѣзды и цѣпляясь за нихъ. Землю вскапываютъ, какъ въ огородѣ, киркою. Много труда нужно въ горахъ, чтобы получить немного хлѣба.

3. За главнымъ хребтомъ высокихъ Кавказскихъ горъ лежитъ плодородная страна — Грузія, прежнее Грузинское царство. Грузія отдалась въ подданство Россіи еще въ 1800 году. Вскорѣ была проведена черезъ хребетъ и Грузинская дорога. Но ѣзда по Грузинской дорогѣ за горы была опасна: по обѣ стороны ея въ горахъ жили хищные горцы, которые нападали на проезжающихъ. По этой дорогѣ ѣздить можно было только съ военнымъ конвоемъ: съ казаками и пушками; а потому и дорога называлась *военно-грузинской* дорогой.

Главное изъ горскихъ племенъ — *черкесы*. Самое имя „черкесъ“ на ихъ языкѣ значитъ: головорѣзъ. Они жили грабежомъ: уводили плѣнниковъ и угоняли скотъ у своихъ русскихъ сосѣдей — терскихъ и кубанскихъ казаковъ.

Казаки занимались земледѣіемъ и рыболовствомъ и несли военную службу; когда тихо, они пахали землю, косили траву, разводили сады; вдругъ тревога — они живо садились на коней — и въ бой.

Станицы ихъ, или деревни, были обнесены валомъ и частокѣлами. У церкви стояла сторожевая пушка. Но и между станицами мѣсто не оставалось безъ караула: тутъ ставились небольшія земляныя укрѣпленія — пикеты, тамъ дежурило по нѣскольку казаковъ день и ночь. Чтобы отъ пикета до пикета кругомъ можно было видѣть, у каждаго изъ нихъ была на четырехъ высокихъ столбахъ вышка. На ней очередной казакъ держалъ карауль. Въ высокой бараньей папахѣ, въ черкескѣ и буркѣ на плечахъ, съ ружьемъ, зорко смотрѣлъ онъ вдаль въ сторону черкесскихъ поселеній. Ночью казаки тайкомъ залегали на берегу рѣки въ мѣстахъ, годныхъ для переправы. Не смыкая глазъ, прислушивались они: не плеснѣтъ ли гдѣ рѣка? не зашумитъ ли камышъ? не крадется ли воръ-черкесъ, чтобы накинуться на казачій табунъ или стадо и угнать добычу, пробраться къ станицѣ и поджечь ея? Если такая бѣда случалась, то казаки мстили за нею.

Среди казаковъ были особые удалыцы — *пластуны*, которые высматривали, когда можно переправиться за Терекъ и застать черкесовъ врасплѣхъ.

Пластунъ слонялся и день и ночь въ камышахъ и прибрежныхъ кустарникахъ. Черкеска на немъ отрѣпаная, заплатаанная; лицо искувано комарами, весь онъ исколотъ колючками; добрый штучеръ въ рукахъ, тесакъ у пояса; мѣшочекъ съ пулями, пороховница, иногда котелокъ и балалайка. Случалось, что пластунъ пробирался къ черкесамъ и открыто; вывѣдывалъ всё, что надо, и давалъ знать своимъ. Онъ зналъ все: когда аулъ уйдетъ въ горы отбивать у своихъ сосѣдей, горцевъ же, покѣсы, или отлучится за другимъ какимъ дѣломъ, пластунъ сейчас же даѣтъ знать своимъ, проведѣтъ ихъ во вражеское селеніе — и скоро небо освѣтится пожаромъ, а казаки возвращаются, нагруживъ своихъ коней добычей: цвѣтнымъ платьемъ, серебряными поясами, мѣшками ячменя и стадами коровъ и овецъ.

92. Уральскія горы.

Уральскія горы тянутся съ сѣвера на югъ. На самомъ сѣверѣ онѣ состоятъ изъ голыхъ скалъ. Далѣе къ югу склоны Урала покрываются постепенно лѣсомъ, сперва однихъ хвойныхъ деревьевъ, изъ которыхъ замѣчательны здѣсь: лиственница и кедръ, — а еще южнѣе и лиственныхъ деревьевъ, которыя на западныхъ склонахъ появляются раньше, чѣмъ на восточныхъ, такъ какъ западные склоны теплѣе: ихъ защищаютъ горы отъ холодныхъ сѣверо-восточныхъ вѣтровъ. Здѣсь жители занимаются охотой, рубкою лѣса и постройкой изъ него судовъ или сплѣвами лѣса по рѣкѣ Камѣ на югъ Россіи въ мѣста безлѣсныя, затѣмъ гонкою дѣгтя, смолы, приготовленіемъ различной деревянной посуды. Но главная польза лѣсовъ въ томъ, что, благодаря имъ, люди могли здѣсь построить много горныхъ заводовъ, для которыхъ, какъ извѣстно, необходимъ лѣсъ, какъ топливо. Заводы обрабатываютъ здѣсь различные металлы и минералы, которыми очень богатъ Уралъ. Заводы эти вообще называются горными, почему и весь край, гдѣ они находятся, получилъ названіе *горно-заводскаго*.

Западный склонъ Урала богатъ желѣзомъ и солью, а на восточномъ, кромѣ желѣза, находится много дорогихъ металловъ, какъ-то: *золота, мѣди и платины*. Самое лучшее желѣзо добывается изъ горы Благодать, находящейся въ Пермской губерніи.

93. Печорскій край.

Печорскій край находится между Ледовитымъ океаномъ, Уральскими горами и рѣками Камой и Вычегдой.

Онъ населёнъ русскими, зырянami и самоѣдами. Главныя занятія ихъ состоятъ въ рыболовствѣ, звѣроловствѣ и оленеводствѣ. Дремучіе лѣса въ южной половинѣ этого края сдѣлали здѣшнихъ жителей отличными охотниками, рѣки и море — хорошими рыбопромышленниками и отважными мореходами, а огромныя тундры, своимъ мхомъ доставляющія оленямъ круглый годъ прекрасный кормъ, — опытными оленеводами.

Пустынная страна эта, въ которой часто на разстояніи трехсотъ вёрстъ не попадается ни одной деревушки, лишена удобныхъ путей сообщенія и правильно устроенныхъ дорогъ; только по рѣкамъ сообщаются жители на лодкахъ и небольшихъ судёнышкахъ. Путешествіе по этому краю представляетъ очень много затрудненій: приходится пробиваться всеми средствами — пѣшкомъ, верхомъ, на лодкѣ, гдѣ какъ удобнѣе. Самый удобный путь — водный, и тотъ сопряжёнъ съ опасностью, такъ какъ по верховьямъ рѣчекъ разбросаны часто огромные камни, образующіе пороги, грозящіе заплеснуть или разбить лодку.

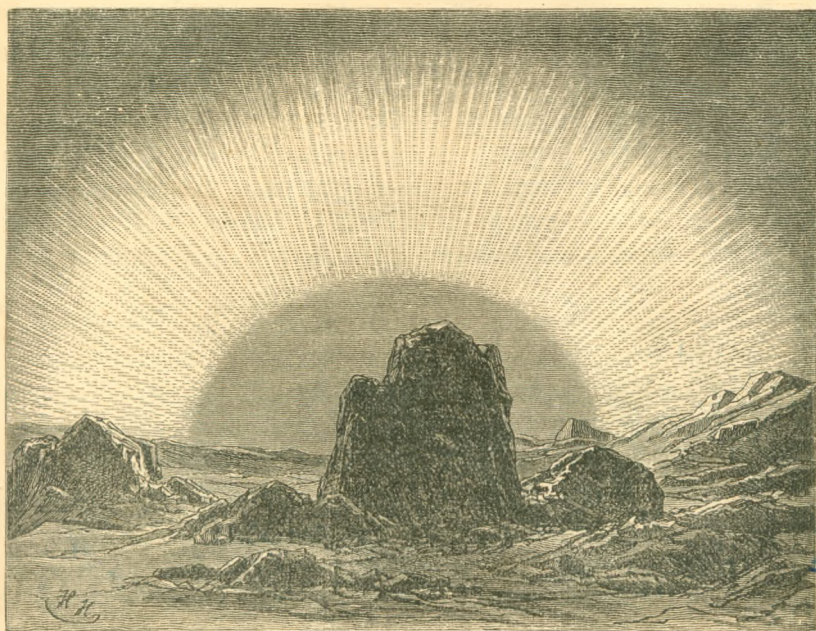
Въ южной части Печорскаго края жители бѣдны. Огромное количество бѣлокъ, которыхъ они настрѣливаютъ, не доставляетъ имъ достаточнаго дохода, потому что продаётся, за неимвіемъ дорогъ, по очень дешёвой цѣнѣ, а хлѣбъ по той же причинѣ очень дѣрогъ.

Зима здѣсь стоитъ долго; настоящее лѣто продолжается мѣсяца два съ половиною, въ теченіе которыхъ солнце почти не скрывается за горизонтомъ, и ночью бываетъ совсѣмъ свѣтло.

94. Тундра и ея обитатели.

Тамъ, гдѣ хвойныя лѣса сѣверной Россіи начинаютъ рѣдѣть, мельчать и наконецъ совсѣмъ исчезаютъ, начинается та мертвая, сѣверная пустыня, которая называется *тундрой*. Эта пустыня — огромное, глубоко промѣрзшее болото, покрытое толстымъ слоемъ мховъ и мелкимъ кустарникомъ.

Постоянные обитатели тундры — самоѣды. Здѣсь они, вмѣстѣ со своими стадами сѣверныхъ оленей, бродятъ отдѣльными семьями и живутъ въ небольшихъ переносныхъ шалашахъ — *чумкахъ*. Жизнь самоѣдовъ тѣсно связана съ жизнью ихъ оленьихъ стадъ, потому что олень доставляетъ самоѣду все необходимое для поддержки его существованія. Молокомъ и мясомъ оленя самоѣдъ питается, изъ шкуры оленя шьетъ свою теплую одежду, его кожей покрываетъ онъ свой чумъ. Сѣверный олень, быстрый и легкій на бѣгу, служитъ самоѣду и для ѣзды (для этого оленей запрягаютъ въ легкія сани). Пищею оленю служитъ мохъ, который онъ зимою самъ себѣ откапываетъ изъ-подъ снѣга. Когда въ одномъ мѣстѣ весь мохъ съѣденъ, самоѣдъ перекочевываетъ съ оленями на другое мѣсто. Лѣтомъ, когда тундра оттаиваетъ и обильно покрывается ягодами (брусникой, клюквой, моршккой), прилетаютъ сюда съ юга во множествѣ гуси, утки, чайки и другія птицы. На это время года самоѣды переселяются со своими стадами въ сѣверную часть тундры; съ наступленіемъ же зимы опять перекочевываютъ къ югу, къ самой крайней лѣсной равнинѣ. Здѣсь и проводятъ они долгую зиму, переходя со своими стадами съ мѣста на мѣсто. Среди мрака долгой сѣверной зимы безжизненная пустыня озаряется по временамъ великолѣпнымъ *сѣвернымъ сіяніемъ*.^[1]

Сѣверное сіяніе.

Сѣверное сіяніе начинается съ того, что на небѣ появляется слабый свѣтъ; потомъ, дѣлаясь все ярче и ярче, этотъ свѣтъ охватываетъ почти половину неба и при этомъ появляются — то свѣтлая дуга, отъ верхней части которой

Сѣверное сіяніе начинается съ того, что на небѣ появляется слабый свѣтъ; потомъ, дѣлаясь все ярче и ярче, этотъ свѣтъ охватываетъ почти половину неба и при этомъ появляются — то свѣтлая дуга, отъ верхней части которой

которой

95. Финляндія и Прибалтійскій край.

Финляндія, или Великое Княжество Финляндское, находится на сѣверо-западѣ Европейской Россіи. Финляндія—страна холодная, покрытая гранитными скалами, хвойными лѣсами и множествомъ озеръ. Жители Финляндіи — *финны*, народъ небогатый, но весьма трудолюбивый. Такъ какъ хлѣбъ въ Финляндіи родится плохо, то, въ подспорье къ земледѣлію, финны занимаются скотоводствомъ, рыболовствомъ и сплавомъ лѣса къ морскому берегу. Прибрежные жители Финляндіи занимаются ещё торговлею, судостроеніемъ и слѣвятся, какъ отличные мореходы. Главный городъ Финляндіи—*Гельсингфорсъ*.

Къ берегамъ Балтійскаго моря, къ югу отъ Финскаго залива, прилегаютъ три губерніи, которыя составляютъ такъ называемый *Прибалтійскій край*. Главное населеніе этого края составляютъ *эсты* и *литвы*; кромѣ того, тамъ живутъ нѣмцы. Собственной земли здѣшнее сѣльское населеніе не имѣетъ, а нанимаетъ её у помѣщиковъ. Почва этого края хоть и неудобна для земледѣлія, но обрабатывается такъ старательно, что даётъ хорошіе урожаи ржи, овса, а больше всего картофеля. Кромѣ пашень, въ этомъ краю имѣются хорошіе луга, а потому здѣшніе жители занимаются разведеніемъ крупнаго рогатаго скота.

Въ Прибалтійскомъ краю находятся два важныхъ торговыхъ города: *Рига* и *Либави*. Эти города посредствомъ желѣзныхъ дорогъ соединены съ внутренними губерніями Россіи. По этимъ дорогамъ свозится въ Ригу и Либаву изнутри Россіи много льна, пеньки, хлѣба и лѣсу; всѣ эти товары по Балтійскому морю отправляются за границу.

96. Сибирь.

За Уральскими горами на востокъ лежитъ Сибирь. Мѣстность въ Сибири очень разнообразна. Вся сѣверная часть Сибири представляетъ пустынную *тундру*. На югъ отъ тундры находятся дремучіе лѣса, состоящіе изъ хвойныхъ деревьевъ. Лѣса эти тянутся широкой полосой во всю длину Сибири и называются *тайгой*. Жизнь въ тайгѣ затруднительна и неудобна. Лѣтомъ здѣсь является такое множество комаровъ и мошекъ, что отъ нихъ нѣтъ покоя ни человѣку, ни животнымъ; зимой же въ тайгѣ бываютъ страшные морозы и мятѣли. Лѣтомъ въ тайгу является множество народа на работу; работа эта состоитъ въ добываніи золота изъ россыпей, которыми тайга богата. Въ зимнее время въ тайгѣ охотятся за пушными звѣрями; ежегодно отсюда отправляютъ внутрь Россіи большое количество мѣховъ. Южнѣе тайги идутъ степи, которыя тянутся далеко на югъ. Почва сибирскихъ степей по большей части очень плодородна; поэтому онѣ заселены довольно густо и жители занимаются успѣшно земледѣліемъ.

По южной границѣ Сибири проходятъ горы, богатые разными металлами и дорогими камнями; здѣсь добываютъ золото, серебро, свинецъ, мѣдь и желѣзо. Въ горахъ этихъ берутъ начало рѣки, изъ которыхъ большая часть течетъ на сѣверъ. Сибирскія рѣки обильны водою и чрезвычайно богаты рыбой.

Населеніе Сибири немногочисленно; оно состоитъ изъ русскихъ и инородцевъ (остяковъ, тунгусовъ, якутовъ, бурятъ, чукчей, гилаковъ). Въ тундрѣ и тайгѣ живутъ бродячіе инородцы, которые занимаются разведеніемъ оленей, охотою на пушныхъ звѣрей и рыбною ловлею; въ степяхъ же живутъ кочевые инородцы, которые занимаются преимущественно скотоводствомъ. Зимой въ сѣверныхъ частяхъ Сибири ѣздятъ на собакахъ.

Остякъ.

Тунгусъ.

Бурятъ.

Якутъ.

Чукча.

Гялякъ.

Ж. ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

97. Откуда и какъ пошла Русская земля.

1. Болѣе тысячи лѣтъ назадъ восточную Европу населяло нѣсколько народовъ, въ томъ числѣ *славяне*, изъ которыхъ образовался русскій народъ. Славяне раздѣлялись на нѣсколько племёнъ, которыя назывались *полянами*, *древлянами*, *сѣверянами*, *кривичами* и т. д. Одно изъ этихъ племёнъ, которое называлось просто славянами, сидѣло по берегамъ озера Ильменя и рѣкѣ Вѣлхова, въ нынѣшней Новгородской губерніи.

У славянъ этихъ былъ городъ Новгородъ, у кривичей—Смоленскъ, у полянъ—Кіевъ. Городовъ тогда было не много, и состояли они изъ такихъ же хижинъ, какъ и селенія, только были огорожены валомъ, рвомъ или тыномъ. Деревянными Русская земля въ то время тоже была не богата; земли было много, а народу мало.

Славяне жили въ то время *родами*: всѣ близкіе и дальніе родственники жили вмѣстѣ и составляли одно или нѣсколько отдѣльныхъ селеній. Одинъ изъ родичей, обыкновенно старшій лѣтѣми, былъ главою цѣлаго рода, цѣлаго поселенія. Онъ назывался *княземъ* и управлялъ общими дѣлами рода: распредѣлялъ занятія, судилъ, мирилъ, наказывалъ, хранилъ общественную казну. Ему оказывали всѣ большой почётъ, какъ старшему, какъ отцу. Грамотъ тогда не знали никто изъ славянъ, да и грамоты славянской ещё не было, а потому судили по старинѣ, по старымъ обычаямъ и порядкамъ. Роды жили особо одинъ отъ другого, широкъ; каждый родъ сообщалъ владѣлъ всею землею, на которой жилъ. Если встрѣчалось дѣло, которое касалось нѣсколькихъ родовъ, то рѣшали его, какъ тогда говорились, *вѣчемъ*, т. е. міромъ; на вѣче сходились всѣ родоначальники. Вѣче вершало всякія дѣла въ одинъ голосъ, т. е. такъ, чтобы всѣ постановили одинъ и тотъ же приговоръ. А какъ до этого дойти было мудрено, то зачастую вѣче кончалось дракой.

2. Славяне были высоки рѣстомъ, стѣтны, крѣпки, легко сносили и стужу и зной. Нрава они были добраго и очень гостепріимны: каждаго странника встрѣчали ласкою, давали ему пріютъ и старались угостить, какъ можно лучше. Выходя изъ дома, славянинъ не запиралъ двери и на столѣ оставлялъ разную ѣду на случай, если зайдётъ странникъ. Съ плѣнными славяне обходились крѣтко и держали ихъ въ рабствѣ нѣсколько лѣтъ, послѣ чего отпускали на волю.

Когда славянинъ умиралъ, трупъ его сжигали на кострѣ вмѣстѣ съ оружіемъ, одеждою и любимымъ конемъ, а кости и пепель собирали и въ посудинахъ ставили на столбѣ. По умершимъ славяне справляли *тризну*, т. е. поминки; собирались родные и друзья, ѣли, пили, вспоминали про дѣла умершаго и устраивали въ честь его разныя игры: боролись между собою, скакали и бѣгали въ перетѣнку.

3. Жили славяне въ избахъ, въ которыхъ дѣлали по два, по три выхода, чтобы легче было уйти при неожиданномъ вражескомъ нападеніи, потому что времена были неспокойныя, и селянину приходилось ждать врага въ любой часъ отовсюду. А что, у зажиточныхъ людей было подорожье, то они прѣтали въ землю; оттого въ прежнія времена многимъ удавалось находить клады.

Славяне пахали пашню и сѣяли хлѣбъ. Кромѣ пахотной работы, жили они и другими промыслами: ловили рыбу, били звѣря лѣсного, разводили стада, водили пчѣлъ, торговали съ окольными народами. Лѣса въ славянскихъ земляхъ стояли огромные, звѣря въ нихъ много было всякаго. Рыбы въ рѣкахъ и

озёрахъ тоже водилось вдоволь. Торгъ славяне вели хлѣбомъ, шкурками звѣринными, вѣскомъ, мѣдомъ. Большого торговаго промысла у нихъ не было, да и быть не могло: времена были безпокойныя, всякій боялся за себя и за своё добро. Земля почти сплошь заросла дремучими лѣсами, вперемѣжку съ топями и болѣтами; дорѣгъ не было. Вездѣ можно было наткнуться на лихихъ людей, на грабителей. Оттого и ѣздили только при нуждѣ и торгъ вели не сухопутнымъ, а больше рѣками.

4. Разселившись широко отдѣльными родами, которые безпрестанно ссорились между собой, славяне не могли давать врагамъ крѣпкаго отпора, и потому сосѣдніе иноплемённые народы заставляли ихъ платить *дань*, подать. Это случилось и съ сѣверными славянами. За Балтійскимъ моремъ жили народы, которыхъ славяне называли *варягами*. Варяги земледѣльствомъ заниматься не любили, а разгуливали въ лёгкихъ лодкахъ по морю да грабили, забываясь иногда въ дальнія страны. Славянъ они знали давно, потому что добывали у нихъ хлѣбъ и мѣхъ; знали ихъ и потому, что черезъ славянскія земли лежалъ имъ путь въ Грецію, куда варяги ходили или на грабёжъ, или нанимались въ службу къ греческимъ императорамъ. Новыясмотрѣвъ всё у славянъ, варяги явились изъ-за моря и на нѣкоторыя племена наложили дань. Племена стали платить дань, только платили не долго; года черезъ два имъ удалось выгнать варяговъ назадъ за море. Избавившись отъ враговъ, они однако не нашли себѣ покоя и мира; родъ всталъ на родъ, пошли неурядицы, война, грабёжъ. Тогда нѣкоторыя славянскія племена собрались на вѣче и стали разсуждать, какъ бы завести у себя миръ и порядокъ. Рѣшили поставить князя, который бы владѣлъ ими и судилъ по праву. А чтобы князь не радѣлъ своему роду больше, чѣмъ другимъ, и не развѣлъ бы прежнихъ смуть и усобицъ, вѣче положило: призвать князя чуждаго, изъ варяговъ, и снарядить для этого пословъ.

Было между варягами одно небольшое плѣмя, которое называлось *Русью*; къ этому-то племени и отправились послы. Пришедши къ варягамъ, послы сказали имъ: „Земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ; приходите княжить и владѣть нами“. И собрались три брата: Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ, съ родичами своими, взяли съ собой всё своё плѣмя Русь и въ 862 году пришли къ славянамъ. Отъ нихъ-то прозвалась земля *Русскою*. Черезъ два года оба младшіе брата умерли. Рюрикъ сталъ княжить одинъ и поселился въ Новгородѣ.

98. О л е г ъ .

По смерти Рюрика княжить сталъ его родственникъ Олегъ, такъ какъ сынъ Рюрика Игорь былъ ещё малолѣтній. Олегъ слышалъ, что на Днѣпрѣ есть богатый торговый городъ Кіевъ, а поэтому онъ собралъ войско и отправился туда, взявъ съ собою и Игоря. По пути онъ покорилъ нѣсколько городѣвъ и оставилъ въ нихъ своихъ управителей. Когда Олегъ приблизился къ Кіеву, онъ спряталъ въ лодкахъ часть своей дружины и послалъ сказать княжившимъ въ Кіевѣ Аскольду и Диру, что земляки, купцы, идутъ въ Грецію и хотятъ съ ними повидаться. Какъ только Аскольдъ и Диръ пришли, воины Олега повѣскакали на берегъ и кинулись на нихъ, а Олегъ сказалъ: „Вы не князья и не княжескаго рода, а я рода княжескаго, и вотъ сынъ Рюриковъ“; тутъ онъ показалъ имъ Игоря. Аскольда и Дира убили, а Олегъ остался въ Кіевѣ и назвалъ его „матерью городамъ русскимъ“. Съ той поры Кіевъ сдѣлался столицей Русской земли.

Нѣсколько лѣтъ спустя, Олегъ собралъ большое войско и поплылъ внизъ по Днѣпру къ Царьграду; число лодокъ доходило до 2000. Греки замкнули гавань цѣпью и затворили городъ. Олегъ велѣлъ вытаскать лодки на берегъ и сталъ воевать около города; разорилъ дворцы, жёгъ церкви, бралъ въ плѣны или убивалъ жителей и всё приближался къ городу. Испугались греки и выслали сказать Олегу: „Не губи города, а возьми лучше дани, сколько хочешь“. Олегъ согласился на миръ, и греки выслали ему много разныхъ кушаній и вина; но онъ не принялъ ни того, ни другого, зная, что хитрые греки приготовили всё съ отравою. Тогда ещё пуще испугались греки и дали Олегу всё, что онъ требовалъ; дали много серебра, золота, драгоценныхъ тканей, плодовъ и вина, на Олега и на всѣхъ его воиновъ. Обогащенный добычею, возвратился Олегъ въ Кіевъ, и народъ прозвалъ своего умнаго и удачливаго князя *вищимъ*, т. е. — волшебникомъ.

По смерти Олега сталъ княжить Игорь. Онъ былъ убитъ древлянами. Послѣ него остались вдова Ольга и сынъ Святославъ, которому было только четыре года. За малолѣтствомъ Святослава, стала править Русской землёй мать его, княгиня Ольга.

99. Ольга правительница.

Убивши Игоря, древляне сказали: „Вотъ мы убили князя русскаго; возьмёмъ же жену его Ольгу за князя нашего Мала, возьмёмъ и сына его, младенца Святослава, и сдѣлаемъ съ нимъ, что хотимъ“. И послали древляне двадцать лучшихъ мужей своихъ къ Ольгѣ. Тѣ въ ладьяхъ спустились по Припяти и Днѣпру къ Кіеву, стали подъ кіевскими горами и послали сказать княгинѣ, что пришли послы древлянскіе. Ольга призвала ихъ и спросила: что имъ нужно? Древляне отвѣчали: „Послала древлянская земля сказать тебѣ такъ: мужа мы твоего убили за то, что онъ былъ хищенъ, какъ волкъ; наши же князья добры и хорошо управляютъ своею землёю;— выйди замужъ за князя нашего Мала“. — „Ваша рѣчь мнѣ прѣвита“, отвѣчала Ольга, „и мужа своего мнѣ уже не воскресить; я же хочу васъ почтить передъ людьми моими. Идите же теперь въ свою ладью и разлягтесь въ ней. Я пошлю за вами утромъ, а вы и скажите: не хотимъ ни на коняхъ ѣхать, ни пѣшкомъ итти; а несите насъ въ ладьяхъ“.

Древляне ушли, а Ольга велѣла выкопать большую и глубокую яму за городомъ, на дворѣ своего тѣрема, и утромъ послала за гостями, сказать имъ: „Зовѣтъ-де васъ Ольга на честь великую“. Они же отвѣчали: „Не ѣдемъ ни на волахъ, ни на коняхъ, ни пѣшкомъ не идѣмъ;— но несите насъ въ ладьяхъ“. — „Что жъ дѣлать?“ отвѣчали кіевляне: „приходится намъ васъ слушаться; князь нашъ убитъ, а княгиня хочетъ выйти замужъ за вашего князя“, — и понесли ихъ въ ладьяхъ; а древлянскіе послы сидѣли и величались. Ихъ принесли на дворъ княжескій и бросили въ яму съ ладьей. „Хороша ли вамъ честь?“ спросила Ольга у древлянъ, наклонившись надъ ямой, и велѣла засыпать ихъ живыхъ землёю.

Потомъ уже сама Ольга послала къ древлянамъ сказать: „Если вы поистинѣ хотите, чтобъ я вышла замужъ за вашего князя, то пришлите за мной побольше лучшихъ людей вашихъ, чтобы мнѣ итти къ вамъ съ великою честью, а то, иначе, кіевляне меня не пустятъ“. Древляне выбрали лучшихъ мужей своихъ, управлявшихъ древлянскою землёю, и послали ихъ за Ольгою. Когда же пришли древлянскіе послы, то Ольга велѣла жарко вытопить баню и сказала: „Пусть

сначала вѣмоются въ банѣ и придуть ко мнѣ“. Когда древлянскіе послы пошли въ баню, ихъ тамъ заперли, а баню зажгли.

Послѣ этого послала Ольга сказать древлянамъ: „Вотъ ужъ я иду къ вамъ; наварите же побольше медовъ и приготовьте пиръ тамъ, гдѣ убили мужа моего; я хочу прежде наплакаться надъ его могилой и сотворить трізну“. Древляне такъ и сдѣлали. Тогда Ольга взяла небольшую дружину и налегкѣ пошла въ древлянскую землю. Поплакала надъ могилой мужа своего и стала праздновать трізну, а отрокамъ своимъ велѣла прислуживать древлянамъ.

Когда же древляне спросили: „Гдѣ дружина наша, которую мы за тобою послали?“ то Ольга отвѣчала: „Идутъ за мною, съ дружиною мужа моего“. Древляне перепились на трізни, — и тогда дружина Ольгина напала на нихъ и перебила до 5000 человекъ. Ольга возвратилась въ Кіевъ.

На слѣдующій годъ Ольга собрала много вѣйска и пошла съ сыномъ своимъ Святославомъ на древлянъ. Древляне были разбиты, разбѣжались и затворились по городамъ. Ольга пошла на главный древлянскій городъ, Искоростень, потому что жители этого города убили мужа ея.

Простояла Ольга подъ городомъ цѣлое лѣто, но не могла взять его. Тогда послала сказать жителямъ: „До чего вы хотите досидѣться въ городѣ? — Всѣ ваши городъ уже отдались мнѣ, взялись платить дань и спокойно падутъ свои нивы; а вы хотите, вѣрно, вымереть голодомъ, жалѣючи дань“. Древляне отвѣчали: „Рады бы мы дать тебѣ дань, но ты хочешь мстить намъ за мужа своего“. Отвѣчала имъ Ольга: „Вы знаете, что я уже отомстила за мужа, и разъ, и два, и три, и отпраздновала по немъ трізну; — не хочу болѣе мстить; дайте мнѣ по три гдубя и по три воробья отъ каждаго дома“. Обрадовались древляне такой легкой дани, собрали отъ каждаго двора по три гдубя и по три воробья и послали къ Ольгѣ съ поклономъ. „Вотъ теперь вы покорились мнѣ и моему сыну“, сказала Ольга, „идите же въ свой городъ, а я завтра отступлю и пойду къ себѣ домой“.

Когда древляне ушли, Ольга раздала голубей и воробьевъ своимъ воинамъ и приказала къ хвосту каждой птицы привязать по тряпочкѣ съ сѣрой, а когда смѣрнется, зажечь эти тряпочки и пустить птицъ. Все такъ и случилось, какъ рассчитала Ольга: гдуби воротились въ свои голубятни, воробьи забились подъ свои кровли, и разомъ загорѣлись все дома въ городѣ, такъ что невозможно было тушить. Побѣжали все люди изъ города; а Ольга велѣла убивать ихъ или брать въ плѣнъ и обращать въ рабовъ. Потомъ пошла Ольга по всей древлянской землѣ и наложила на нее тяжѣлую дань.

Такъ мстила язычница Ольга, по языческимъ обычаямъ, за смерть мужа. Но съ тѣхъ поръ княжила она въ Кіевѣ спокойно и мудро. Ольгѣ было уже болѣе шестидесяти лѣтъ, когда она, въ 955 году, отправилась въ Грецію, въ Царьградъ, и приняла тамъ христіанство. Патріархъ крестилъ ее и далъ ей имя Елены, а царь греческій былъ крестнымъ отцомъ.

Возвратившись въ Кіевъ, Ольга думала склонить и сына своего Святослава принять христіанство. „Я познала истиннаго Бога, сынъ мой, говорила она ему, и радуюся; узнай и ты, и будешь радоваться“. Святославъ же отвѣчалъ: „Какъ мнѣ одному принять новую вѣру? Дружина станетъ смѣяться надо мной!“ Ольга молилась за сына, но принуждать его не хотѣла, говоря: „да будетъ воля Божія! Если Богъ захочетъ помиловать родъ мой и землю Русскую, то обратитъ ихъ къ себѣ, какъ обратилъ меня“.

Князь Владимиръ и крещеніе Руси.

100. Мученическая кончина Θεодора и Іоанна.

Внукъ княгини Ольги Владимиръ сначала былъ ревностнымъ язычникомъ. Онъ поставилъ въ Кіевѣ на холмѣ, предъ своимъ дворцомъ, деревянную статую Перуна съ серебряною головою и золотыми усами. Разъ, по возвращеніи изъ похода, Владимиръ захотѣлъ отблагодарить своихъ боговъ человѣческою жертвою. Бросили жребій, и жребій палъ на Іоанна, сына одного христіанина, по имени Θεодора. Но Θεодоръ не соглашался выдать сына язычникамъ, и говорилъ: *„Ваши боги не боги, а дерево, сегодня есть, а завтра сгніютъ. Есть одинъ только Богъ; Онъ сотворилъ небо и землю, звѣзды, луну и солнце, Онъ же сотворилъ и человека. А ваши боги что сдѣлали? Они сами сдѣланы другими. Не дамъ сына своего вашимъ богамъ“*. Такая рѣчь Θεодора озлобила толпу, и Θεодоръ и Іоаннъ были убиты.

101. Рѣшеніе Владимира принять христіанство.

Мужественная кончина Θεодора и Іоанна и ихъ твёрдая вѣра въ единого Бога сильно поколебали привязанность Владимира къ язычеству, и онъ рѣшилъ перемѣнить вѣру.

Тогда стали приходять къ нему учителя разныхъ вѣръ, и каждый хвалилъ передъ нимъ свою вѣру. Больше всѣхъ подѣйствовала на князя проповѣдь греческаго учителя.

Посоветовавшись съ боярами и старцами, Владимиръ отправилъ послѣвъ къ различнымъ народамъ, чтобы посмотрѣть, какъ кто служитъ Богу. Посланнымъ больше всего понравилось греческое богослуженіе въ Царьградѣ, а потому они, по возвращеніи домой, хвалили греческую вѣру, говоря: *„Вкусивъ сладкаго, не захочешь горькаго; такъ и мы, познавъ греческую вѣру, не хотимъ иной“*. Бояре и старцы сказали Владимиру: *„Государь, если бы худъ была вѣра греческая, то не приняла бы её бабка твоя Ольга, мудрейшая изъ всѣхъ людей“*. Владимиръ рѣшилъ принять христіанскую вѣру греческаго православнаго исповѣданія.

102. Крещеніе Владимира и кіевлянъ.

Вскорѣ послѣ этого Владимиръ пошелъ на греческій городъ Корсунъ и осадилъ его. Съ помощью одного корсунянина, Анастаса, Владимиръ взялъ городъ и послалъ сказать греческимъ царямъ, Василію и Константину, что пойдѣтъ и на Царьградъ, если они не выдадутъ за него своей сестры Анны. Когда узнали объ этомъ цари греческіе, они сильно огорчились и отвѣчали: *„Неприлично христіанамъ выдавать сестеръ своихъ за язычниковъ; если крестись, то и сестру нашу получишь, и вмѣстѣ съ нею царство небесное; если же не хочешь креститься, то не можемъ выдать за тебя нашей сестры“*. Владимиръ отвѣчалъ послѣмъ императорскимъ: *„Скажите царямъ, что я готовъ креститься, потому что я прежде испыталъ вашъ законъ, и мнѣ нравится ваша вѣра и богослуженіе“*. Цари обрадовались отвѣту Владимира и уговорили сестру свою ѣхать въ Корсунъ. Когда царевна прибыла въ Корсунъ, Владимиръ крестился, а послѣ крещенія женился на царевнѣ Аннѣ и отправился съ нею въ Кіевъ.

Въ Кіевѣ князь Владимиръ прежде всего крестилъ своихъ сыновѣй, и затѣмъ велѣлъ немѣдленно истребить всѣхъ идоловъ. Многіе кіевляне тогда же добровольно крестились, но были и такіе, которые крѣпко держались язычества. Тогда Владимиръ велѣлъ объявить по городу, чтобы всѣ некрещёные пришли на рѣку.— „Кто не придѣтъ къ рѣкѣ“, говорили посланные, „тотъ будетъ считаться противникомъ князю“. На другой день утромъ Владимиръ явился на Днѣпръ со священниками. Собралось множество людей. Всѣ вошли въ воду, только малыя дѣти стояли ближе къ берегу; священники стояли тутъ же, пѣли и читали молитвы. Это было въ 988 году.

103. Татарская неволя.

I.

Послѣ князя Владимира установился на Русѣй обычай, по которому каждый князь дѣлилъ свои зѣмли между сыновьями. Отъ этого Русь дробилась всё болѣе и болѣе. Князья жили между собою не всегда согласно, часто ссорились и заводили междоусобныя войны. Только изрѣдка наступали на Русѣ тишина и спокойствіе; такъ было, напр., при великомъ князѣ Владимирѣ Мономахѣ, потому что онъ умѣлъ держать всѣхъ удѣльныхъ князей въ повиновеніи, мирилъ ихъ и не давалъ имъ заводить ссоры.

Княжескими раздорами и несогласіемъ пользовались сосѣдніе народы, которые нападали на русскія области и опустошали ихъ. Особенно страдала Русь отъ половцевъ, жившихъ около Азовскаго моря. Но скоро явились враги сильнѣе и страшнѣе половцевъ,—это были татары.

II.

Въ 1224 году татары пришли изъ Азіи и напали на половцевъ. Ханы половецкіе обратились за помощью къ южнымъ русскимъ князьямъ. Многіе изъ князей собрались на совѣтъ въ Кіевъ.

— „Если мы“, говорили одни изъ князей: „не поможемъ теперь половцамъ, то они передадутся татарамъ и вмѣстѣ съ ними нападутъ на Русскую зѣмлю, тогда хуже будетъ“.

— „Лучше намъ встрѣтить татаръ“, говорили другіе, „на чуждой землѣ, чѣмъ на своей“.

Рѣшено было идти на помощь половцамъ. Встрѣча русскихъ и половцевъ съ татарами произошла на рѣкѣ Калкѣ *). Нѣкоторые изъ русскихъ князей не стали ждать, пока приготовится къ битвѣ вся русская рать, и смѣло ударили на татаръ. За ними вступили въ бой и половцы. На бѣду половцы не выдержали натиска татаръ, обратились въ бѣгство и смѣшали русское войско. Татары воспользовались этимъ и напали на русскихъ. Почти всѣ князья русскіе погибли въ битвѣ, а изъ вдиновъ очень немногіе воротились домой. Послѣ этого татары однако не пошли на Русскую зѣмлю, а ушли опять въ Азію.

III.

Тринадцать лѣтъ о татарахъ не было никакого слуха, и русскіе стали успокоиваться. Какъ вдругъ въ 1237 году огромныя татарскія полчища, подъ предводительствомъ Батѣя, напали на Русскую зѣмлю. Истребивъ жившихъ на рѣкахъ

*) Рѣка Калка впадаетъ въ Азовское море.

Волгѣ и Камѣ болгарь, они двинулись на Рязанскую область. Князь рязанскіе послали въ городъ Владимиръ за помощью къ великому князю Юрію, но у него войско ещё не было собрано. Татары послали сказать рязанскимъ князьѣмъ, чтобы тѣ изъявили покорность и отдали десятую часть всего имущества. Князьѣ отвѣтили: „Когда изъ насъ никого не останется въ живыхъ, тогда возьмете все“.

Татары шли къ Рязани, разоряя всё городѣ на пути. Наконецъ они осадили Рязань. Пять дней продолжалась осада; на шестой день татары сдѣлали проломъ въ стѣнѣ, зажгли городъ и ворвались туда. Вся Рязань была обращена въ груды развалинъ и пепла.

Изъ Рязани татары двинулись на Владимиръ. Когда они подступили ко Владимиру, великаго князя Юрія нѣ было въ городѣ: онъ собиралъ войско. Татары окружили городъ и стали готовиться къ приступу. Батый велѣлъ громить стѣны толстыми брёвнами. Городъ былъ взятъ и сожжёнъ. Семья великаго князя и многіе бояре погибли въ пламени.

Когда до великаго князя Юрія, стоявшаго съ войскомъ на рѣкѣ Сити *), дошла вѣсть о гибели его семьи и города Владимира, онъ горько заплакалъ. — „Господи“, говорилъ онъ, „развѣ пришёлъ для меня конецъ Твоему милосердію!... Лучше мнѣ умереть, чѣмъ жить на этомъ свѣтѣ. Ради чего останусь жить“? Но мужество не покинуло его. Вскорѣ татары напали на его рать. Русскіе бились отчаянно, но татары всё-таки одолѣли своею численностью. Въ этой битвѣ погибъ великій князь и множество воиновъ.

Отсюда татары направились къ Новгороду, разоряя на пути городѣ и сѣла. До Новгорода татары однако не дошли: весенняя распутица и разлившіяся рѣки испугали ихъ; они воротились назадъ въ земли половецкія. На обратномъ пути татары разорили ещё нѣсколько городовъ, и между ними Козельскъ. Жители Козельска отбивались цѣлыхъ семь недѣль, такъ что татары назвали его злымъ городомъ.

IV.

Изъ земель половецкихъ татары снова двинулись на Русь и въ теченіе двухъ лѣтъ опустошали южныя русскія области. Князьѣ русскіе попрежнему бились отдѣльно, а не вмѣстѣ; татары вездѣ оставались побѣдителями, брали городѣ и сѣла, грабили имущество, а жителей убивали или уводили въ плѣнъ. Въ это время былъ разорёнъ и Кіевъ. Кіевъ такъ понравился татарамъ, что они хотѣли пощадить его и предложили кіевлянамъ сдаться. Но кіевляне не согласились и приготовились къ защитѣ. Татары, словно туча, облегли Кіевъ: отъ скрипа телѣгъ, ржанія коней и крика татаръ кіевляне не могли при разговорѣ слышать другъ друга. Долго длѣлась осада; наконецъ татары пробили стѣну и ворвались въ городъ. Жители защищались отчаянно, и почти всё пали въ битвѣ; Кіевъ былъ разорёнъ.

Съ той поры татары завладѣли Русью. Они не остались въ Россіи, а заняли юго-восточныя степи и основали въ низовьяхъ Волги особое царство—*Золотую Орду*.

Управленіе на Руси осталось прежнее, но весь народъ былъ обложенъ данью, а князьѣ должны были ѣздить въ Орду и выправлять *ярлыкъ*, то-есть грамоту на княженіе.

*) Рѣка Сить находится въ Ярославской губ.

104. Великій князь Александръ Невскій.

Александръ оказалъ Россіи большую услугу ещё въ то время, когда онъ былъ только княземъ Новгородскимъ. Въ это время шведы задумали завладѣть новгородскими землями, чтобы обратить русскихъ въ католическую вѣру.

Король шведскій послалъ зятя своего, Биргера, на ладьяхъ въ Неву, къ устью Ижоры, съ великимъ числомъ шведовъ, норвежцевъ, финновъ. Сей вождь опытный, дотогѣ счастливый, думалъ завоевать Ладогу, самый Новгородъ, и велѣлъ надмѣнно сказать Александру: „работрствуй (борись) со мною, если смѣешь; я стою уже на землѣ твоей“. Александръ не изъявилъ ни страха, ни гордости посламъ шведскимъ, но спѣшилъ собрать войско; молился съ усердіемъ въ Софійской цѣркви, принялъ благословеніе архіепископа Спиридона и, вышедши къ своей малочисленной дружинѣ, съ веселымъ лицомъ сказалъ: „*Насъ немного, а врагъ силенъ; но Богъ не въ силѣ, а въ правдѣ: идите съ вашимъ княземъ!*“ Онъ не имѣлъ времени ждать помощи отъ Ярослава, отца своего; самѣ новгородскіе воины не успѣли всѣ собраться подъ знамена; Александръ выступилъ въ поле и 15-го іюля 1240 г. приблизился къ берегамъ Невы, гдѣ стояли шведы.

Съ необыкновенной быстротѣю напалъ Александръ на шведовъ. Всполошились они, когда новгородцы внезапно ударили на нихъ и стали рубить ихъ топорами и мечами прежде, чѣмъ они успѣли схватиться за оружіе. Александръ самъ сражался въ первыхъ рядахъ и нанёсъ рану въ лицо Биргеру: „возложилъ ему печатъ на лицо“, по словамъ лѣтописца. Шведы были разбиты наголову. Ночью, не дожидаясь разсвѣта, остатки шведскаго войска уплыли въ море.

Велика была радость новгородцевъ. Всѣ славили Александра какъ неустрашимаго вождя. За эту побѣду и прозвали его *Невскимъ*.

Наслѣдовавши по смерти отца своего, великаго князя Ярослава Всеволодовича, великокняжескій престолъ, Александръ Невскій переселился въ столичный городъ Владимиръ и долженъ былъ ѣхать на поклонъ къ хану Батыю. Александръ любилъ отечество болѣе княжеской чести своей, болѣе самой жизни. Онъ не хотѣлъ подвѣргнуть Русскую зѣмлю новымъ бѣдствиямъ и смиренно поѣхалъ въ Ордѣ, гдѣ Батый принялъ его ласково. Александру Невскому не разъ приходилось ѣздить въ Ордѣ, чтобы умилостивить хана и защитить передъ нимъ своихъ подданныхъ.

Возвращаясь въ послѣдній разъ изъ Ордѣ, Александръ Невскій въ Городцѣ Вдлжскомъ, селѣ Нижегородской губерніи, тяжело занемогъ и, предчувствуя близкую смерть, сдѣлалъ нужныя распоряженія, благословилъ всѣхъ окружавшихъ его и со всѣми простился. Онъ скончался въ ноябрѣ 1263 г., на 44-мъ году своей жизни.

Митрополитъ Кириллъ жилъ тогда во Владимирѣ. Свѣдавъ о кончинѣ великаго князя, онъ въ собраніи духовенства воскликнулъ: „солнце отечества закатилось!“ Никто не поднялъ сей рѣчи. Митрополитъ долго безмолвствовалъ, залился слезами, и сказалъ: „не стало Александра!“ Всѣ оцѣпенѣли отъ ужаса: ибо Александръ Невскій казался необходимымъ для государства, и по лѣтамъ своимъ могъ бы жить ещё долгое время. Духовенство, бояре, народъ въ глубокой скорби повторяли одно слово: „погибаемъ!“... Тѣло великаго князя везли въ столицу (Владимиръ); несмотря на жестокій зимній холодъ, митрополитъ, князья, всѣ жители Владимира шли навстрѣчу ко гробу до Боголюбова; не было человѣка, который бы не плакалъ и не рыдалъ; великому хотѣлось облобызать мѣртваго и сказать ему, какъ живому, чего Россія въ нёмъ лишилась.

105. Возвышеніе Москвы.

Пятьсотъ лѣтъ тому назадъ Москва не была такая большая, какъ теперь. Тогда это былъ маленькій деревянный городокъ. На той горѣ, гдѣ теперь Кремль, стоялъ небольшой княжескій теремъ со службами да пристройками и съ одной деревянной цѣрковью, которая нынѣ называется „Спасъ на Борѣ“. Кругомъ горы были покрыты еще густымъ лѣсомъ, и кой-гдѣ развѣ расчищены мѣста для пашни, да кой-гдѣ стояли слободы или деревушки.

Въ городкѣ и въ этомъ теремѣ проживалъ внукъ Александра Невскаго, Іоаннъ Даниловичъ, по прозванію Калита. Митрополитомъ въ то время былъ Пётръ, и митрополиты жили во Владимірѣ на Клязьмѣ, столицѣ великихъ князей.

Объѣзжая свою паству, митрополитъ Пётръ часто заѣзжалъ въ Москву къ князю Іоанну Даниловичу. Полюбился ему этотъ князь. Въ маленькомъ городкѣ, въ бѣдномъ теремѣ, надъ Москвою-рѣкою, частенько долго и по душѣ бесѣдовали князь съ митрополитомъ о несчастныхъ дѣлахъ Русской земли, какъ всё-то князья ссорятся другъ съ другомъ, никого не слушаются: татары вишиваются въ ссоры ихъ и идѣтъ повсемѣстная война и разореніе. Митрополитъ говоритъ Іоанну Даниловичу: „Всѣхъ перевидалъ я князей и всѣхъ знаю. Есть между ними и добраго нрава, да горячіи и легкомысленны, въ даль не смѣтрянъ, а только думаютъ, какъ бы нынѣ прошло хорошо; думаютъ о себѣ, а не о народѣ, не о всей Руси. И отъ раздѣленія ихъ вся Русь пополамъ распалась: одна часть подъ Литву подпала, другая подъ татаръ. А князьмъ и горя мало: они не думаютъ о томъ, какъ бы дѣло повести такъ, чтобы хоть со временемъ дѣтямъ и внукамъ совсѣмъ отъ татаръ избавиться. Изъ всѣхъ князей только ты, Іоаннъ Даниловичъ, нрава твёрдаго и умъ великаго. Принимайся съ Богомъ за собираніе земли подъ одну руку твою. Ты бережливъ, казни у тебя много, и такъ тебя прозвали Калитой—полный мѣшочекъ. Скупай отъ князей села и города, имъ деньги нужны, задаромъ вѣлости продаютъ. И устройся такъ, чтобы у тебя народу было жить хорошо, и народъ отовсюду къ тебѣ потянетъ. А я въ Москвѣ поселюсь и въ ней свой престолъ митрополитіи поставлю, и буду помогать тебѣ совѣтомъ и дѣломъ, и молитвами моими предъ Господомъ. Пророчу тебѣ, что если ты меня во всѣмъ послушаешь, то и самъ прославишься съ рѣдомъ твоимъ, и городъ твой прославится надъ всѣми русскими городами“. Такъ бесѣдовалъ митрополитъ съ княземъ, и послушался его князь Іоаннъ Даниловичъ. Сталъ онъ скупать какъ можно больше земель отъ соедѣнныхъ князей; иные, можетъ-быть, и знали его тайную думу объ освобожденіи отъ татаръ, а потому и сами отказывали ему, умирая, свои владѣнія. Отъ этого при нёмъ и при сыновьяхъ его Московское княжество заняло всѣ земли между Окдой и Вѣлымъ озеромъ и Сухоней, нынѣшнія губерніи Московскую, Ярославскую, Костромскую и часть Новгородской; средняя Волга, отъ Углича до впаденія въ неѣ Ветлуги, вся протекала ужъ по московскимъ землямъ. По Волгѣ и Ока шла съ давнихъ времёнъ вся судовая торговля Россіи изъ-за Новгорода отъ Балтійскаго моря въ Азію, и обратно. Іоаннъ Даниловичъ устроилъ въ Молдгѣ большую ярмарку; онъ всю землю свою постарался очистить отъ разбѣйниковъ и по рѣкамъ учинилъ стражу, устроилъ правильный судъ и съ татарами вѣлъ дѣла такъ, что они не показывались въ его владѣніяхъ, и была при нёмъ на Русѣ тишина великая, и въ землю его стало переходить много народу изъ другихъ княжествъ; народъ сталъ богатѣть отъ промысловъ и торговли; а самъ московскій князь сдѣ-

ладея черезъ то богаче и сильнѣе другихъ князей. И начали переѣзжать къ нему отъ другихъ князей самыя знатныя и умныя бояре, дѣлались ему помощниками, и вмѣстѣ съ нимъ стали думать тайную дѣлу, какъ бы избавиться отъ Орды.

Умеръ Іоаннъ Даниловичъ Калита (въ 1340 г.), а дѣла его не умерла при сынѣ его Симеонѣ Гордомѣ. Симеонъ уже сталъ называться великимъ княземъ всей Руси и гордо держалъ себя съ князьями и татарами. Можетъ-быть, и готовился онъ нанести Ордѣ рѣшительный ударъ, какъ вдругъ, въ 1353 году, пришла въ Россію страшная моровая язва, чѣрная смерть; цѣлыя области опустѣли; въ нѣкоторыхъ городѣхъ не осталось ни одного человѣка, и самъ великій князь Симеонъ, во цвѣтѣ лѣтъ и мѣжества, заразился и умеръ.

106. Великій князь Димитрій Донской.

Внукъ великаго князя Іоанна Даниловича Калиты, Димитрій Іоанновичъ задумалъ освободить Россію отъ татарскаго яга. Въ то время (во второй половинѣ четырнадцатаго вѣка) ханомъ Золотой Орды былъ Мамай. Димитрій Іоанновичъ пересталъ платить ему дань. Мамай собралъ огромное войско и пошелъ на русскаго князя. Димитрій Іоанновичъ тоже сталъ собирать войско. 22 августа 1380 года двинулся онъ изъ Москвы въ Колодмну, гдѣ собралось уже все русское войско, до двухсотъ тысячъ человѣкъ.

Затѣмъ Димитрій Іоанновичъ повелъ все войско въ степь навстрѣчу татарамъ, перешелъ рѣку Донъ и остановился при впадении въ него рѣки Непрядвы на полѣ Куликовомъ (въ нынѣшней Тульской губерніи). Часть войска великій князь оставилъ въ засадѣ подъ начальствомъ двоюроднаго брата своего Владимира Андреевича, а съ главными силами рѣшилъ начать битву.

Восьмого сентября нахлынули орды Мамай. Едва разсѣялся утренній туманъ, полчища ордѣнскія открылись на всемъ протяженіи обширнаго Куликова поля. „Богъ намъ прибѣжище и сила“! воскликнулъ Димитрій Іоанновичъ. Началась съча лютая и ужасная.

Три часа длилась битва, и ничто еще не рѣшалось. Поле Куликово взмѣкло кровью и завалено было тѣлами поверженныхъ на нѣсколькихъ верстахъ. Видя, что татары одолеваютъ, во многихъ мѣстахъ гонятъ русскихъ и въ ослѣплении побѣды разстроили ряды свои, Владимиръ Андреевичъ вышелъ изъ засады, ударилъ въ тылъ врагамъ — и побѣда рѣшилась! Мамай, стоявшій вдаль на высокомъ пригоркѣ, увидѣвъ пораженіе, заскрежеталъ зубами: „Великъ Русскій Богъ“! простоналъ онъ и ударился бѣжать... За нимъ, въ безпорядкѣ, побѣжало все его остальное войско, и русскіе возгласили побѣду, погнались за татарами. Пораженіе татаръ было неописанное, богатая добыча досталась побѣдителямъ.

Димитрій Іоанновичъ не хотѣлъ самъ лично оставаться внѣ битвы. „Какъ могу я сказать другому: иди впередъ, если стану скрываться“! говорилъ онъ, бился на рядѣ съ простыми воинами, и найденъ былъ потомъ, жестоко израненный, въ ближайшемъ лѣсу, куда укрылся онъ, моля Бога о побѣдѣ. Какою радостью исполнилось сердце Димитрія Іоанновича, когда его окружили побѣдители и воскликнули: „Радуйся, князь великій, твоя побѣда“! Забывая *тягость ранъ*, князь выѣхалъ на поле битвы, благодарилъ всехъ, плакалъ отъ радости, осматривалъ раненныхъ, скорбѣлъ о смерти храбрыхъ...

Много князей, бояръ, воеводъ лежало на кровавомъ полѣ Куликовомъ. Татаръ истреблено было безъ числа...

Съ честью похоронивъ убитыхъ, Дмитрій и побѣдоносное вѣдѣство его обратились въ возвратный походъ.

Дмитрій Иоанновичъ въ память этой побѣды прѣзванъ *Донскимъ*.

107. Великій князь Иоаннъ III Васильевичъ. Конецъ татарской неволи.

Калита началъ собираніе Русской земли, а его праправнукъ Иоаннъ III докончилъ это дѣло, объединилъ всю Русь и сталъ единоподержавнымъ государемъ всей Русской земли. Удѣльные княжества измельчали, ослабѣли и мало-по-малу слились съ Москвою. Оставалось пока только нѣсколько маленькихъ удѣловъ; но князья ихъ тихо доживали свой вѣкъ, не заводили усобицъ и во всемъ повиновались московскому князю. Одни только новгородцы не признавали еще власти Москвы и хозяйничали у себя, какъ хотѣли. Новгородъ изстари имѣлъ свой особый бытъ, отличный отъ другихъ городовъ; онъ уже съ давняго времени славился своей торговлей; отъ торговли Новгородъ разбогатѣлъ, сталъ самымъ большимъ и многолюднымъ городомъ на Руси. Его вѣльные дружины разбрелись въ разныя стороны и мало-по-малу покорили весь сѣверный край: самъ же Новгородъ никому не подчинился, называлъ себя „Господиномъ Великимъ Новгородомъ“ и жилъ по своей волѣ. Всѣми дѣлами заправляло въ немъ *вече*, т. е. народное собраніе. По зову вѣчеваго колокола, всѣ жители города собирались на площадь и сообща судили и рядили о дѣлахъ. Но порядка тамъ было мало: всѣ кричали, спорили, и нерѣдко цѣлыя улицы, цѣлыя концы города вступали между собою въ схватку, чтобы силою рѣшить споръ. Пока въ Русской землѣ шли усобицы, никто не могъ нарушить вѣльности Новгорода: одинъ князь пойдѣтъ противъ него, такъ другой, бывало, заступится. Но когда усилилась Москва, и всѣ удѣльные князья или слились съ Москвою, или стали ея подручниками, новгородцамъ не у кого было просить помощи, и вотъ они задумали отдаться подъ защиту князя литовскаго. Узнавъ объ этомъ, Иоаннъ быстро подступилъ къ Новгороду съ войскомъ и взялъ съ него богатый дѣкупъ, а черезъ нѣсколько лѣтъ онъ покончилъ съ Новгородомъ совѣмъ; новгородцы присягнули Иоанну, какъ своему государю.

Покончивъ съ удѣлами, Иоаннъ Васильевичъ принялся за другое важное и трудное дѣло — за уничтоженіе татарской неволи. Въ то время, какъ Русь собиралась вокругъ Москвы и крѣпла, Орда татарская, наоборотъ, все дробилась и слабѣла. При Иоаннѣ III она раздѣлена была на три враждебныя другъ другу царства: Золотое, Казанское и Крымское; а неволя татарская состояла лишь въ томъ, что Московскій князь ежегодно посылалъ хану Золотой Орды небольшую дань. Не тяжело это было для русскаго народа, но позорно, и Иоаннъ рѣшился прекратить навсегда этотъ позоръ. Когда послѣ татарскіе явились однажды за обычною данью, Иоаннъ выгналъ ихъ и разорвалъ ханскую грамоту. Тогда ханъ Ахматъ двинулся на Москву со своей ордой; но на берегахъ Угры встрѣтилъ сильное русское войско: русскіе стояли по одну сторону Угры, татары по другую. Такъ простояли они другъ противъ друга нѣсколько мѣсяцевъ. Когда наступили морозы, и рѣка покрылась льдомъ, войска наши снялись и пошли назадъ; татары думали, что русскіе строятъ имъ засаду, хотятъ обойти ихъ съ тылу, и тоже повернули назадъ. Въ это время Крымскій ханъ, другъ Иоанна, напалъ на Золотую Орду и въ конецъ разорилъ ее. Такимъ образомъ, умный и осторожный Иоаннъ III, ровно черезъ сто лѣтъ послѣ Куликовской битвы (въ 1480 г.), освободилъ Русь отъ двухсотъ-пятидесяти-лѣтней татарской неволи, не проливъ ни одной капли русской крови.

108. Царь Іоаннъ IV. Завоеваніе Казанскаго царства.

Не платили болѣе великіе князья московскіе дани татарамъ. Но и при сынѣ Іоанна III — Василіи Іоанновичѣ — татары продолжали дѣлать набѣги на русскія области: жгли городѣ и сѣла, грабили и убивали тамъ жителей и въ плѣны отводили. Внуку Іоанна III-го, Іоаннъ IV Грозный, принявшій при вѣнчаніи на царство въ 1547 году титулъ царя, рѣшился положить конецъ этимъ набѣгамъ. Для этого нужно было завоевать татарское Казанское царство.

Іоаннъ созвалъ воеводъ и сказалъ имъ: „Не пощадимъ головъ своихъ за братьевъ нашихъ православныхъ, которые много лѣтъ томятся въ плѣну татарскомъ“. Воеводы отвѣчали ему: „Мы готовы съ тобою умереть, сражаясь съ татарами“.

Русское войско осадило столицу Казанскаго царства. Пять недѣль стояли они подъ Казанью. Татары часто дѣлали вылазки, храбро бились съ русскими. Самъ Іоаннъ распоряжался всѣми дѣлами осады.

Однажды дошли до него слухи, что казанцы добываютъ себѣ воду изъ ключа близъ рѣки Казанки: ходятъ туда за водою тайнымъ подземнымъ ходомъ.

Задумалъ царь отнять у нихъ воду, чтобы принудить сдаться. Для этого приказалъ онъ бывшему при его войскахъ нѣмцу-инженеру взорвать на воздухъ подземный ходъ. Нѣсколько дней рылись въ землѣ и наконецъ услышали надъ собою голоса людей, которые ходили за водою. Подвели подкопъ, вкатили въ него бочки съ пороховъ, взорвали подземный ходъ, и часть стѣны городской взлетѣла на воздухъ. Провели и еще подкопы подъ городъ и взорвали стѣны съ башнями. Іоаннъ двинулъ войско на приступъ 1-го октября 1552 года.

Татары бились храбро, но Іоаннъ принёсъ молитву Богу, сѣлъ на коня и поѣхалъ самъ къ войску, которое уже вступило въ городъ и рѣзалось съ татарами на улицахъ. Видя царя своего, русскіе одушевились и одолѣли казанцевъ.

Взявъ Казань, Іоаннъ заложилъ здѣсь соборную церковь, назначилъ въ Казань воеводу, а самъ возвратился въ Москву.

Нѣсколько дней праздновалъ онъ здѣсь покореніе Казанскаго царства.

109. Ермакъ Тимофеевичъ.

Съ того времени, какъ начались раздоры между князьями и татары овладѣли Русью, многіе русскіе люди стали уходить на югъ, въ привольныя стѣны; здѣсь они селились по берегамъ Дѣна, Днѣпра и другихъ рѣкъ, жили совершенно свободно, а потому прозваны *казаками* *). Казаки занимались рыбною ловлею, земледѣліемъ, но болѣею частію проводили время въ разбояхъ и набѣгахъ на татаръ.

При царѣ Іоаннѣ IV Васильевичѣ разбѣи казаковъ усиллись; дошло дѣло до того, что казаки начали нападать даже на суда, которыя плавали по Волгѣ. Особенный страхъ нагонилъ на всѣхъ въ то время *донской* казакъ Ермакъ; со своею шайкою онъ не давалъ проѣзду по Волгѣ ни царскимъ посламъ, ни купцамъ. Чтобы усмирить Ермака и переловить его шайку, царь послалъ на Волгу большой отрядъ войска. Но Ермакъ узналъ объ этомъ и убѣжалъ на рѣку Каму.

*) *Казакъ* — слово татарское и значитъ: *вольный человекъ*.

На рѣкѣ Камѣ жили въ то время именитые люди Стрѣгановы. Они выпросили себѣ у государя пустопорожныя земли, которыя были богаты соляными источниками и разными рѣдами. Царь отдалъ Стрѣгановымъ эти земли, но съ тѣмъ, чтобы они сами содержали ратныхъ людей и защищали русскія земли отъ сосѣднихъ дикихъ народовъ.

Мало показалось Стрѣгановымъ этой земли; выпросили они у царя позволеніе занять земли и далѣе за Уральскими горами. Въ это-то время и явился Ермакъ къ Стрѣгановымъ со своими казаками. Стрѣгановы приняли его съ великою честью и предложили ему послужить доброму дѣлу, — занять земли за Уральскими горами. По душѣ пришлось Ермаку это дѣло, радъ онъ былъ повоевать съ татарами и другими сибирскими народцами.

Стали Стрѣгановы снаряжать казаковъ за Уралъ; дали имъ отъ себя еще триста человекъ ратныхъ людей; снабдили ихъ одеждой, и запасами, и воинскими доспѣхами, и ружьями, и маленькими пушечками; свинцу и пороху дали вдволю, и проводили ихъ съ молебномъ на судахъ въ дальній путь, въ землю Сибирскую.

110. Покореніе Сибири.

Поплыли молодцы Ермака по рѣкамъ до хребта Уральского, а потомъ, перешедши хребетъ, стали спускаться по рѣкамъ же къ Иртышу, по пути къ нынѣшнему Тобольску. Тутъ пришлось имъ драться съ непріателемъ: татары со всѣхъ сторонъ осыпали ихъ стрѣлами; но казаки грянуть изъ пушекъ и пищалей, и цѣляя толпы враговъ разбѣгаются, пугаясь невиданнаго оружія, какъ грома и молніи. Такъ покорили они до самаго Иртыша татарскія селенія, или улусы.

Въ защиту Сибири вышелъ съ войскомъ Маметкулъ, племянникъ татарскаго князя Кучума. Казаки разбили его въ нѣсколькихъ стѣчкахъ; по число ихъ поубавилось. Нѣкоторые уже стали толковать, не лучше ли вернуться назадъ.

„Нѣтъ! сказали атаманы: вспомнимъ своё обѣщаніе, данное честнымъ людямъ, Стрѣгановымъ, не побѣдимъ, хоть бы пришлось умереть всѣмъ до единаго. По смерти останется о насъ добрая память, и наша слава не умрѣтъ вѣки“.

Казаки отважно бросились на засѣку, гдѣ защищался самъ Кучумъ, взяли еѣ и овладѣли городкомъ Сибирью; тутъ досталось имъ множество золота и серебра, дорогихъ парчей, мѣховъ и всякой другой добычи.

Ермакъ, ставъ господиномъ земли, ласково обходился съ мѣстными жителями, которые ему покорились, требовалъ лишь небольшой дани и строго наказывалъ своихъ казаковъ за малѣйшій грабѣжъ, или за какое другое насиліе.

Скоро съ шестьюдесятью удалцами пробрался онъ тайкомъ въ татарскій станъ и взялъ въ плѣнъ самогò Маметкула; потомъ ходилъ по Иртышу до Оби и возвратился побѣдителемъ. Тогда наконецъ извѣстилъ онъ Стрѣгановыхъ о своихъ побѣдахъ и послалъ къ царю съ повинною и богатою данью, состоявшею изъ драгоценныхъ мѣховъ, одного изъ самыхъ храбрыхъ своихъ товарищей, атамана Кольцо.

111. Іоаннъ IV Васильевичъ принимаетъ Сибирское царство подъ свою руку.

Иванъ Кольцо пріѣхалъ въ Москву въ самое печальное время. Только что заключенъ былъ съ Польшею миръ. По этому миръ царь потерялъ всѣ свои

завоеванія въ Ливонской землѣ, берега Балтійскаго моря, столь для Россіи не-обходимые, Пдлоцеъ и другіе городѣ. Мраченъ былъ грозный царь. Вся Москва трепетала, словно передъ бурей.

И вдругъ докладываютъ царю, что пріѣхалъ гонецъ отъ Строгановыхъ и съ нимъ какіе-то казаки изъ Сибири.

Вводятъ Ивана Кольцо съ товарищами. Они пали передъ государемъ на землю, какъ преступники; Иванъ Кольцо положилъ себѣ на голову грамоту. Царь велѣлъ дяку взять, распечатать и читать грамоту. Дьякъ прочёлъ. Государь велѣлъ Ивану Кольцо встать, и всё дѣло рассказать—и что они за люди.

И повѣдалъ Кольцо безъ утайки всю правду истинную, что они тѣ самые воровскіе казаки, о которыхъ писано въ царскихъ указахъ, и какъ они пришли къ Строгановымъ и какъ въ Сибирь пошли и прочее.⁹

И объ Ермакѣ всё доподлинно рассказали.

Царь выспрашивалъ всё до мелочи и, обратясь къ казакамъ, объявилъ, что всё винъ ихъ онъ съ нихъ снимаетъ и за службу жалуетъ своимъ государевымъ жалованьемъ. „А къ храброму воеводѣ вашему“, заключилъ онъ, „князю Сибирскому Ермаку Тимоѣевичу, помѣчь пошлю и велю отписать къ нему мою царскую грамоту“. И допустилъ онъ казаковъ къ рукѣ, и одарилъ ихъ, и велѣлъ ихъ продовольствовать съ царскаго стола. Потомъ всталъ съ кресель—поднялись и бояре—и приказалъ государь тотчасъ же служить въ Успенскомъ соборѣ молебень, и по всей Москвѣ, и по всему царству звонить въ колокола и объявить народу, что Богъ въ милостяхъ Своихъ къ нему не оскудѣваетъ: послалъ державѣ Россійской великое приращеніе.

И великое было по Москвѣ ликованіе.

112. Смутное время.

По смерти царя Іоанна IV Васильевича осталось два сына: Ѳеодоръ и Дмитрій. Старшій изъ нихъ, Ѳеодоръ Іоанновичъ сталъ царствовать, а царевичъ Дмитрій поселился со своей матерью въ городѣ Угличѣ (Ярославской губерніи). Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ былъ бездѣтенъ, а потому послѣ него долженъ былъ вступить на престолъ царевичъ Дмитрій.

Но совершенно неожиданно царевичъ скончался. Въ народѣ прошёлъ слухъ, что царевичъ былъ убитъ и что убійцъ подослалъ шуринъ царя, Борисъ Годуновъ, которому самому захотѣлось сдѣлаться царемъ.

Шесть лѣтъ спустя царь Ѳеодоръ Іоанновичъ скончался, а супруга его постриглась въ монахини. Царемъ былъ избранъ бояринъ Борисъ Годуновъ.

Борисъ Годуновъ царствовалъ вначалѣ благополучно, а потомъ пошли разныя невзгоды: сдѣлался страшный голодъ и появился морь, отъ котораго погибло много народа. Наконецъ разнёсся слухъ, что царевичъ Дмитрій живъ. И дѣйствительно, въ Польшѣ явился обманщикъ, который выдавалъ себя за царевича Дмитрія и говорилъ, что въ Угличѣ былъ убитъ другой мальчикъ, а онъ спасся. Это былъ Григорій Отрепьевъ, сынъ бѣднаго приказнаго изъ города Углича. При помощи поляковъ самозванецъ собралъ войско и двинулся въ Россію отнимать престолъ у Бориса Годунова.

Народъ былъ недоволенъ Борисомъ Годуновымъ, а потому русскіе городѣ одинъ за другимъ стали передаваться на стѣрону самозванца; войско, посланное

противъ него, также перешло на его сторону. Въ это время Борисъ Годуновъ умеръ, а самозванецъ вступилъ въ Москву и сдѣлался царёмъ. Но царствовать ему пришлось недолго. Димитрій нарушалъ русскіе обычаи и покровительствовалъ католической вѣрѣ. Русскіе люди подъяли обманъ и образумились; въ Москвѣ произошло возстаніе, во время котораго самозванецъ былъ убитъ — и царёмъ былъ избранъ бояринъ Василій Шуйскій.

Однако смуты послѣ этого не прекратились. Новый царь не былъ по сердцу ни боярамъ, ни простому народу. Пошло между людьми колебаніе, появилась и измѣна. Пронёсся слухъ, что царь Димитрій живъ. Положеніе царя Василя было очень затруднительное: къ Москвѣ подступилъ второй самозванецъ, а Смоленскъ осадилъ польскій король Сигизмундъ, который хотѣлъ воспользоваться смутами на Русей. Такъ какъ Василій Шуйскій не могъ защитить Русскую землю отъ самозванца и поляковъ, то онъ былъ низведенъ съ престола, и Россія осталась безъ царя.

Нужно было выбрать царя, но между русскими стояла рознь: одни хотѣли самозванца, другіе — польскаго королевича Владислава, третьи не хотѣли ни того, ни другого. Пошли пожары, грабежи, разбѣи. Поляки между тѣмъ брали русскіе города одинъ за другимъ и наконецъ заняли Москву, засѣли въ Кремль и хотѣли завладѣть Русскимъ царствомъ.

113. Мининъ и Пожарскій.

Въ это страшное время неоцѣненную услугу Россіи оказала Троицкая лавра (въ 64 верстахъ отъ Москвы). Архимандритъ *) этой лавры Діонисій и келарь **) Авраамій Палицынъ писали грамоты и разсылали ихъ по всѣмъ концамъ Россіи, увѣщевая народъ стать какъ одинъ человекъ противъ надвигающейся бѣды. Эти грамоты читались повсюду въ церквяхъ и производили сильное впечатлѣніе на народъ.

Одна изъ такихъ грамотъ была получена въ Нижнемъ Новгородѣ. Соборный протопопъ ***) прочёл её народу и увѣщевалъ откликнуться на зовъ святой лавры. Земскій староста, Козьма Захарычъ Мининъ-Сухорукъ, по ремеслу мясникъ, созвалъ народъ на площадь и сказалъ такую рѣчь: „Православные люди, поможемъ Москвѣ, а вмѣстѣ съ нею и нашей матери Россіи! Не пожалѣемъ своего имѣнія, продадимъ дворы свои, заложимъ женъ и дѣтей и выберемъ себѣ кого-нибудь начальникомъ. Дѣло великое! съ Божьей помощью мы его исполнимъ... и какая намъ будетъ похвала отъ всей земли Русской! Намъ стѣдуетъ только начать, и всѣ города къ намъ пристанутъ, и мы избавимся отъ иноземцевъ“.

Такая рѣчь была народу по душѣ. Всѣ согласились жертвовать на святое дѣло и свою жизнь, и свой достатокъ. Козьма Захарычъ первый показалъ примѣръ и пожертвовалъ своё достоинствѣ на великое дѣло; онъ приказалъ бывшимъ тутъ же своимъ дѣтямъ и женѣ нести на площадь всѣ скопленные деньги, цѣнные вещи, какія найдутся въ домѣ. Его примѣру послѣдовали и другіе. Несли всё, кто считалъ у себя что лишнимъ и безъ чего могъ обойтись. Скоро собралась большая сумма денегъ и много цѣнныхъ вещей. Но этого было мало. Мининъ убѣдилъ нижегородцевъ произвести оцѣнку имущества горожанъ и взять въ общую

*) Архимандритъ — начальникъ монастыря.

**) Келарь — завѣдывающій хозяйствомъ монастыря.

***) Протопопъ — настоятель соборнаго клира (клиръ — собраніе священно и церковнослужителей.)

кассу пятую часть всей его стдимости. Всѣ согласились. Деньги были собраны, надо было только набрать войско и назначить начальника надъ нимъ.

Ополченія стали скоро собираться во всѣхъ городахъ, такъ какъ молва о движеніи въ Нижнемъ разнеслась повсюду, и города спѣшили прислать свои ополченія и деньги на снаряженіе новыхъ отрядовъ.

Скоро нашёлся и военачальникъ. Мининъ указалъ на храбраго и доблестнаго князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго, который въ это время жилъ въ своёмъ помѣстьѣ, въ 120 верстахъ отъ Москвы.

Князь Пожарскій съ радостью согласился принять начальство надъ ополченіемъ. Онъ только потребовалъ, чтобы хранителемъ и распорядителемъ зѣмской казны былъ выбранъ Козьма Мининъ. Мининъ сначала было отказался, а потомъ согласился.

Ополченіе двинулось къ Москвѣ. Поляки и русскіе измѣнники, слышавъ объ этомъ, встрѣдились. Они приступили къ заключённому ими подъ стражу патріарху Гермогену съ требованіемъ, чтобы онъ повелѣлъ разойтись ополченію. Мужественный старецъ отвѣчалъ: „Да будутъ благословенны тѣ, которые идутъ на спасеніе рдины, а вы будьте прокляты!“ За эти слова патріархъ былъ заморѣнъ голодомъ.

Наконецъ русское ополченіе подошло къ Москвѣ. На помощь полякамъ поѣхалъ было новый польскій отрядъ, но Пожарскій разбилъ его подъ самою Москвою, а потомъ обложилъ Москву. Цѣлый мѣсяцъ держались осаждённые поляки въ Кремлѣ, но наконецъ принуждены были сдаться.

114. Избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича Романова.

26-го октября 1612 года вся Москва была очищена отъ поляковъ. Разсланы были грамоты по областямъ, чтобы прислали отовсюду въ Москву знатныхъ духовныхъ лицъ и выборныхъ изъ другихъ сословій, лучшихъ, разумныхъ людей для избранія царя. Когда выборные съѣхались, назначенъ былъ трехдневный постъ, послѣ котораго начались *соборы*.

21-го февраля 1613 года былъ послѣдній соборъ; каждое сословіе подало письменное мнѣніе, и всѣ эти мнѣнія были сходны: всѣ указывали на одного человека, шестнадцатилѣтнаго Михаила Ѳеодоровича Романова, сына митрополита (впослѣдствіи патріарха) Филарета Никитича. Онъ приходился прежнимъ царямъ роднею ближе всѣхъ. Изъ рода Романовыхъ была первая супруга Іоанна IV Васильевича — Анастасія.

Михаиль Ѳеодоровичъ жилъ въ это время въ Костромѣ, въ Ипатьевскомъ монастырѣ, съ матерью, монахинею Марею Ивановною. Соборъ, провозгласивъ его царёмъ, послалъ къ нему нѣсколько знатныхъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ прѣсить отъ имени всего народа, чтобъ онъ былъ государемъ и ѣхалъ въ Москву.

13-го марта соборные послы приѣхали въ Костромѣ, а на другой день пошли въ Ипатьевскій монастырь.

Услыхавъ отъ пословъ просьбу ѣхать въ Москву и царствовать, Михаилъ отказался. Марѣя Ивановна говорила: „Сынъ мой ещё очень млодь, а русскіе люди стали малодушны; кромѣ того, государство разстроено въ конецъ, прежнихъ сокровищъ царскихъ нѣтъ, зѣмли рзданы, служилые люди обѣдняли; откуда будущему

царю давать жалованье служилымъ людямъ, дворъ свой содержать и какъ противъ недруговъ стоять“?

Собранные послы отвѣчали, что избранъ Михаилъ по Божьей волѣ, и что хотя прежде во всѣхъ русскихъ людяхъ и было несогласіе и междоусобіе, но теперь русскіе люди пришли въ соединеніе во всѣхъ городахъ.

Послы долго упрѣшивали Михаила и мать его; наконецъ стали грозить, что въ случаѣ отказа государство совершенно разорится, и Богъ възыщеть на Михаилѣ это разореніе.

Царь Михаилъ Феодоровичъ.

Тогда Марѳа Ивановна согласилась, и архіепископъ Феодоритъ благословилъ Михаила на царство.

2-го мая 1613 года Михаилъ пріѣхалъ въ Москву, а 11-го іюля вѣнчался на царство. Россія получила законнаго царя. Съ того времени сталъ благополучно царствовать въ Россіи домъ Романовыхъ.

Долго не могла оправиться Россія отъ тѣхъ бѣдствій и разореній, которыя испытала она во время смуты, и только со времени царя Алексѣя Михайловича русскіе начали мало-по-малу возвращать себѣ тѣ земли, которыя они потеряли раньше. И чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе становилось Русское государство. Болѣе всего расширилась и окрѣпла Россія въ царствованіе Петра Великаго и Екатерины Великой.

115. Дѣтство и юность Петра Великаго.

30-го мая тысяча шестьсотъ семьдесятъ второго года въ Московскомъ Кремлѣ звонили во все колокола. Въ этотъ день въ Успенскомъ соборѣ царь Алексѣй Михайловичъ, второй царь изъ дома Романовыхъ, благодарилъ Бога за рождение сына, царевича Петра.

Дѣтство и юность Пётръ провёлъ въ трёхъ верстахъ отъ Москвы, въ селѣ Преображенскомъ. Учителемъ къ Петру былъ приставленъ, ученый по тому времени человекъ, Никита Зотовъ.

Въ то время русскіе вообще учились очень мало; даже среди приближенныхъ къ царю бояръ были люди неграмотные. Не мудрено, что Зотовъ не могъ многому научить своего ученика.

Между тѣмъ охота къ ученію была у Петра большая, обо всемъ онъ разспрашивалъ, всё его интересовало; только не было вокругъ него никого, кто могъ бы удовлетворить его необыкновенную любознательность, и пришлось Петру самому искать себѣ учителей.

Подъ Москвой, на рѣкѣ Яузѣ, стояла „Нѣмецкая Слобода“. Тутъ издавна жили иноземцы, которыхъ московскіе цари призывали къ себѣ на службу: они лили пушки, искали руду, чеканили деньги, лѣчили больныхъ.

Петръ близко сошёлся съ жителями Нѣмецкой Слободы, запросто бывалъ у нихъ въ гостяхъ. Съ жаднымъ любопытствомъ слушалъ онъ ихъ рассказы о заграничныхъ порядкахъ и диковинкахъ. Среди этихъ-то иноземцевъ Пётръ и нашёлъ себѣ учителей.

У голландца Тимермана онъ сталъ учиться ариѳметикѣ, геометріи и стрѣльбѣ изъ пушекъ.

Любимая дѣтская игра Петра—игра въ солдаты съ однолѣтками—обратилась подъ руководствомъ Тимермана въ обученіе ратному дѣлу. Собравъ много молодыхъ людей всякаго званія, Пётръ образовалъ изъ нихъ два „потѣшныхъ“ полка: Преображенскій и Семёновскій. Съ этими новыми товарищами Пётръ учился стрѣлять изъ ружей и пушекъ, построилъ на берегу рѣки Яузы земляную крѣпость и то защищалъ, то бралъ её приступомъ.

116. Дѣдушка русскаго флота.

Разъ въ селѣ Измайловскомъ (близъ Москвы), въ амбарѣ, среди разнаго хлама Пётръ увидѣлъ старую лодку особаго устройства. Это былъ англійскій ботъ, на которомъ можно было ѣздить подъ парусами *не только по вѣтру, но и противъ вѣтра*. Пётръ заинтересовался этимъ судномъ и пожелалъ испытать его при помощи Тимермана. Но такъ какъ Тимерманъ самъ не зналъ корабельнаго дѣла, то онъ указалъ на своего земляка, старика Брандта.

Брандтъ въ молодости былъ корабельнымъ мастеромъ. Позвали старика: онъ починилъ ботъ, спустилъ его на Язу и научилъ Петра управлять парусомъ. Съ этого времени Пётръ пристрастился къ морскому дѣлу.

Скоро Яза показалаась ему тѣсна.

Съ помощью того же Брандта, Пётръ выстроилъ на Переяславскомъ озерѣ (въ ста двадцати шести верстахъ отъ Москвы) для своихъ забавъ цѣлый флотъ. Велика была его радость, когда выстроенныя имъ самими судна понеслись на парусахъ по широкому озеру и съ нихъ весело загремѣли пушки.

117. Петръ за границей.

Петръ Великій рѣшилъ отпавиться за море, чтобы поучиться тамъ всему хорошему и посмотрѣть на разныя диковинки, о которыхъ онъ такъ много слышалъ отъ иноземцевъ, проживавшихъ въ Москвѣ. Съ этою цѣлью онъ нарядилъ къ иноземнымъ государямъ посольство, въ свиту котораго онъ самъ записался подъ именемъ дворянина Петра Михайлова. Петръ строго запретилъ посламъ рассказывать, что между ними находится самъ царь.

Главною цѣлью путешествія Петра было изученіе кораблестроенія и мореплаванія. Такъ какъ эти искусства были особенно развиты въ Голландіи, то Петръ прежде всего и направился туда.

Подѣзжая къ голландскому городу Саардаму, онъ увидѣлъ знакомаго кузнеца, который работалъ прежде въ Москвѣ, а теперь на лодкѣ ловилъ здѣсь рыбу. Царь окликнулъ его. Кузнецъ не вѣрилъ своимъ глазамъ, увидѣвъ предъ собою русскаго монарха въ одѣждѣ голландскаго плотника, но ещё болѣе изумился, когда Петръ изъявилъ желаніе поселиться у него на нѣсколько мѣсяцевъ, съ условіемъ никому не говорить объ этомъ. Кузнецъ сталъ отговариваться бѣдностью и тѣснотю хижины, но Петръ настаивалъ, и кузнецъ долженъ былъ согласиться.

Поселившись у кузнеца, Петръ на другой же день закупилъ инструмента, отправился на верфь и тамъ записался плотникомъ. Съ этихъ поръ царь-плотникъ каждый день съ солнечнымъ восходомъ ходилъ на верфь и работалъ тамъ до поту.

Изъ Голландіи Петръ поѣхалъ въ Англію. Здѣсь онъ опять ко всему при-
сматривался, многому учился, но болѣе всего занимался корабельнымъ дѣломъ. Наконецъ, послѣ полуторогодоваго путешествія, Петръ возвратился въ Россію, чтобы поскорѣе приложить къ дѣлу всё, чему онъ научился за границей.

118. Преобразованія Петра.

По возвращеніи изъ-за границы, Петръ, ни мало не медля, началъ заводить среди русскихъ новыя порядки. Началось съ того, что царь велѣлъ всемъ, кромѣ духовенства, брить бороды и одѣваться въ короткое нѣмецкое платье. Послѣ этого Петръ занялся образованіемъ вѣиска: онъ объявилъ первый рекрутскій набѣръ.

Изъ набранныхъ рекрутовъ составлены были солдатскіе полки, подобные нѣмѣцкимъ. Затѣмъ велѣно было заводить вездѣ школы для духовныхъ и дворянскихъ дѣтей, устроена была школа для мореходовъ и нѣкоторыя другія. Самъ царь принялся издавать газету и календарь, составилъ гражданскую азбуку, переводилъ съ иностранныхъ языковъ книги. Чтобы заставить учиться, Петръ запретилъ дворянамъ, которые не были въ школѣ, жениться, а неучившихся дѣтей духовнаго званія велѣно было брать въ солдаты.

Желая развитъ на Русіи промыслы и торговлю, Петръ сталъ издавать одинъ за другимъ указы о томъ, гдѣ и какіе распространять промыслы и ремѣсла, гдѣ устраивать фабрики и заводы, какъ разводить сады, сохранять лѣса, добывать металлы. Словомъ, мудрый царь не жалѣлъ собственныхъ силъ и работалъ за десятерыхъ, только бы образоватъ свой народъ и сдѣлать его жизнь удобнѣе и легче.

Чтобы частыя его отлучки изъ столицы не задерживали государственныхъ дѣлъ, Петръ выбралъ самыхъ умныхъ и знатныхъ особъ и поручилъ имъ обсуждать

при нёмъ болѣе важныя дѣла, а во время его отлучекъ править государствомъ. Лица эти были названы сенаторами, а самое собраніе ихъ—*Сенатомъ*.

До Петра всѣми духовными дѣлами государства управлялъ въ Россіи патріархъ, но Пётръ, по смерти патріарха Адриана, не назначилъ ему преемника, а учредилъ для той же цѣли *Святѣйшій Синодъ*.

119. Войны Петра Великаго со шведами и основаніе Петербурга.

Пётръ хорошо понималъ, что для развитія торговли съ иностранными государствами Россіи необходимо было имѣть удобные для этой цѣли приморскіе города, куда могли бы свободно приходиться корабли съ иностранными товарами и откуда наши корабли могли бы безпрепятственно ходить въ чужія страны. Такіе

Императоръ Петръ Великій.

города были тогда только на одномъ принадлежавшемъ Россіи Бѣломъ морѣ; но это море большую часть года бываетъ покрыто льдомъ, а потому и неудобно для морской торговли. Вотъ почему Пётръ обратилъ всё своё вниманіе на пріобрѣтеніе болѣе удобнаго для морской торговли Балтійскаго моря, прибрежныя земли котораго уже въ прежнее время принадлежали Россіи. Но такъ какъ этими землями теперь владѣли шведы, то Пётръ и рѣшилъ начать войну со Швеціей. Шведскимъ королёмъ былъ тогда Карлъ XII, человекъ ещё очень молодой, но необыкновенно храбрый и отважный. Узнавъ, что русскіе осаждаютъ городъ Нарву, онъ быстро отправился туда и разбилъ русское

войско на-голову; вся наша армія сдалась въ плѣнъ, одни только Преображенскій и Семеновскій полки отстояли себя.

Но Пётръ не унывалъ отъ первой неудачи и говорилъ: „Господа шведы побьютъ насъ, быть-можетъ, ещё разъ, но у нихъ же мы и научимся побѣждать ихъ самихъ“. Между тѣмъ Карлъ, считая русскихъ окончательно побѣжденными, пошелъ на польскаго короля и цѣлыхъ шесть лѣтъ пробылъ въ Польшѣ. Пётръ какъ нельзя лучше воспользовался этимъ временемъ: вооружалъ новую армію, лилъ пушки, укрѣпляетъ города. Въ то же время русскіе продолжали войну со шведскими отрядами и скоро начали побѣждать ихъ. Наконецъ Пётръ пробился къ давно желанному Балтійскому морю и тотчасъ на одномъ изъ острововъ въ устьѣ Невы

заложилъ, 3-го мая 1703 года, городъ, который онъ назвалъ Санктъ-Петербургомъ (городомъ святаго Петра). Десятки тысячъ рабочихъ изъ внутреннихъ областей государства трудились надъ постройкой Петербурга, самъ Пётръ работалъ здѣсь съ топоромъ въ рукахъ. Мѣстность, гдѣ строился новый городъ — будущая столица Россіи — была дикая и суровая. Кругомъ были только дремучіе лѣса да болота, нѣсколько разъ вода затопляла городъ, и надо было поднимать почву насапьями. Но всё это не останавливало Петра.

Русскія войска продолжали брать шведскіе города одинъ за другимъ, а Карлъ XII всё ещё былъ въ Польшѣ. Наконецъ онъ покончилъ съ польскимъ королёмъ и вступилъ въ Россію. Русскіе не сражались съ нимъ, а завлекали его всё дальше и дальше въ глубь страны, опустошая наперѣдъ дордгу, по которой должны были идти шведы, уничтожая запасы и, вообще, всякими средствами затрудняя движеніе непріятели. Между тѣмъ шведы подступили къ Полтавѣ, и здѣсь 27-го іюня 1709 г. произошла знаменитая битва. Передъ началомъ сраженія Пётръ объѣзжалъ ряды войскъ и говорилъ: „Пришѣлъ часъ рѣшить судьбу отечества. Вы не должны помышлять, что сражаетесь за Петра, но за отечество и церковь, а о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь не дорога; жила бы только Россія въ славѣ и благодѣнствіи“!—Рано утромъ начался страшный бой. Шведы были окончательно разбиты, вся шведская армія сдѣлалась въ плѣнъ.

По окончаніи войны, празднуя въ Петербургѣ заключеніе мира со шведами, Пётръ Великій принялъ титулъ *Императора*, и Россія съ тѣхъ поръ стала называться *Имперіей*.

120. Анекдоты о Петрѣ Великомъ.

1. Пётръ Великій часто посѣщалъ города въ такое время, когда его тамъ не ожидали. Однажды онъ посѣтилъ неожиданно Олонецъ и прямо пошелъ въ гоевѣдскую канцелярію, гдѣ засталъ старика воеводу. На вопросъ Государя: какія есть въ канцеляріи челобитныя дѣла, — воевода въ страхѣ палъ на колѣни и дрожащимъ голосомъ отвѣчалъ, что въ канцеляріи челобитныхъ дѣлъ никакихъ нѣтъ. — „Какъ нѣтъ“? спросилъ удивлённый Царь. — „Никакихъ нѣтъ, Государь“! со слезами повторилъ воевода: „виноватъ, я никакихъ челобитенъ до канцеляріи не допускаю, а стараюсь соглашать ссѣрящихся на миръ“. Государь удивился, поднялъ воеводу, поцѣловалъ его и сказалъ: „я бы желалъ и всѣхъ воеводъ видѣть виноватыми, какъ ты; продолжай такъ свою службу, — Богъ тебѣ не оставитъ и я не забуду“.

2. По взятіи гѣрода Риги, Пётръ пожаловалъ Мѣншикову имѣніе, которое принадлежало правительству. Но въ числѣ земель былъ по ошибкѣ отмежеванъ участокъ, принадлежавшій одному рижскому гражданину. Въ бытность Государя въ Ригѣ, гражданинъ этотъ, потерявшій безъ всякой вины свою землю, явился къ Петру съ объясненіемъ своего гѣрля.

„Ты можешь отыскать судомъ свою собственность“, отвѣчалъ ему Царь, „и виновный, кто бы онъ ни былъ, долженъ подлежать законамъ“. Истецъ подалъ въ судъ жалобу на Мѣншикова, какъ владѣтеля его собственности.

Мѣншиковъ сослался на царскій указъ. Повѣстили Государя. Онъ явился къ отвѣту, призналъ дѣло справедливымъ и согласился съ приговоромъ судей, чтобы отмежеванный неправильно участокъ возвратитъ прежнему владѣльцу.

„Я самъ подчиняюсь законамъ“, сказалъ онъ, похваливъ судей за безпристрастіе: „да не дерзнѣтъ же никто имъ противиться“.

121. Императрица Екатерина Великая.

По вступленіи на престолъ, императрица Екатерина заключила миръ со всѣми сосѣдями, чтобы на досугѣ заняться важными внутренними дѣлами. Между помѣщиками, напр., были безконечные споры о границахъ владѣній: одинъ говорилъ, что такое-то поле моё; другой говорилъ, что оно моё. Доказать было нѣтъ, и потому спдрамъ не было конца. Для прекращенія такихъ споровъ, императрица составила подробныя правила, по которымъ было произведено межеваніе по всей Россіи.

Особенно заботилась императрица о томъ, чтобы никто не страдалъ отъ суда безвинно. Съ этою цѣлью она устроила новые, лучшіе суды; а въ руководство этимъ новымъ судамъ она преподала слѣдующее мудрое правило: *„Лучше оправдать десять виновныхъ, чѣмъ осудить хоть одного невиннаго“!*

Императрица Екатерина II.

Для удобства управленія Екатерина Великая раздѣлила Россію на 50 губерній, а каждую губернію на уѣзды. Жителямъ городовъ она предоставила право самимъ вѣдаться въ своихъ дѣлахъ; для этого по городамъ устроены были думы, состоящія изъ выборныхъ отъ горожанъ, завѣдывающихъ городскимъ хозяйствомъ. Подобныя же правд — управляться самимъ посредствомъ выборныхъ — Екатерина даровала и дворянамъ, и купцамъ, и крестьянамъ. Въ обѣихъ столицахъ императрица устроила воспитательные дома, для пріюта въ нихъ покинутыхъ дѣтей. Во многихъ городахъ открыты были новыя училища, какъ мужскія, такъ и женскія.

Число фабрикъ и заводовъ въ Россіи, во время царствованія Екатерины, значительно увеличилось, и торговля наша расширилась.

Къ несчастію, Екатерина Великая не могла посвятить всего своего времени внутреннимъ дѣламъ, такъ какъ ей пришлось вести войны съ сосѣдями. Въ этихъ войнахъ особенно прославились: Суворовъ, Потёмкинъ и Орловъ. Благодаря храбрости русскаго вѣйска, Россія приобрѣла отъ Турціи Крымъ и весь сѣверный берегъ Чернаго моря.

Екатерина вела ещё нѣсколько большихъ войнъ съ поляками. Поводомъ къ этимъ войнамъ были древнія русскія земли, которыя ещё во время татарской неволи

отняты были у Россіи Литвою, а потомъ подпали подъ власть поляковъ. Полякамъ очень хотѣлось укрѣпить эти земли за собою навсегда, поэтому они рѣшили всеми мѣрами ввести между тамошнимъ русскимъ народомъ католическую вѣру. Многие изъ русскихъ дворянъ западнаго края, изъ страха притѣсненія и ради личныхъ выгодъ, промѣняли свою вѣру на католическую и забыли своё родное русское; но миллионы крестьянъ и духовенство крѣпко стояли за дорогую для нихъ православную вѣру. Видя, что, несмотря на всё притѣсненіе и угрѣзы, народъ остаётся вѣренъ своей православной вѣрѣ, поляки выдумали *унію*, т.-е. добровольное будто бы соединеніе церквей — православной съ католическою, и стали всеми мѣрами навязывать её православному русскому народу. Многие изъ тамошняго русскаго народа приняли унію, но большинство православныхъ поняло хитрость поляковъ и рѣшилось остаться при своей прародительской вѣрѣ безъ всякихъ нововведеній. Съ тѣхъ поръ судьба ихъ стала самою несчастною: имъ приходилось постоянно терпѣть насмѣшки, брань и побои, ихъ облагали огромными податями; несчастный народъ тамошній сталъ просить у русскихъ защиты. И вотъ, Екатерина Великая поспѣшила на помощь своимъ единовѣрцамъ: она потребовала отъ поляковъ, чтобы они перестали угнетать православный русскій народъ. Но поляки объ этомъ и слышать не хотѣли; поэтому войска русскихъ разбили поляковъ и заняли Польшу. Въ Польшѣ настали затѣмъ неурядицы, безначаліе, смуты; тогда три сосѣднія государства — Россія, Австрія и Пруссія — раздѣлили между собою Польшу. Россіи при этихъ раздѣлахъ досталась часть Балтійскаго побережья и старинныя западно-русскія области, бывшія подъ властью Польши.

Кромѣ того, въ царствованіе Екатерины II русскія войска отняли нѣсколько городовъ у Пруссіи за ея нападеніе на наши окраины и одержали четыре большія побѣды надъ шведами, которые пытались вернуть себѣ берега Балтійскаго моря.

Блестящія побѣды Екатерины Великой и ея мудрые внутренніе порядки поставили Россію высоко между европейскими государствами. Иноземцы съ тѣхъ поръ стали уважать и бояться Россіи, искать ея дружбы и союза.

122. Великодушіе Императрицы Екатерины Великой.

1. Марья Ивановна *), узнавъ, что Дворъ находился въ то время въ Царскомъ Селѣ, рѣшилась тутъ остановиться. Ей отвели (на станціи) уголь за перегородкой. Жена смотрителя станціи тотчасъ съ нею разговорилась, объявила, что она племянница придворнаго истопника, и посвятила её во всё тайнства придворной жизни. Она рассказала, въ которомъ часу Государыня обыкновенно просыпалась, кушала кофе, прогуливалась; какіе вельмѣжи находились въ то время при ней; что извѣдила она вчерашній день говорить у себя за столомъ; кого принимала вечеромъ. Марья Ивановна слушала её со вниманіемъ. Онѣ пошли въ садъ. Анна Владѣевна рассказала исторію каждой аллеи и cadaго мѣстика, и, нагулявшись, онѣ возвратились на станцію, очень довольныя другъ другомъ.

На другой день рано утромъ Марья Ивановна проснулась, одѣлась и тихонько пошла въ садъ. Утро было прекрасное; солнце освѣщало вершины липъ, пожелтѣв-

*) Отецъ Марьи Ивановны, капитанъ Мироновъ, былъ убитъ бунтовщикомъ Пугачевымъ; а женихъ ея, офицеръ Гриневъ, былъ по ошибкѣ обвиненъ въ измѣнѣ. Марья Ивановна рѣшилась обратиться къ справедливости и милосердію Императрицы и для этого пріѣхала въ Царское Село (лѣтнее мѣстопребываніе Императрицы, близъ Петербурга).

нихъ уже подъ свѣжимъ дыханіемъ осени. Широкое озеро сіяло неподвижно. Проснувшіеся лебеди важно выплывали изъ-подъ кустовъ, осѣняющихъ берегъ. Марья Ивановна пошла около прекраснаго луга, гдѣ только что поставленъ былъ памятникъ въ честь недавнихъ побѣдъ графа Петра Александровича Румянцова.

Вдругъ бѣлая собачка, англійской породы, залаяла и побѣжала ей навстрѣчу; Марья Ивановна испугалась и остановилась. Въ эту самую минуту раздался пріятный женскій голосъ: „не бойтесь, она не укуситъ“. И Марья Ивановна увидѣла даму, сидѣвшую на скамейкѣ противъ памятника. Марья Ивановна сѣла на другомъ концѣ скамейки. Дама пристально на неё смотрѣла; а Марья Ивановна съ своей стороны, бросивъ нѣсколько ксвенныхъ взглядовъ, успѣла рассмотреть её съ ногъ до головы. Она была въ бѣломъ утреннемъ платѣ, въ ночномъ чепцѣ и въ душегрѣйкѣ. Ей казалось лѣтъ сорокъ. Лицо ея, полное и румяное, выражало важность и спокойствіе, а голубые глаза и легкая улыбка имѣли прѣlestь непзяснимую. Дама первая прервала молчаніе.

„Вы, вѣрно, не здѣшнія“? сказала она.

— Точно такъ-съ: я вчера только пріѣхала изъ провинціи.

„Вы пріѣхали съ вашими родными“?

— Никакъ нѣтъ-съ: я пріѣхала одна.

„Одна! Но вы такъ ещё мѣлоды“.

— У меня нѣтъ ни отца, ни матери.

„Вы здѣсь, конечно, по какимъ-нибудь дѣламъ“?

— Точно такъ-съ: я пріѣхала подать просьбу Государынѣ.

„Вы сирота: вѣроятно, жалуетесь на несправедливость и обиду“?...

— Никакъ нѣтъ-съ: я пріѣхала просить милости, а не правосудія.

„Позвольте спросить, кто вы“?

— Я дочь капитана Мирнова.

„Капитана Миронова! того самаго, что былъ комендантомъ въ одной изъ Оренбургскихъ крѣпостей“?

— Точно такъ-съ.

Дама, казалось, была тронута. „Извините меня, сказала она голосомъ ещё болѣе ласковымъ, если я вмѣшиваюсь въ ваши дѣла; но я бываю при Дворѣ; изясните, въ чёмъ состоитъ ваша просьба, и, можетъ-быть, мнѣ удастся вамъ помочь“.

Марья Ивановна встала и почтительно её благодарила. Всѣ въ неизвѣстной дамѣ невѣроятно привлекло сердце и внушало довѣріе. Марья Ивановна вынула изъ кармана сложенную бумагу и подала её незнакомой своей покровительницѣ, которая стала читать её про-себя.

Сначала она читала съ видомъ внимательнымъ и благосклоннымъ; но вдругъ лицо ея переизмѣнилось, и Марья Ивановна, слѣдовавшая глазами за всѣми ея движеніями, испугалась строгаго выраженія этого лица, за минуту столь пріятнаго и спокойнаго.

„Вы просите за Гринѣва“, сказала дама съ холоднымъ видомъ: „Императрица не можетъ его простить. Онъ присталъ къ Пугачёву не изъ невѣжества и легковѣрія, но какъ безнравственный и вредный негодяй“.

— Ахъ, неправда! воскликнула Марья Ивановна.

„Какъ неправда“? возразила дама, вся вспыхнувъ.

— Неправда, ей Богу, неправда! Я знаю всё, я всё вамъ расскажу. Онъ для одной меня подвергся всему, что постигло его. И если онъ не оправдался передъ

судомъ, то развѣ потому только, что не хотѣлъ зацѣпать меня. Тутъ она съ жаромъ разсказала всё...

Дама выслушала её со вниманіемъ. „Гдѣ вы остановились“? спросила она потомъ, и услышавъ, что у Анны Власьевны, примѣвила съ улыбкою: „А! знаю. Прощайте, не говорите никому о нашей встрѣчѣ. Я надѣюсь, что вы не долго будете ждать отвѣта на ваше письмо“.

Съ этимъ словомъ она встала и вышла въ крытую аллею, а Марья Ивановна возвратилась къ Аннѣ Власьевнѣ, исполненная радостной надежды.

2. Хозяйка побранила её за раннюю прогулку, вредную, по ея словамъ, для здоровья молодой дѣвушки. Она принесла самоваръ и за чашкою чая только-было принялась за безконечные разсказы о Дворѣ, какъ вдругъ придворная карета остановилась у крыльца, и придворный лакей вошелъ съ объявленіемъ, что Государыня изволить къ себѣ приглашать дѣвицу Мирнову.

Анна Власьева изумилась и расхлопоталась. „Ахти, Господи! закричала она: Государыня требуетъ васъ ко Двору. Какъ же это она про васъ узнала? Да какъ же вы, матушка, представитесь Императрицѣ? Вы, я чай, и ступить по придворному не умѣете... Не проводить ли мнѣ васъ? Все-таки я васъ хоть въ чѣмъ нибудь да могу предостеречь. И какъ же вамъ ѣхать въ дорджомъ платѣ?“ Камеръ-лакей объявилъ, что Государынѣ угодно было, чтобъ Марья Ивановна ѣхала одна и въ томъ, въ чѣмъ её застанутъ. Дѣлать было нечего: Марья Ивановна сѣла въ карету и поѣхала во дворецъ, сопровождаемая совѣтами и благословеніями Анны Власьевны.

Марья Ивановна предчувствовала рѣшеніе своей судьбы; сердце ея сильно билось и замирало. Черезъ нѣсколько минутъ карета остановилась у дворца. Марья Ивановна съ трепетомъ пошла по лѣстницѣ. Двери передъ нею отворились настежь. Она прошла длинный рядъ пустыхъ великолѣпныхъ комнать; камеръ-лакей указывалъ дорогу. Наконецъ, подошедъ къ запертымъ дверямъ, онъ объявилъ, что сейчасъ объ ней дождитъ, и оставилъ её одну.

Мысль увидѣть Императрицу лицомъ къ лицу такъ утрашила её, что она съ трудомъ могла держаться на ногахъ. Черезъ минуту двери отворились, и она вошла въ уборную Государыни.

Императрица сидѣла за своимъ туалетомъ; нѣсколько придворныхъ окружали её и почтительно пропустили Марью Ивановну. Государыня ласково къ ней обратилась, и Марья Ивановна узнала въ ней ту даму, съ которой такъ откровенно изъяснялась она нѣсколько минутъ тому назадъ. Государыня подозвала её и сказала съ улыбкою: „Я рада, что могла сдержать вамъ своё слово и исполнить вашу просьбу. Дѣло ваше кончено. Я убѣждена въ невинности вашего жениха. Вотъ письмо, которое сами потрудитесь отвезти къ будущему свѣкру“.

Марья Ивановна приняла письмо дрожащею рукою, и, заплакавъ, упала къ ногамъ Императрицы, которая подняла её и поцѣловала. Государыня разговорилась съ нею. „Знаю, что вы небогаты, сказала она: но я въ долгу передъ дочерью капитана Мирнова. Не беспокойтесь о будущемъ. Я беру на себя устроить ваше состояніе“.

Обласкавъ бѣдную сироту, Государыня её отпустила. Марья Ивановна уѣхала въ той же придворной каретѣ. Анна Власьева, нетерпѣливо ожидавшая ея возвращенія, осыпала её вопросами, на которые Марья Ивановна отвѣчала кое-какъ. Анна Власьева хотя и была недовольна ея забывчивостію, но приписала это застѣчивости и извинила великодушно. Въ тотъ же день Марья Ивановна, не полюбивъ Петербурга, обратила въ деревню.

123. Фельдмаршалъ Суворовъ.

а) Дѣтство Суворова.

1. Въ 1730 году, 30-го ноября, у гвардейскаго подполковника Василя Ивановича Суворова и жены его Авдотьи Федосѣевны родился сынъ Александръ.

Появился Суворовъ на свѣтъ Божій, когда родители его были людьми небогатыми, но кое-какой достатокъ имѣли, такъ что бѣдности въ дѣтствѣ онъ не извѣдалъ.

Съ самаго ранняго возраста въ Суворовѣ проявилась охота учиться и росла съ каждымъ годомъ. Маленькій Суворовъ хватался за книги, какъ голодный за хлѣбъ, засиживался за ними, отбился отъ дѣтскихъ игръ и потѣхъ, уходилъ отъ гостей въ свою свѣтёлку. Отецъ его былъ человекъ довольно свѣдущій, книги у него водились разныя. Поэтому маленький Суворовъ всё больше и больше занимался чтеніемъ и пристращался къ наукамъ.

Василій Ивановичъ къ этому времени былъ уже полковникомъ, но прямой военной службы не нёсъ и никакой къ ней охоты не имѣлъ, а потому и сына хотѣлъ пустить по службѣ гражданской. Къ этому побуждало его ещё и то, что ребёнокъ былъ малъ ростомъ, хилъ, не въ мѣру тощъ и очень неказистъ. Сынъ однако держался другихъ мыслей; онъ особенно полюбилъ такія книги, гдѣ описывались походы, сраженія и вообще славныя дѣянія военныхъ людей. Надъ ними онъ сидѣлъ, не разгибая спинъ, не дождалъ, не досыпалъ; въ нёмъ разгорѣлась страсть къ военному дѣлу, и онъ рѣшилъ поступить въ военную службу во что бы то ни стало. Василій Ивановичъ сталъ уговаривать сына бросить пустыя мечтанья, но всё было напрасно. Сынъ не перечекалъ, но и не подавался на отцовскія увѣщанія, а продолжалъ тайкомъ то, что прежде дѣлалъ явно. Отецъ любилъ сына, а потому, видя такое его упорство, самъ подался напослѣдокъ и далъ ему полную волю учиться, чему хочетъ, и читать, что пожелаетъ.

2. Суворовъ любилъ однако не самыя книги, а военно дѣло, которое въ книгахъ описывалось. Начитавшись вдоволь, онъ поступилъ на военную службу. Въ то время дворяне записывались на службу малолѣтками; въ малолѣтствѣ же, проживая дома на рукахъ у нянекъ, получали чины и безъ всякой службы выходили въ люди. Суворовъ не былъ записанъ отцомъ ни въ какой полкъ, потому что Василій Ивановичъ прѣчилъ его въ гражданскую службу. Теперь наладить это дѣло ужъ было нельзя, да и самъ Суворовъ не захотѣлъ бы нести службу только по имени. Ему нужна была „военная наука“ во всѣхъ видахъ, стало быть и настоящая служба; Василій Ивановичъ записалъ его въ гвардію, и въ 1745 году молодой Суворовъ отправился въ Семёновскій полкъ.

б) Солдатская служба Суворова.

1. Цѣлыхъ 9 лѣтъ провёлъ Суворовъ въ Семёновскомъ полку, сначала рядовымъ, потомъ капраломъ и напослѣдокъ сержантомъ. Годы эти были для него страдною порой; не покладая рукъ, не давая себѣ отдыха, трудился онъ, отказавшись отъ всякихъ забавъ и веселья.

Онъ не тяготился никакимъ служебнымъ дѣломъ, ни отъ какой работы не отгуливалъ, бралъ на себя многое такое, чего отъ дворянъ-солдатъ начальство и не требовало. Военскіе уставы и постановленія онъ зналъ какъ свои пять пальцевъ, не пропускалъ ни одного строевдаго ученя, ходилъ въ караулъ, самъ чистилъ свое

ружьё, ничего не дѣлалъ кое-какъ. Не легко было такъ служить молодому дворянину, слабосильному и хилому, ибо въ эти годы юноша начинаетъ складываться въ человѣка, и здоровье его требуетъ особыхъ заботъ. Но Суворовъ не забывалъ и этого; упорно и назойливо онъ закалывалъ себя и въ трудахъ, и въ невзгодахъ, не торопясь, съ терпѣніемъ, и въ концѣ-концовъ сталъ выносливѣе любого здоровяка, сдѣлался, что называется, крѣпышомъ.

2. Живя на вольной квартирѣ, Суворовъ постоянно посѣщалъ казармы. Тамъ хотѣлъ онъ изучить солдатъ, ихъ характеръ, ихъ бытъ, ихъ нѣжды. И изучилъ всё это превосходно, разгадалъ русскаго солдата; потому-то ему и хотѣлось самому испытать солдатскій бытъ. Онъ превосходно также изучилъ языкъ солдатъ, умѣлъ говорить особеннымъ ихъ нарѣчіемъ такъ хорошо, какъ никто бы не заговорилъ. Зато скажетъ, бывало, нѣсколько словъ, такъ и вспыхнетъ солдатское сердце.

Солдатъ любилъ онъ, какъ братьевъ, и болѣе бѣднымъ изъ нихъ раздавалъ оставшіяся у него деньги. Когда, въ знакъ признательности, солдаты искали случая, чтобы сдѣлать ему что-нибудь угодное, онъ принималъ отъ нихъ одно: чтобы поучились фронту подъ его командою. Это было для него величайшимъ наслажденіемъ.

3. Не разъ начальство убѣждалось, что Суворовъ не дворянинъ-баловень, а настоящій солдатъ. Стоялъ онъ разъ на часахъ въ саду, у дворца; Императрица Елизавета Петровна проходила мимо: Суворовъ отдалъ ей честь. Государыня спросила его имя и, узнавъ, что онъ сынъ Василя Ивановича, котораго лично знала, вынула изъ кармана серебрянный рубль и подала молодому Суворову. Онъ не взялъ, сказавши, что по уставу часовоѣ не долженъ брать денегъ. „Молодѣцъ“, сказала Государыня: „знаешь службу“, потрепала его по щекамъ и пожаловала поцѣловать свою руку. „Я положу рубль здѣсь, на землѣ“, прибавила она, уходя: „какъ смѣнишься, такъ возьми“.

в) Суворовъ въ офицерскихъ чинахъ.

15 апрѣля 1754 года Суворова произвели въ офицеры и назначили въ Ингерманландскій пѣхотный полкъ поручикомъ. Ему шёлъ тогда 25-й годъ: въ этомъ возрастѣ многіе въ то время бывали полковниками и даже генералами. Суворовъ однако не горевалъ нисколько, надѣясь впереді на верстатъ потраченное съ такою пользою время, и потомъ не разъ говаривалъ: „Я не прыгалъ смѣлоду, зато прыгаю теперь“.

Въ 1762-мъ году Императрица Екатерина Великая пожаловала Суворова чиномъ полковника и назначила его командиромъ Астраханскаго пѣхотнаго полка; ему тогда было 33 года отъ роду.

Каковъ было служить подъ командой Суворова, мы можемъ судить по письму, которое одинъ изъ подчиненныхъ ему офицеровъ писалъ въ это время къ своимъ прежнимъ товарищамъ по службѣ:

г) Письмо офицера къ товарищамъ о Суворовѣ.

„Давно я не писалъ къ вамъ, и вы гнѣваетесь на меня, любезные товарищи, что я оставилъ васъ и нашихъ храбрыхъ гренадеровъ, и перешёлъ въ пѣхотный полкъ, къ полковнику, котораго вы прозвали „чудакомъ“. Не удивляйтесь. Этотъ полковникъ таковъ, что какъ взглянетъ на человѣка съ солдатскимъ

сердцемъ, то и покоритъ навѣкъ. Онъ и говоритъ, и ходитъ, и смотритъ, и ѣсть, и пьетъ, и спитъ не такъ, какъ другіе люди. Последняя рубаха, послѣдній кусокъ хлѣба пополамъ съ нами! Ему ничего не надобно, говоритъ онъ, былъ бы солдатъ доволенъ. Лѣтомъ чуть свѣтъ ужъ на ногахъ. Вскочилъ съ солдаты, которую онъ называетъ солдатскимъ цухомъ, помолился Богу, окатился холодною водой, что дѣлаетъ онъ и въ трескучіе морозы, и тотчасъ велитъ бить сборъ на ученье и кричитъ навстрѣчу солдатамъ: „Смотрите, ужъ птички Божіи поднялись, и намъ грѣшнѣе не встрѣтить солнышко въ чистомъ полѣ“.

„Въ жилахъ нашего полковника течетъ не кровь, а пламя, и онъ такъ умѣетъ воспламенить всѣхъ, что самъ я часто забываюсь, что я на ученѣ, и воображаю, что нахожусь въ дѣйствительномъ сраженіи. Громъ барабановъ, стрѣльба, крикъ, бѣготня, пыль столбомъ, дымъ клубомъ — это наше ученье. И вообразите, что солдаты не только не скучаютъ этимъ ученьемъ, а рады ему. Послѣ ученья, часовъ въ восемь или въ девять утра, полковникъ нашъ обѣдаетъ. Кто приглашенъ изъ офицеровъ обѣдать — милость. Вы думаете — вотъ тутъ-то пируха! Передъ обѣдомъ рюмка водки и солдатскій сухарь на закуску, солдатскія щи и каша, жаркое, какое случится, и бѣста. Питье — квасъ и вода, а для охотниковъ по рюмкѣ мадеры. Пожалуйста, не воображайте, что это отъ скуности. Денегъ нашъ полковникъ не любитъ и всегда отдаётъ на полкъ, но говоритъ: „Если кто посвятилъ себя военному ремеслу, тотъ долженъ привыкать къ солдатской жизни, а роскошь мертвитъ мужество“. Послѣ обѣда онъ отдыхаетъ, а тамъ, исправивъ полковыя дѣла, занимается книгами и планами и такъ работаетъ до вечера. Тогда вскочитъ на донское скакунѣ и пошелъ скакать во весь опоръ по полямъ и сврагамъ. Передъ вечерней зарей ужинъ; при зарѣ вечерняя молитва и на боковую, на солону!“

Своими многочисленными побѣдами въ Турціи, Италіи и Польшѣ Суворовъ удивлялъ современниковъ. Слава его подвиговъ гремѣла по всему свѣту. Во время сраженія онъ наравнѣ съ солдатами подвергался опасности, и только одинъ Промыслъ Божій спасалъ его отъ явной смерти. Въ продолженіе 58-лѣтней его службы онъ получилъ множество ранъ, и всё тѣло его было изувѣчено. Онъ всегда желалъ умереть въ бою и говорилъ: „завидна смерть на полѣ брани за Государя и отечество“!

Суворовъ скончался 8-го мая 1800 года, на 70-мъ году своей жизни. Прахъ его похороненъ въ Александро-Невской лаврѣ. На его могилѣ лежитъ простая каменная плита съ надписью: „здѣсь лежитъ Суворовъ“. Въ 1801 году Суворову сооруженъ въ Петербургѣ памятникъ.

124. Разказы о фельдмаршалѣ Суворовѣ.

1. Князь Александръ Васильевичъ Суворовъ давалъ милостыню каждому нищему, котораго встрѣчалъ. Однажды, во время обѣда, вошелъ нечаянно въ горницу девяностолѣтній нищій, приходившій ежедневно къ хозяйкѣ дома за подайніемъ. Увидя многочисленное собраніе, старецъ испугался, и хотѣлъ было уйти. Но князь вскочилъ самъ, усадилъ его и угощалъ. По окончаніи обѣда, князь далъ ему нѣсколько червонцевъ и предложилъ своимъ гостямъ сдѣлать складчину въ пользу нищаго. Старецъ оставилъ домъ фельдмаршала со слезами признательности. Но когда у фельдмаршала въ другой разъ просилъ милостыни

здоровый человекъ, то онъ велѣлъ ему кунить топоръ, сказавъ: „Руби дрова, такъ не умрешь съ голоду“.

2. Князь, какъ всемъ извѣстно, любилъ забавляться странными вопросами, а удачные отвѣты веселили его. Однажды онъ спросилъ встрѣтившагося съ нимъ человека: „Далеко ли отсюда до неба“? Тотъ отвѣчалъ: „Два суворовскихъ перехода“.

Князь расцѣловалъ его. Въ другой разъ князь спросилъ солдата, стоявшаго въ трескучій морозъ на часахъ: „Сколько на небѣ звѣзд“? Тотъ отвѣчалъ: „Сейчасъ перечтѣ“, и началъ: „разъ, два, три, четыре“... и такъ далѣе. Когда онъ насчиталъ до тысячи, князь, сильно прозябнувъ, спросилъ его имя и ускакалъ. На другой день солдатъ былъ пожалованъ унтеромъ, — и князь сказалъ ему: „да, онъ меня перехитрилъ“.

3. Князь Николай Васильевичъ Репнинъ прислалъ къ Александру Васильевичу майора, чтобы поздравить его съ производствомъ въ фельдмаршалы. Майоръ былъ человекъ расторопный и бойкій на словахъ.

Фельдмаршалъ принялъ его ласково, но, стараясь всячески уловить его на *исмогузнействъ**), никакъ не могъ въ томъ успѣть. На вопросы Суворова: „Сколько на небѣ звѣздъ? Сколько въ рѣкѣ рыбъ“? — майоръ сыпалъ миллионы. Наконецъ фельдмаршалъ спрашиваетъ:

„А какая разница между княземъ Николаемъ Васильевичемъ и мною“?

Отвѣтъ на подобный вопросъ былъ затруднителенъ, но майоръ, не теряя присутствія духа, сказалъ:

— Разница та, что Николай Васильевичъ желалъ бы произвестн меня въ полковники, но не можетъ, а Вашему Сіятельству стодтъ лишь захотѣть.

Этотъ неожиданный отвѣтъ такъ понравился фельдмаршалу, что онъ тутъ же, по данной ему власти, поздравилъ находчиваго майора съ чиномъ полковника.

4. Одинъ храбрый, весьма достойный офицеръ нажилъ своей болтливостью много враговъ въ арміи. Однажды фельдмаршалъ Суворовъ призвалъ его къ себѣ въ кабинетъ и говорить: „У тебя есть сильный врагъ, который тебѣ много вредитъ“. Офицеръ сталъ допытываться, кто этотъ врагъ. Фельдмаршалъ, какъ будто бы боясь, чтобы кто-нибудь не подслушалъ, заперъ дверь на ключъ и сказалъ ему тихонько: „Высунь языкъ“! Офицеръ съ недоумѣніемъ исполнилъ это приказаніе. Тогда князь тайно сказалъ ему: „вотъ твой врагъ“.

Фельдмаршалъ Суворовъ.

*) Князь Суворовъ терпѣть не могъ, когда кто на какой-либо вопросъ его отвѣчалъ: *«не могу знать»*.

125. Императоръ Александръ I.

Императоръ Александръ I, въ день вступленія своего на престоль, объявилъ что онъ будетъ царствовать по законамъ и по сердцу бабки своей, Екатерины Великой, которая говорила, что лучше простить десять виновныхъ, чѣмъ наказывать одного невиннаго. Одно изъ важнѣйшихъ преобразованій сдѣлано было въ первый же годъ царствованія Александра I: это было учрежденіе постоянного Государственнаго Совѣта вмѣсто прежняго, созывавшагося только въ особенныхъ случаяхъ. Это высшее государственное учрежденіе существуетъ и донинѣ.

Государственный Совѣтъ состоитъ изъ высшихъ сановниковъ, назначаемыхъ самимъ Императоромъ и занимающихся обсужденіемъ важнѣйшихъ вопросовъ по управленію государствомъ. Но, по преимуществу, Государственный Совѣтъ обсуждаетъ законы, которые предполагается вновь издать, или которые требуется отменить. Всѣ, что Государственный Совѣтъ обсудитъ, идетъ на Высочайшее утвержденіе и затѣмъ отсылается въ Сенатъ для обнародованія и приведенія въ исполненіе.

Императоръ Александръ I.

Въ слѣдующемъ 1802 году Александръ I учредилъ министерства, число которыхъ первоначально было восемь.

(Въ настоящее время всѣхъ министерствъ десять: Министерство Народнаго Просвѣщенія, Внутреннихъ Дѣлъ, Военное, Морское, Юстиціи, Финансовъ, Госу-

дарственныхъ Имуществъ, Путей Сообщенія, Иностранныхъ Дѣлъ и Министерствомъ Императорскаго Двора. Во главѣ каждаго изъ этихъ министерствъ стоитъ министръ. Министры избираются самимъ Императоромъ.

Министерство Народнаго Просвѣщенія завѣдуетъ всѣмъ учебнымъ дѣломъ въ нашемъ отечествѣ.

Министерство Внутреннихъ Дѣлъ завѣдуетъ зѣмскими, почтовыми, тюремными, полицейскими и другими внутренними дѣлами государства.

Военное и Морское Министерства заботятся о томъ, чтобы у насъ всегда было въ арміи и во флотѣ достаточное количество хорошо обученнаго войска, готоваго защитить отечество отъ нападенія непріятели.

Министерство Юстиціи заботится объ отправленіи правосудія въ государствѣ.

Министерство Финансовъ завѣдуетъ государственными доходами и расходами.

Министерство Государственныхъ Имуществъ — казенными лѣсами и землями.

Министерство Путей Сообщенія — шоссевыми и желѣзными дорогами, водными сообщеніями и т. д.).

Но главной заботой императора Александра I было распространеніе въ Россіи просвѣщенія. Онъ основалъ нѣсколько университетовъ, открылъ въ разныхъ мѣстахъ имперіи гимназіи, семинаріи, уѣздныя и приходскія училища и другія учебныя заведенія.

Свои любимыя занятія по устройству внутреннихъ дѣлъ государства Александръ I вынужденъ былъ прерывать войнами, которыя ему пришлось вести съ Швеціей, Турціей и Франціей. Благодаря счастливому окончанію войнъ съ Швеціей и Турціей, Россія значительно расширила свои владѣнія въ Финляндіи и приобрѣла Бессарабію. За успешное же окончаніе войнъ съ Франціей, къ Россіи были присоединены подъ названіемъ Царства Польскаго нынѣшнія привислинскія губерніи.

Отечественная война.

126. Начало войны.

Въ 1812 году вторгнулся въ Россію Наполеонъ, императоръ французовъ, съ несмѣтнымъ количествомъ войска.

Императоръ Александръ Павловичъ прибылъ въ Москву и приказалъ оповѣстить жителей, что будетъ держать рѣчь всѣмъ сословіямъ въ своемъ Слободскомъ дворцѣ. Въ назначенный день всѣ собрались во дворецъ. Царь сталъ говорить, что на Русскую зѣмлю напали сильные враги и что онъ положилъ все свое упованіе на Бога и на вѣрность своихъ подданныхъ. При этомъ императоръ прослезился, его голосъ дрогнулъ. Всѣ вокругъ него заплакали и крикнули:

„Отецъ нашъ, бери, что хочешь! веди насъ! умрѣмъ или истребимъ злодѣя!“ Тутъ же купцы обѣщали денежное пожертвованіе, а дворяне объявили, что для спасенія отечества они готовы не только сами идти на войну, но и пожертвовать всѣмъ своимъ имуществомъ для образованія ополченія. И закипѣли приготовленія къ войнѣ.

Наполеонъ подступилъ къ Смоленску. Отрядъ нашего войска защищалъ до послѣдней крайности городъ; когда же онъ былъ до половины разрушенъ непріа-

тельскими ядрами, войско отступило по дорогѣ въ Москву. Вскорѣ послѣ этого государь назначилъ главнокомандующимъ князя Кутузова.

Князь встрѣтилъ въ полтораста верстахъ отъ Москвы нашу армію и принялъ команду надъ ней. Не найдя еще возможнымъ дать отпоръ непріятелямъ, онъ продолжалъ отступать и остановился только у села Бородина. Тутъ онъ сразился съ Наполеономъ.

127. Бородинское сраженіе.

Застонала земля, и пробудила спавшихъ на ней воиновъ. Дрогнули поля, но сердца покойны были. Такъ началось на разсвѣтѣ безпримѣрное сраженіе Бородинское, 26-го августа 1812 года. Туча ядеръ, съ визгомъ пролетѣвшихъ надъ шалашомъ нашимъ, пробудила меня и товарищей. Вскланиваемъ, смотримъ, — густой туманъ лежитъ между нами и непріятелями. Заря только что начинала зажигаться. Непріятель подвезъ нѣсколько сотъ орудій, и открылъ цѣлый адъ. Бомбы и ядра сыплются градомъ. Трескъ и взрывы повсемѣстные. Одни шалаши валяются, другіе пылаютъ. Войска бѣгутъ къ ружью и въ огонь.

Князь Кутузовъ

Всё это происходило въ срединѣ, а на лѣвомъ крылѣ нашемъ давно уже свирѣпѣла гроза въ безпрерывныхъ перекатахъ грома пушекъ и мелкаго оружія. Большую часть сего ужаснаго дня проводилъ я то на главной батарее, гдѣ находился свѣтлѣйшій князь Кутузовъ, то на дорогѣ, гдѣ перевязывали раненыхъ. — Мой другъ! я видѣлъ сіе неимоверно жестокое сраженіе, и ничего подобнаго въ жизнь мою не видалъ, ни о чёмъ подобномъ не слыхалъ, и едва ли читывалъ.

Подумай только, что до четырёх-сотъ тысячъ лучшихъ воиновъ, на самомъ тѣсномъ, по многочисленности ихъ, пространствѣ, почти, такъ сказать, толкаясь головами, дрались съ неслышаннымъ отчаяніемъ; двѣ тысячи пушекъ гремѣли безпрерывно. Тяжко вздыхали окрестности, и земля, казалось, шаталась подъ бременемъ сражающихся. Французы метал

лись съ дикимъ остервенѣніемъ. Русскіе стояли съ неподвижностью твердѣйшихъ стѣнъ. Одни стремились дорваться до возжелѣннаго конца всѣмъ трудамъ и дальнимъ походамъ, загрестъ сокровища, имъ обѣщанныя, и насладиться всѣми утѣхами жизни въ древней знаменитой столицѣ; другіе помнили, что заслоняютъ собою сію самую столицу, сердце Россіи и мать городовъ. Оскорблённая вѣра, разоренныя области, поруганные алтари громко вопіяли о мщеніи и мужествѣ.

Сердца русскія внимали священному воплю сему: мужество нашихъ войскъ было неописанно. Они, казалось, дорожили каждымъ вершкомъ земли, и бились до смерти за каждый шагъ. Многія батареи до десяти разъ переходили изъ рукъ въ руки.

Густой дымъ заступилъ мѣсто тумана. Сѣдыя облака клубились надъ лѣвымъ крыломъ нашимъ и заслонили средину, между тѣмъ какъ на правомъ крылѣ сіяло полное солнце. И самое свѣтло сіе мало видало такихъ браней на землѣ съ тѣхъ поръ, какъ освѣщаетъ её.

Сраженіе не умолкало ни на минуту, и цѣлый день продолжался бѣглый огонь изъ пушекъ. Бомбы, ядра и картечи летали здѣсь такъ густо, какъ обыкновенно летаютъ пули; а сколько здѣсь пролетѣло пуль!...

Бородинское сраженіе прекратилось въ тотъ же день. Обѣ стороны—русскіе и французы—потеряли болѣе ста тысячъ убитыми и ранеными. Хотя поле сраженія осталось за русскими, но Кутузовъ, видя значительную убыль нашего вѣйска во время битвы, не рѣшился вступать въ новый бой съ непріателемъ, а потому велѣлъ войскамъ отступать къ Москвѣ. Наполеонъ пошелъ за нимъ.

128. Наполеонъ въ Москвѣ.

Подъ самой столицей князь Кутузовъ собралъ своихъ генераловъ на военный совѣтъ, на которомъ было рѣшено не отстаивать Москвы, а отдать её врагамъ на спасеніе Россіи и на погибель Наполеона.

Какъ только прошёлъ слухъ о приближеніи Наполеона къ Москвѣ, всѣ жители стали изъ нея выбираться. Поднялась повсюду суматоха. Иные зарывали въ землю своё добро; другіе увозили его съ собою. По улицамъ тянулись день и ночь обозы и экипажи, и сновали пѣшеходы. Женщины несли дѣтей. Всѣ покидали городъ, за исключеніемъ лишь бѣдняковъ, которымъ некуда было дѣваться.

Вечеромъ 2-го сентября Наполеонъ вступилъ въ городъ. Терпѣ долгое время голодъ, французы съ жадностью стали искать по всемъ погребамъ съѣстнаго и, наѣвшись дѣсьта, улеглись спать. Но не долго пришлось имъ отдыхать. Въ ту же ночь вспыхнулъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ пожаръ, который влѣдствіе сильнаго вѣтра всё болѣе и болѣе усиливался и въ теченіе трёхъ сутокъ уничтожилъ болѣе чѣмъ три четверти города. Жутко было Наполеону. Онъ воображалъ, что какъ только онъ войдетъ въ Москву, нашъ царь попрѣдитъ у него мира, а царь и не думалъ съ нимъ мириться.

Между тѣмъ приближалась зима. Наполеона стала сильно беспокоить мысль, что ему придется провести зиму въ пустой и обгорѣлой Москвѣ. Поэтому онъ рѣшился первый начать переговоры о мирѣ. Но Александръ I не хотѣлъ даже отвѣчать ему, а только объявилъ, что онъ не положитъ оружія, пока врагъ не уйдетъ изъ Россіи. Русскій народъ съ восторгомъ узналъ о такой твёрдости своего государя и охотно жертвовалъ всемъ на защиту отечества. Вооружённые ратники стекались къ войску со всехъ сторонъ тысячами.

Въ Москвѣ между тѣмъ открылся голодъ; хлѣба французамъ взять было негдѣ — около Москвы развѣзжали казаки, да бродили вооружённые крестьяне. Для утоленія голода, французы стрѣляли воронъ, ѣли кошекъ, лошадиную падаль. Положеніе французовъ сдѣлалось наконецъ безвыходнымъ. Наполеонъ рѣшился уйти изъ Москвы.

129. Отступление Наполеона и его бѣгство изъ Россіи.

Оставляя Москву, Наполеонъ продолжалъ ещё питать въ сердцѣ своёмъ надежду на побѣду надъ Русскимъ Царёмъ. Главное, въ чѣмъ онъ нуждался,— это

были зимнія квартиры и съѣстные припасы для изнурѣннаго войска. Москва не могла доставить французамъ необходимыхъ удобствъ, а потому они оставили ее и направились на югъ, въ страны ещё не разорѣнныя.

Вся задача состояла въ томъ, чтобы какъ-нибудь скрыть передъ русскимъ войскомъ цѣль своего похода, потому что Наполеонъ теперь желалъ избѣжать войны, такъ какъ у русскихъ было больше войска, и войско это было въ гораздо лучшемъ состояніи. Поэтому французы раздѣлились на нѣсколько отрядовъ, которые двигались по разнымъ направлѣніямъ, такъ что очень трудно было угадать настоящую цѣль похода. Но планъ этотъ не удался. Кутузовъ во-время разставилъ сильныя отряды въ Тарутинѣ и Малоярославцѣ, чтобы не дать французамъ итти туда, куда имъ хочется. Они пробовали было 12-го октября пробиться силою, но были оттѣснены на прежнюю разорѣнную смоленскую дорогу. Кутузовъ былъ очень радъ такому обороту дѣла: онъ говорилъ, что возвращеніе непріятелей по прежней дорогѣ убійственно для нихъ. И дѣйствительно, французскіе солдаты мѣрли съ голоду: лошадиное мясо, даже падалъ, были для нихъ рѣдкимъ лакомствомъ. Когда лошади почти всѣ были съѣдены, то и пушки и возы съ награбленною добычею нужно было оставлять на дорогѣ.

А тутъ, какъ на бѣду, въ октябрѣ наступили морозы, словно крещенскіе, снѣгъ выпалъ глубокій. Плохо одѣтые французы гибли и отъ холода, и отъ голода. Эта, недавно блистательная, армія представляла теперь исхудалыхъ, больныхъ бѣглецовъ, еле державшихъ ружья въ ооченѣлыхъ рукахъ, обрваннхъ или кое-какъ прикрытыхъ, кто рогожкою, кто канѣтомъ, кто шубою. И этимъ несчастнымъ бѣглецамъ на каждомъ шагѣ угрожали то казаки, то партизаны, то просто крестьяне, выходившіе теперь на французовъ, какъ на охоту.

Но не только отряды казаковъ, крестьянъ и партизановъ напирали со всѣхъ сторонъ на отступавшихъ въ беспорядкѣ французовъ, за ними шѣлъ Кутузовъ съ правильнымъ войскомъ, тепло одѣтымъ, сытымъ и хорошо вооруженнымъ; съ сѣвера, кромѣ того, шла другая русская армія, которая успѣшно отразила французовъ, хотѣвшихъ итти въ Петербургъ; съ юга надвигалась третья армія.

Наполеонъ спѣшилъ переправиться за рѣку Березину, но при этой переправѣ армія его потеряла двадцать тысячъ плѣнными, множество убитыми, почти всю артиллерію и обозы; морозы, доходившіе до 30 градусовъ, довершили истребленіе французовъ. Покинувъ ничтожныя остатки своей арміи, Наполеонъ ускакалъ въ Парижъ.

Императоръ Александръ Павловичъ повѣлъ войска свои въ Германію и поднялъ противъ Наполеона всѣхъ нѣмцевъ. Наполеонъ былъ ещё нѣсколько разъ разбитъ и долженъ былъ отказаться отъ престола. Войска наши заняли Парижъ, и королѣмъ Франціи былъ объявленъ одинъ изъ потѣмковъ прежнихъ королей.

Такимъ образомъ, Императоръ Александръ I спасъ отъ страшнаго завоевателя и умиротворилъ не только Россію, но и всю Европу. Всѣ народы благословляли его за этотъ подвигъ и называли своимъ спасителемъ. Вотъ почему, когда императоръ Александръ возвратился въ отечество, благодарная Россія поднесла ему титулъ *Благословеннаго*.

Побѣда надъ Наполеономъ вознесла императора Александра I на верхъ славы: его считали первымъ государемъ въ свѣтѣ. Но онъ по прежнему остался кроткимъ, ко всѣмъ привѣтливымъ и ласковымъ.

130. Севастопольская оборона.

Послѣ отечественной войны Россія стала самымъ сильнымъ государствомъ, и безъ согласія русскаго императора не рѣшалось ни одного важнаго дѣла въ Европѣ.

Такое могущество Россіи было очень неприятно другимъ государствамъ; особенно усилилась ненависть къ Россіи во Франціи, когда тамъ былъ избранъ императоромъ Наполеонъ III, племянникъ Наполеона I. Наполеону III хотѣлось непременно втянуть Россію въ войну и обезсилить её. И вотъ вмѣстѣ съ Англіей онъ сталъ подговаривать къ войнѣ старинныхъ враговъ Россіи — турокъ — и обѣщаль оказать имъ помощь. Турки были рады такому случаю и стали преслѣдовать православныхъ христіанъ, которые имъ были подвластны. Русскій императоръ Николай Павловичъ заступился за угнетѣнныхъ христіанъ и, когда турки

Императоръ Николай I.

не исполнили его справедливыхъ требованій, онъ объявилъ имъ въ 1853 году войну. Сначала турки вели войну одни и терпѣли пораженія. Особенно отличились русскіе моряки: подъ начальствомъ знаменитаго адмирала *Нахимова* они напали въ Черномъ морѣ на турецкій флотъ и истребили его. Видя, что туркамъ приходится плохо, Франція, Англія и Италія послали имъ на помощь свои корабли и войска.

Часть непріятельскихъ кораблей разсѣялась по разнымъ морямъ и повсюду нападла на русскіе прибрежныя города. Главныя же свои силы враги направили въ Чёрное море, къ Крымскому полуострову. Высадивъ войско въ Крымъ, союзники двинулись на городъ Севастополь. Русскія войска, которыя были тогда въ Крымъ, встрѣтили непріятели, но по своей малочисленности не могли съ нимъ справиться и отступили къ Севастополю. Севастополь былъ защищёнъ только съ моря, а съ суши онъ былъ совершенно открытъ, и непріятели могли взять его безъ всякаго затрудненія.

Адмиралы Корниловъ и Нахимовъ тотчасъ приступили къ укрѣпленію Севастополя. Не имѣя болѣе надобности въ корабляхъ, они потопили ихъ при входѣ въ Севастопольскую гавань и такимъ образомъ загородили входъ туда непріятельскимъ кораблямъ. Матросовъ съ этихъ кораблей они присоединили къ сухопутнымъ войскамъ и при помощи способнаго, молодого инженера Тотлѣбена принялись укрѣплять Севастополь съ суши. Днёмъ и ночью кипѣла работа, и земляныя укрѣпленія росли одно за другимъ; трудились не только солдаты и матросы, но также городскіе жители, даже женщины и дѣти оказывали солдатамъ помощь. Непріятели не рѣшились прямо овладѣть Севастополемъ, а принялись тоже строить земляныя укрѣпленія и ставить на нихъ пушки. Скоро кругомъ Севастополя появилось множество укрѣпленій, какъ русскихъ, такъ и непріятельскихъ. Такъ началась знаменитая Севастопольская оборона, которая длилась цѣлыхъ 11 мѣсяцевъ. Корниловъ и Нахимовъ одушевляли защитниковъ Севастополя своимъ мужествомъ; они сами подъ огнёмъ непріятели отдавали приказанія и наводили пушки.

Построивъ укрѣпленія, непріятели открыли ожесточѣнную пальбу по русскимъ укрѣпленіямъ и по городу; русскіе отвѣчали имъ тѣмъ же. Пальба эта шла почти ежедневно, и тысячи ядеръ и бомбъ летали по воздуху съ утра до поздней ночи. Въ иные дни непріятели палили и съ суши, и съ кораблей.

Не легко было жить въ это время въ Севастополь. Непріятельскія ядра и бомбы причиняли страшный вредъ и людямъ, и домамъ, и укрѣпленіямъ; ежеминутно нужно было ожидать смерти, и каждый день погибало не мало храбрыхъ защитниковъ Севастополя. Несмотря на это, русскіе стояли твёрдо и въ теченіе 11 мѣсяцевъ мужественно встрѣчали всё опасности. Наконецъ наступило время, когда держаться въ Севастополь стало невозможно и русскіе принуждены были отступить.

Во время Севастопольской обороны императоръ Николай Павловичъ скончался и на престолъ русскій вступилъ сынъ его, Александръ II. Вскорѣ послѣ этого императоръ Александръ II началъ съ непріятелями переговоры о мирѣ, который былъ окончательно заключёнъ въ Парижѣ въ 1856 году.

131. Юные герои Севастополя.

Съ самаго начала осады Севастополя и до конца черноморскіе моряки были образцами храбрости и смѣливости. Своимъ присутствіемъ и примѣромъ они придавали храбрости и другимъ солдатамъ. „Постоймъ до послѣдняго“, сказали моряки, и исполнили это обѣщаніе. Даже дѣти и жены матросскія принимали участіе въ защитѣ ихъ роднаго города. Ребятишки помогали отцамъ при пушкахъ: подавали ядра, собирали ихъ, а нѣкоторые, постарше, приглядѣвшись, какъ отецъ справляется съ пушкой, заступали его мѣсто, когда его убивало непріятельское ядро.

И отличные выходили из нихъ комендѣры (то-есть главные при пушкахъ: комендѣръ прицѣливается изъ нея и вообще всеѣмъ распоряжается). Въ самомъ началѣ осады Севастополя, на бастіонѣ № 4 явился сынъ матроса, Кузьма Горбаневъ, и сталъ проситься на службу при пушкахъ.

— Куда тебѣ на бастіонъ, говорилъ командиръ, глядя на мальчика лѣтъ четырнадцати: — другимъ только мѣшать будешь.

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше благородіе, увидите, какъ я буду служить... Мы съ малолѣтства возлѣ пушекъ, — ну, и приобѣкли къ нимъ.

— Ну, а если тебя убьютъ, или изувѣчатъ? Развѣ ты не боишься?

— Богъ милостивъ, ваше благородіе, можетъ и не убьютъ; а убьютъ, такъ на то Божья воля.

— Ну, ладно! Молодецъ ты, я вижу! — и Кузьма Горбаневъ былъ принятъ въ число артиллерійской прислуги. Онъ оказался очень расторопнымъ и храбрымъ малымъ. Горбаневъ былъ раненъ, — и послѣ перевязки, вмѣсто того, чтобъ оставаться въ больницѣ, пошелъ на бастіонъ помогать морякамъ.

Другой храбрѣцъ, двѣнадцатилѣтній сынъ матроса, Максимъ Рыбалченко, съ цѣлой ватагой ребятишекъ, искалъ и собиралъ непріятельскія ядра, валявшіяся въ оврагахъ и на поляхъ, и приносилъ ихъ на бастіонъ Корнилова. Онъ такъ же, какъ и Горбаневъ, былъ впоследствии принятъ на бастіонъ, на службу, и усердно исполнялъ свою опасную должность. Оба они награждены медалями на Георгіевской лентѣ.

Но были войны и моложе. На первомъ бастіонѣ служилъ долгое время шестилѣтній мальчикъ и почти до конца осады не былъ раненъ; а на 5-мъ бастіонѣ десятилѣтній Николай Пищенко лихо прислуживалъ своему отцу-комендѣру. Когда отецъ былъ убитъ, Николай Пищенко самъ сдѣлался комендѣромъ и очень мѣтко стрѣлялъ изъ пушекъ. Онъ былъ награжденъ Георгіевскимъ крестомъ.

132. Императоръ Александръ II.

По окончаніи севастопольской войны императоръ Александръ II занялся внутренними дѣлами и прежде всего обратилъ вниманіе на крѣпостныхъ крестьянъ. Съ 1590 г. крестьяне были прикрѣплены къ землѣ. Но уже со временъ Петра Великаго государя русскіе заботились объ улучшеніи бѣды крѣпостныхъ крестьянъ. Наконецъ, 19-го февраля 1861 г. императоръ Александръ II издалъ манифестъ объ освобожденіи крестьянъ. Слишкомъ 20 милліоновъ крестьянъ сдѣлались свободными людьми и сверхъ того получили надѣлы землі, которые могли или выкупить тотчасъ въ собственность, или платить за нихъ до извѣстнаго времени обрѣкъ.

Въ 1864 г. были введены *земскія учрежденія*, по которымъ все сословія губерній или уѣзда составляютъ земство этой губерній или уѣзда. Земство само управляетъ всею хозяйственною частью губерній или уѣзда, распредѣляетъ земскія повинности, заботится объ устройствѣ школъ, больницъ, объ исправленіи путей сообщенія — дорогъ, мостовъ.

Въ 1864 г. былъ также введенъ у насъ гласный судъ; до этого времени все дѣла разбирались въ закрытыхъ судахъ. По новымъ судебнымъ уставамъ разборъ маловажныхъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ порученъ мировымъ судьямъ; для разбора же болѣе важныхъ уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ учреждены окружные суды. Важныя уголовныя дѣла разбираются въ окружныхъ судахъ при

участи двѣнадцати присяжныхъ засѣдателей, избираемыхъ изъ мѣстныхъ жителей. Если присяжные, выслушавъ дѣло, скажутъ, что подсудимый *невинновенъ*, то его сейчасъ же освобождаютъ; если же они признаютъ подсудимаго *виновнымъ*, то судьи опредѣляютъ ему наказаніе по законамъ.

Наконецъ, въ 1874 г. совершилось ещё одно великое преобразование, а именно была введена *всеобщая воинская повинность*, состоящая въ томъ, что всѣ русскіе граждане, безъ различія сословія — и дворяне, и купцы, и мѣщане, и крестьяне (а не одни только мѣщане и крестьяне, какъ это было раньше), обязаны служить въ войскѣ 18 лѣтъ (5 лѣтъ на дѣйствительной службѣ и 13 въ запасѣ). Всѣ должны начинать службу рядовыми, исключеній не допускается никакихъ. Одно только образованіе даётъ нѣкоторыя льготы: учившіеся въ школахъ служатъ меньше, чѣмъ не учившіеся, и чѣмъ человѣкъ образованнѣе, тѣмъ меньше времени онъ служитъ; напр., учившіеся въ сельскихъ школахъ остаются на дѣйствительной службѣ, т.-е. въ полку, 4 года, а учившіеся въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ — 2 года.

Императоръ Александръ II.

Среди заботъ о благѣ своихъ подданныхъ императоръ Александръ Николаевичъ не забывалъ и братьевъ нашихъ — придунайскихъ славянъ, которые находились подъ властью турокъ. Турки въ продолженіе четырехсотъ лѣтъ угнетали славянъ, и наконецъ своимъ жестокимъ обращеніемъ вывели славянъ изъ терпѣнія. Славяне обра-

тились за помощью къ нашему Государю. Тогда императоръ Александръ Николаевичъ потребовалъ у турокъ улучшенія быта славянъ. Турки не выполнили этого требованія, и Царь-Освободитель объявилъ туркамъ *войну за славянъ*.

Русскія войска одержали верхъ, и турки вынуждены были просить мира. Русская кровь была пролита на Дунай не даромъ: послѣ войны почти всѣ придунайскіе славяне были освобождены отъ власти турокъ; кромѣ того образовано новое княжество Болгарское.

Послѣ этой славной войны Царь-Освободитель опять посвятилъ себя заботамъ о благѣ подданныхъ, но 1-го марта 1881 г. Россія лишилась своего Отца-Благодѣтеля: Государь сдѣлался жертвою нѣсколькихъ злодѣевъ и принялъ кончину мученика, оплакиваемый всей Россіей.

2-го марта 1881 г. на всероссійскій престолъ вступилъ сынъ въ Бозѣ почившаго Государя, нынѣ благополучно царствующій *Государь Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій Александръ Александровичъ*.

133. Посѣщеніе раненыхъ воиновъ Императоромъ Александромъ II во время войны (1877 и 1878 гг.).

(Изъ записокъ очевидца.)

Я видѣлъ Царя, когда онъ посѣщалъ раненыхъ. Сколько простоты, сколько душевной теплоты, какое нѣжное обращеніе! Передъ нами являлся не повелитель обширнѣйшей въ свѣтѣ имперіи, а человекъ глубоко чувствующій страданія храбрыхъ воиновъ и ищущій въ своемъ сердцѣ всѣхъ средствъ для облегченія этихъ страданій. Здѣсь царское величіе являлось въ необычайной простотѣ, въ глубокомъ добродушіи, въ сердечномъ чувствѣ, въ этомъ дрожащемъ отъ слезъ голосѣ, которымъ Государь, растроганный до глубины души, говорилъ иногда, и слезы текли у него изъ глазъ, и онъ напрасно старался скрыть ихъ.

Вчера Государь прибылъ въ лазарѣтъ съ цѣлымъ вѣрохомъ подарковъ для раненыхъ. Тутъ были ситцевыя и полотняныя рубашки, киесты для табаку, кошельки, ножи, книги, гармоникки и проч. Все это несли за Государемъ сестры милосердія. Онъ заранѣе зналъ тѣхъ, которые умѣли играть на гармоникѣ и спрашивалъ раненыхъ, курятъ ли они или нѣтъ. Подарки распредѣлялись сообразно этому. „Императрица прислала вамъ гостинцевъ“, говорилъ Государь, входи въ палату, и раздавалъ по два, по три подарка каждому, при чемъ спрашивалъ о здоровьѣ, о ходѣ раны, о дѣлѣ, въ которомъ получена рана. Раненые цѣловали руки у Государя, и онъ ласкалъ ихъ рукой по лицу, какъ ласкаютъ любимыхъ дѣтей. На вопросы Императора раненые отвѣчали совсѣмъ не стѣсняясь; очевидно, они привыкли къ такому обхожденію съ ними Государя, и каждый чувствовалъ его искренность, его душевную теплоту.

— Гдѣ тотъ, что играетъ на гармоникѣ? — спросилъ Императоръ. Ему указали на молодого солдата, совсѣмъ еще безъ усдовъ, съ необыкновенно добродушной физіономіей. Государь подошелъ къ нему. „Ну, вотъ тебѣ“, сказалъ онъ, подавая солдату гармоникку: „сыграй что-нибудь“.

— Я на такихъ, Ваше Императорское Величество, еще не игрывалъ.

— Попробуй.

Солдатъ взялъ нѣсколько аккордовъ и заигралъ что-то веселое. Государь слушалъ, улыбаясь.

— Видишь, какъ хорошо выходитъ, — произнесъ Царь, выходя изъ палаты.

3. ОТЕЧЕСТВО.

134. Родина.

Много на свѣтѣ мѣсть, гдѣ жить привольно, а всякаго тѣнетъ туда, гдѣ онъ родился и жилъ съ родными своими. Тамъ всё ему знакомо и дорого. Дорогъ ему всякій уголь въ родномъ домѣ: тутъ ещё малымъ ребёнкомъ онъ въ зыбкѣ качался; всякій кустикъ въ отцовскомъ саду ему пріятель; мила ему родная рѣчка: тамъ онъ съ другими ребятами лѣтомъ купался; милъ ему лѣсъ, гдѣ знаетъ онъ всякое деревцо; дорого ему кладбище, гдѣ схоронены его родные.

Кто живётъ на чужой сторонѣ, тотъ помнитъ родину свою крѣпко. А когда онъ вернётся, то словно оживётъ. На родинѣ и воздухъ будто другой, и люди будто лучше. Выйдетъ онъ на улицу: всякій человекъ ему родня или знакомый, а то и пріятель. Вспомнитъ старое вспомнить. Свой своему поневоля братъ: онъ лучше поймётъ его заботу и охотнѣй изъ бѣды выручить.

135. Что такое отчизна?

Отчизна, отечество—это родная земля наша, гдѣ жили отцы и дѣды наши, гдѣ родились и живёмъ и сами мы.

Россія—земля отцовъ нашихъ, значить, она наша отчизна, наше отечество. Мы родились въ Россіи, значить, она наша родная земля, наша *родина*.

Кому же не любя земля отцовъ и дѣдовъ, кому не мила родная земля! Много на свѣтѣ различныхъ земель и государствъ, но родина наша милѣ намъ всѣхъ. Какъ мать, она вскормила насъ своимъ хлѣбомъ и вспоила своими водами.

Велико наше отечество и много въ нёмъ живётъ различныхъ народовъ. Всѣ эти народы повинуются одной верховной власти—своему Батюшкѣ-Царю, который, какъ отецъ, заботится объ ихъ безопасности и счастьѣ.

136. Русь.

Широко ты, Русь,
По лицу земли,
Въ красѣ царственной
Развернулася!
По сѣдымъ морямъ
Изъ далѣкихъ странъ
На поклонъ тебѣ
Корабли идутъ.
И поля цвѣтутъ,
И лѣса шумятъ,
И лежатъ въ землѣ
Груды золота;

И во всѣхъ концахъ
Свѣта блага
Про тебя идётъ
Слава громкая.
Ужъ и есть за что,
Русь могучая,
Полюбить тебя,
Назвать матерью,
Стать за честь твою
Противъ недруга,
За тебя въ пуждѣ
Сложить голову!

137. Народный гимнъ.

Боже, Царя храни!
Сильный, державный,
Царствуй на славу намъ,

Царствуй на страхъ врагамъ,
Царь православный!
Боже, Царя храни!

138. Многолѣтіе.

Многи лѣта, многи лѣта,
Православный русскій царь!
Дружно, громко пѣсня эта
Пѣлась прѣдѣдами ветарь.

Дружно, громко пѣсню эту
И теперь вся Русь твердитъ;
Съ ней по цѣлому полевѣту
Имя царское гремитъ.

Прогрени жъ до граней свѣта
И по всѣмъ сердцамъ ударь,
Наша пѣсня: „Многи лѣта,
Православный русскій царь“!

Государь Императоръ Александръ III Александровичъ.

139. Народная пѣсня.

Слава на небѣ солнцу выедкому,
На землѣ Государю великому;
Слава на небѣ ўтру прекрасному,
На землѣ Государынѣ ласковой.
Слава на небѣ яспому мѣсацу,
На землѣ Государю-Наслѣднику;
Слава яркимъ свѣтѣламъ полуночи,

Сыновьямъ, дочерямъ государевымъ
И великому князю съ княгинею.
Слава громамъ, играющимъ на небѣ,
Слава храброму русскому вѣднству.
Слава небу всему лучезарному,
Слава Русскому царству великому.
Веселіся ты, солнце небесное,

Многи лѣта Царю благовѣрному!

II. БАСНИ, СТИХОТВОРЕНИЯ И СКАЗКИ.

Б А С Н И.

140. Полевой цвѣтокъ и гвоздика.

Простой цвѣточекъ, дикій,
Нечаянно попалъ въ одинъ пучокъ съ гвоздикой.
И что же? Отъ ней душистымъ сталъ и самъ.
Хордшее всегда знакомство въ прибыль намъ.

141. Крестьянинъ и змѣя.

Къ крестьянину вползла змѣя,
И говорить: „Сосѣдь! начнёмъ жить
дружно!
Теперь меня тебѣ стеречься ужъ не
нужно.
Ты видишь, что совсѣмъ другая стала я,
И кожду нынѣшней весной перемѣнила“.

Однакожъ мужика змѣя не убѣдила.
Мужикъ схватилъ обухъ
И говорить: „Хоть ты и въ новой
кожѣ,
Да сердце у тебя всё то же“.
И вышибъ изъ сосѣдки духъ.

142. Лебедь, щука и ракъ.

Когда въ товарищахъ согласья нѣтъ,
На ладъ ихъ дѣло не пойдѣтъ,
И выйдетъ изъ него не дѣло, только
мука.

Однажды лебедь, ракъ да щука
Везти съ поклажей возъ взялись
И вмѣстѣ трое все въ него впряглись.
Изъ кожи лѣзутъ вонъ, а вѣзу все
нѣтъ ходу!

Поклажа бы для нихъ казалась и легка,
Да лебедь рвется въ облака,
Ракъ пѣтится назадъ, а щука тянетъ
въ воду.

Кто виноватъ изъ нихъ, кто правъ —
судить не намъ,
Да только возъ и нынѣ тамъ.

143. Крестьянинъ и работникъ.

Старикъ-крестьянинъ съ батракомъ
Шелъ подъ вечеръ лѣскомъ
Домой, въ деревню, съ сѣнокосу,
И повстрѣчали вдругъ медвѣдя носомъ
къ носу.

Крестьянинъ ахнуть не успѣлъ,
Какъ на него медвѣдь насѣлъ;
Поднять крестьянина, ворочаетъ, ло-
маетъ,
И, гдѣ бы его почать, лишь мѣсто
выбираетъ:

Конецъ приходитъ старику!
„Степанушка, родной, не выдай, милый“!
Изъ-подъ медвѣдя онъ взмолился бат-
раку.

И вотъ батракъ, со всей собравшись
силой,
Что только было въ немъ,
Огнѣсь полчерепа медвѣдю топоромъ
И брюхо прокололъ ему желѣзной вилой.
Медвѣдь взревѣлъ, и замертво упалъ:
Медвѣдь мой издыхаетъ.

Прошла бѣда; крестьянинъ всталъ,
И онъ же батрака ругаетъ.
Опѣшилъ бѣдный мой Степанъ.
„Помилуй“, говоритъ: „за что“?
— За что, болванъ?

Чемъ обрадовался сдѣру?
Знай колетъ: всю испортилъ шкуру!

144. Соловей и чижъ.

Былъ домъ,
Гдѣ подъ окномъ
И чижъ и соловей висѣли
И пѣли.
Лишь только соловей, бывало, запоётъ,
Сынъ маменькѣй отцу проходу не даётъ.
Всё птичку показатъ къ нему онъ присту-
паетъ,
Что этакъ хорошд поётъ.
Отець, обдихъ снявъ, мальчикѣ подаётъ.

„Ну“, говоритъ, „узнай, мой свѣтъ,
Которая тебя такъ много забавляетъ“?
Тотчасъ на чижику мальчишка указалъ—
„Вотъ, батюшка, она!“, сказалъ.
И мальчикъ отъ чижа въ великомъ вос-
хищеньѣ:
„Какія перышки! куда какъ онъ пригожь!
Затѣмъ вѣдь у него и гдѣсь такъ хорошд“!
Ребятъе разужденье!

145. Лягушка и волъ.

Лягушка, на лугу увидѣвши волъ,
Затѣяла сама въ дородствѣ съ нимъ
сравняться
(Она завистлива была),
И ну топдриться, пыхтѣтъ и наду-
вается.
„Смотри-ка, квакушка, что, буду ль
я съ него“?
Подругѣ говоритъ.— „Нѣтъ, кумушка,
далеко“!—

„Гляди же, какъ теперь раздуюсь я
широко...“

Ну, каковд?
Пополнилась ли я“?— „Почти что ни-
чего.—
„Ну, какъ теперь“?— „Всё то жъ“.
Пыхтѣла да пыхтѣла,
И кончила мой затѣйница на томъ,
Что, не сравнявшись съ волдмъ,
Съ натуги лдгнула—и околѣла.

146. Мартышка и очки.

Мартышка къ старости слаба глазами
стала;
А у людей она слыхала,
Что это зло ещё не такъ большой руки:
Лишь стодтъ завести очки.
Очковъ съ поддюжины себѣ она достала;
Вертитъ очками такъ и сякъ:
То къ темю ихъ прижметъ, то ихъ на
хвостъ наивжетъ,
То ихъ понюхаетъ, то ихъ полижетъ:

Очки не дѣйствуютъ никакъ.
„Тфу пропасть“! говоритъ она: „и
тотъ дуракъ,
Кто слушаетъ людскихъ всѣхъ вракъ:
Всѣ про очки лишь мнѣ наглали,
А прдку на волосъ нѣтъ въ нихъ“.
Мартышка тутъ съ досады и печали
О камень такъ хватила ихъ,
Что только брызги засверкали.

147. Зеркало и обезьяна.

Мартышка, въ зеркалѣ увидя образъ
свой,
Тихохонько медвѣдя толкъ ногдй;
„Смотри-ка“, говоритъ, „кумъ милый
мой:
Что это тамъ за рджа?
Какіе у ней ужимки и прыжки!
Я удавилась бы съ тоски,
Когдѣ бы на неё хоть чуть была
похожа.“

А, вѣдь, признаться, есть
Изъ кумушекъ моихъ такихъ кривлякъ
пять-шесть;
Я даже ихъ могу по пальцамъ пере-
честъ...“
— „Чѣмъ кумушекъ считать трудиться,
Не лучше ль на себя, кума, оборотиться“?
Ей Мишка отвѣчалъ.
Но Мишенькинъ совѣтъ лишь допусту
пропалъ.

148. Крестьянинъ и лошадь.

Крестьянинъ засѣвалъ овёсъ;
То видя, лошадь молодая
Такъ про себя ворчала, разсуждая:
„За дѣломъ стѣлько онъ овса принёсъ!
Вотъ, говорятъ, что люди насъ умнѣе:
Что можетъ быть безумнѣй и смѣшнѣе,
Какъ поле цѣлое изрыть,
Чтобъ подслѣ раскорить
На немъ овёсъ свой попустѣму?
Стравилъ бы онъ его иль мнѣ, или
гнѣдому;

Хоть кѹрамъ бы его онъ вздумалъ
разбросать—
Всё было бъ болѣе похоже то на стагъ.
Хоть спряталъ бы его: я видѣла бъ
въ томъ скѹпость;
А подусту бросать! Нѣтъ, это прѣсто
глѹпость“.
Вотъ къ осени межъ тѣмъ овёсъ тотъ
убранъ былъ,
И нашъ крестьянинъ имъ того жъ
коня кормилъ.

149. Прехожіе и собаки.

Шли два пріятеля вечернею порѣй
И дѣльный разговоръ вели между собой;
Какъ вдругъ изъ подворотни
Дворняжка тѣвкнула на нихъ;
За ней другая, тамъ ещё двѣ-три, и
вмигъ
Со всѣхъ сторонъ собакъ сбѣжалоса съ
полсѣтни.
Одинъ-было уже проходжій камень взялъ.
— „И, полно, братецъ“! тутъ другой
ему сказалъ:

„Собакъ ты не уймешь отъ лаю,
Лишь пуще всю раздразнишь стаю;
Пойдемъ впередъ; я ихъ натуру лучше
знаю“.
И подлинно, прошліи шагѣвъ десятковъ
пять,
Собаки начали помалу затихать,
И стало, наконецъ, совсѣмъ ихъ не
слыхать.

150. Свинья.

Свинья на барскій дворъ когда-то зате-
салась;
Вокругъ конюшенъ тамъ и кѹхонь насло-
палась,
Въ сорѹ, въ навѣзѣ извалялась,
Въ помѣяхъ подъ уши досѣта накупалась,
И изъ гостей домой
Пришла свинья-свиньей.
— „Ну что жъ, Хавронья, тамъ ты
видѣла такдо“?
Свинью спросилъ пастухъ:

„Вѣдь ходитъ слухъ,
Что всё у богатѣй лишь бисеръ да жем-
чугъ;
И въ дѣмъ всё—одно богатѣе другого“?
Хавронья хрюкаетъ:— „Ну, право, по-
рютъ вздоръ!
Я не примѣтила богатства никакого:
Всё только лишь навѣзъ да соръ;
А, кажется, ужъ, не жалѣя рыла,
Я тамъ изрыла
Весь задній дворъ“.

151. Трудолюбивый медвѣдь.

Увидя, что мужикъ, трудясь надъ дугами,
Ихъ прибыльно сбываетъ съ рукъ
(А дуги гнутъ съ терпѣньемъ и не
вдругъ),
Медвѣдь задумалъ жить такими же тру-
дами.

Пошелъ по лѣсу трескъ и стукъ,
И слышно за верстѹ проказу.
Орѣшника, березника и вяза
Мой Мишка погубилъ несмѣтное число,
А не даётся ремесло!

Вотъ идетъ къ мужику онъ попросить
И говоритъ: „Сосѣдь, что за причина
Деревья я таки ломать могу,
А не согнулъ ни одного въ дугу.
Скажи, въ чѣмъ есть тутъ главное умънье“?
— „Въ томъ“, отвѣчалъ сосѣдь,
„Чего въ тебѣ, кумъ, въ все нѣтъ:
Въ терпѣньѣ“.

152. Свинья подъ дубомъ.

Свинья подъ дубомъ въковымъ
Наѣлась жолудей досыта, до отвала;
Наѣвшись, выспалась подъ нимъ;
Потомъ, глазъ продравши, встала
И рыломъ подрывать у дуба корни стала.
„Вѣдь это дереву вредитъ“,
Ей съ дуба вронь говоритъ:
„Коль корни обнажишь, онъ засохнуть
можетъ“.
— „Пусть сохнетъ“, говоритъ свинья:
„Ничуть меня то не тревожить;
Въ немъ прѣку мало вижу я;
Хоть вѣкъ его не будь, ничуть не по-
жалѣю;
Лишь были бы жолуди: вѣдь я отъ нихъ
жирѣю“.
— „Неблагодарная!“ промолвилъ дубъ ей
тутъ:
„Когда бы вверхъ могла поднять ты
рыло,
Тебѣ бы видно было,
Что эти жолуди на мнѣ растутъ“.

153. Слоны и моська.

По улицамъ слона водили,
Какъ видно, на показъ:
Извѣстно, что слоны въ диквинку у насъ;
Такъ за слонѣмъ толпы зѣвакъ ходили
Отклѣни возьмись, навстрѣчу моська имъ.
Увидѣвши слона, ну на него метаться,
И лаять, и визжать, и рваться;
Ну, такъ и лѣзетъ въ драку съ нимъ.
„Сосѣдка, перестань срамиться“,
Ей шафка говоритъ: „тебѣ ль съ слонѣмъ
возиться?
Смотри, ужъ ты хрипишь, а онъ себѣ
идетъ
Впередъ,
И лая твоего совсѣмъ не примѣчаетъ“.
— „Эхъ, эхъ!“ ей моська отвѣчаетъ;
„Вотъ то-то мнѣ и духу придаетъ,
Что я, совсѣмъ безъ драки,
Могу попасть въ большія забійки.
Пускай же говорятъ собаки:
„Ай моська! знать, она сильна,
Что лааетъ на слона“!

154. Раздѣлъ.

Имѣя общій домъ и общую контору,
Какіе-то честные торгашы
Наторговали денегъ гору;
Окончили торги, и дѣлятъ барыши.
Но въ дѣлежъ когда безъ спору?
Заводятъ шумъ они за деньги, за товаръ,
Какъ вдругъ кричатъ, что въ домѣ
ихъ пожаръ.
„Скорѣй, скорѣй спасайте
Товары вы и домъ“!
Кричитъ одинъ изъ нихъ: „Ступайте,
А сче́ты послѣ мы сведёмъ“!
— „Мнѣ только тысячу мою сперва
подайте“.

Шумить другой:
„Я съ мѣста не сойду долой“.
— „Мнѣ двѣ не додано, а вотъ тутъ
сче́ты ясны“!
Еще одинъ кричитъ. — „Нѣтъ, нѣтъ,
мы не согласны!
Да какъ, за что и почему“?
Забывши, что пожаръ въ домѣ,
Проклязники тутъ до того шумѣли,
Что захватило ихъ въ дымѣ,
И все они со все́мъ добромъ своимъ
сгорѣли.

155. Собака и лошадь.

У одного крестьянина служба,
Собака съ лошадыю считается какъ-то
стали.

„Вот“, говоритъ Барбосъ, „большая
госпожа!

По мнѣ хотъ бы тебя совсѣмъ съ
двора согнали.

Велика вещь возить или пахать!

Объ удалствѣ твоёмъ другого не слы-
хатъ;

И можно ли тебѣ равняться въ чѣмъ
со мною?

Ни днёмъ, ни ночью я не вѣдаю
покою:

Днёмъ стадо подъ моимъ надзоромъ на
лугу,

А ночью домъ я стерегю“.

— „Конечно“, лошадь отвѣчала,

„Твой правдива рѣчь;

Однакоже, когда бъ я не пахала,

То нечего бъ тебѣ здѣсь было и
стеречь“.

156. Волкъ и журавль.

Что волки жадны, всякій знаетъ;

Волкъ, ѣвши, никогда

Костей не разбираетъ.

За то на одного изъ нихъ пришла бѣда:

Овъ костью чуть не подавился.

Не можетъ волкъ ни охнуть, ни вздох-
нуть;

Пришло хотъ ноги протянуть!

По счастью, близко тутъ журавль слу-
чился.

Вотъ кой-какъ знаками сталъ волкъ его
манить,

И просить гору пособить.

Журавль свой носъ по шею

Засунулъ къ волку въ пасть, и съ труд-
ностью большою

Кость вытащилъ, и сталъ за трудъ просить.

„Ты шутить“! звѣрь вскричалъ коварный:

„Тебѣ за трудъ? Ахъ ты, неблагодарный!

А это ничегò, что свой ты долгій носъ

И съ глупой головой изъ гòрла цѣль
унёсъ!

Поди жъ, пріятель, убирайся,

Да берегись: впередъ ты мнѣ не попа-
дайся“.

157. Щука и котъ.

Зубастой щукѣ въ мысль пришло

За кошачье приняться ремесло.

Не знаю, завистью ль её лукавый мучилъ,

Иль, можетъ-быть, ей рыбный столъ
наскучилъ,—

Но только вздумала она котà просить,

Чтобъ взялъ её съ собою онъ на охоту,

Мышей въ амбарѣ половить.

„Да, полно, знаешь ли ты эту, свѣтъ,
работу“?

Сталъ щукѣ Васья говорить:

„Смотри, кума, чтобъ не осрамиться:

Не даромъ говоришься,

Что дѣло мастера бойся“.

— „И, полно, куманёкъ! Вотъ неви-
далъ—мышей!

Мы лавливали и ершей“.

— „Такъ въ добрый часъ, пойдёмъ“!

Пошли, засѣли.

Натѣшился, наѣлся котъ,

И кумушку провѣдать онъ идеть.

А щука чуть жива лежитъ, разинувъ
ротъ,

И крысы хвостъ у ней отѣли.

Тутъ видя, что кумъ совсѣмъ не въ
силу трудъ,

Кумъ замертво стащилъ её обратно въ
прудь.

И дѣльно! Это, щука,

Тебѣ наука:

Впередъ умнѣ быть

И за мышами не ходить.

158. Любопытный.

„Пріятель дорогой, здорово! Гдѣ ты Козывки, мушки, тараканки!
былъ“? Одиѣ какъ изумрудъ, другія какъ ко-
— Въ Кунсткамерѣ, мой другъ! часа тамъ ралль!
три ходилъ; Какія крохотны коровки! *)
Все видѣлъ, высмотрѣлъ; отъ удивленья, Есть, право, мѣнѣ булавочной головки.—
Повѣришь ли, не станеть ни умѣнья „А видѣлъ ли слона? Какое собой на
Пересказать тебѣ, ни силъ. взглядъ?
Ужъ подлинно, что тамъ чудесъ палата! Я чай, подумалъ ты, что гору встрѣ-
Куда на выдумки природа торовата! тилъ“?
Какихъ звѣрей, какихъ тамъ птицъ я не — Да развѣ тамъ онъ? — „Тамъ“. Ну,
видѣлъ! братаецъ, виновать:
Какія бабочки, букашки, Слона-то я и не примѣтилъ.

159. Стрекоза и муравей.

Попрыгунья стрекоза
Лѣто цѣлое проиѣла;
Оглянутъся не успѣла,
Какъ зима катитъ въ глаза.
Помертвѣло чисто поле;
Нѣтъ ужъ дней тѣхъ свѣтлыхъ бдѣ,
Какъ подъ каждымъ ей листкомъ
Быль готовъ и столъ, и домъ.
Все прошло; съ зимой холодной
Нужда, голодъ настаётъ:
Стрекоза ужъ не поётъ;
И кому же въ умъ пойдѣтъ
На желудокъ цѣтъ голодный?
Злой тоскѣй удручена,
Къ муравью ползѣтъ она:
„Не оставь меня, кумъ милый!
Дай ты мнѣ собраться съ еилой,
И до вѣснихъ только дней
Прокорми и обогрѣй“!
— Кумушка, мнѣ странно это:
Да работала ль ты въ лѣто?
Говоритъ ей муравей.
„До того ль, голубчикъ, было?
Въ мягкихъ муравяхъ у насъ
Пѣсни, рѣзвость всякій часъ,
Такъ что голову вскружило“.
— А, такъ ты... — „Я безъ души
Лѣто цѣлое все пѣла“!
— Ты все пѣла? это дѣло:
Такъ поди же, попляши!

160. Крестьянинъ въ бѣдѣ.

Къ крестьянину на дворъ
Залѣзъ осенней ночью воръ;
Забрался въ клѣтъ и, на просторѣ
Обшаря стѣны все и полъ, и потолокъ,
Покралъ безсѣвѣстно, что могъ.
И то сказать, какая сдѣвѣсть въ ворѣ?
Ну такъ, что нашъ мужикъ-бѣднякъ
Богатымъ легъ, а съ голью всталъ та-
кю,
Хоть по міру пойдѣ съ сумою!
Не дай Богъ никому проснѣться худо
такъ!
Крестьянинъ тужитъ и горюеть,
Родню сзываетъ и друзей,
Сосѣдей всехъ и кумовей.
„Нельзя ли“, говоритъ, „помощь бѣдѣ
моей“?
Тутъ всякій съ мужикомъ толкуеть
И умный свой даѣтъ совѣтъ.
Кумъ Карпычъ говоритъ: „Эхъ, свѣтъ!
Не надобно было тебѣ по міру славить,
Что столько ты богатъ“.
Свять Климьчъ говоритъ: „Вперѣдъ,
мой милый свать,

*) Божья коровка — насѣкомья.

Старайся клятвѣ къ избѣ гораздо ближе
ставитъ“!

— „Эхъ, братцы, это всё не такъ“!

Сосѣдъ толкуетъ Фдка:

„Не то бѣда, что клятвѣ далеко,
Да надо на дворѣ лихихъ держать со-
бакъ.

Возьми-ка у меня щенка любого
Отъ Жучки: я бы радъ сосѣда дорогого

Отъ сердца надѣлать,

Чѣмъ ихъ топить“!

И словомъ, отъ родни и отъ друзей
любезныхъ

Совѣтовъ тысячу надавано полезныхъ,
Кто сколько могъ;

А дѣломъ ни одинъ бѣдняжкѣ не по-
могъ.

161. Волкъ на псарнѣ.

Волкъ ночью, думая залѣзть въ овчарню,
Попалъ на псарню.

Поднялся вдругъ весь псарный дворъ.

Почѣя сѣраго такъ близко забѣку,

Псы залились въ хлѣвахъ и рвутся вонъ на драку:

Псаря кричатъ: „Ахти, ребята, воръ“!

И вмигъ ворота на запоръ.

Въ минуту псарня стала адомъ.

Бѣгутъ: иной съ дубьемъ,

Иной съ ружьемъ.

— „Огня“! кричатъ: „огня“! Пришли съ огнемъ.

Мой волкъ сидитъ, прижавшись въ уголъ задомъ.

Зубами щелкая и ошетиная шерсть,

Глазами, кажется, хотѣлъ бы всѣхъ онъ съѣсть:

Но, видя то, что тутъ не передъ стадомъ,

И что приходится, наконецъ,

Ему расчѣстся за овецъ, —

Пустился мой хитрецъ

Въ переговоры

И началъ такъ: „Друзья! къ чему весь этотъ шумъ?

Я, вашъ старинный свать и кумъ,

Пришелъ мириться къ вамъ, совѣмъ не ради ссоры;

Забудемъ прошлое, устанимъ общій ладъ!

А я не только впредь не трону здѣшнихъ стадаъ,

Но самъ за нихъ съ другими грызться радъ,

И волчьей клятвой утверждаю,

Что я...“ — „Послушай-ка, сосѣдъ“,

Тутъ ловчій перервалъ въ отвѣтъ:

„Ты сѣрь, а я, пріятель, сѣдъ,

И волчью вашу я давно натуру знаю;

А потому обычай мой:

Съ волками иначе не дѣлать мировой,

Какъ снявши шкуру съ нихъ долой“.

И тутъ же выпустилъ на волка гончихъ стаю.

162. Демьянова уха.

„Сосѣдушка, мой свѣтъ!
Пожалуйста, покушай“.

— „Сосѣдушка, я сытъ по горло“.—

„Нужды нѣтъ,
Ещё тарелочку; послушай:

Ушица, ей-же-ей, на славу сварена“!

— „Я три тарелки съѣлъ“.—И, полно,
что за счёты,

Лишь стало бы охоты,—

А то во здравье: ѣшь до дна!

Что за уха! да какъ жирна:

Какъ будто янтарёмъ подѣрнулася она.

Потѣшь же, миленькій дружбечекъ!

Вотъ лещикъ, потроха, вотъ стѣрляди
кусбечекъ!

Ещё хотъ ложечку! Да кланяйся, жена“!

Такъ подчеваль сосѣдь-Демьянъ сосѣда-
Фёгу

И не давалъ ему ни отдыха, ни сроку;
А съ Фёки ужъ давно катился градомъ
потъ.

Однакоже ещё тарелку онъ берётъ,
Сбирается съ послѣдней силой

И очищаетъ всю. „Вотъ друга я люб-
лю“!

Вскричалъ Демьянъ: „зато ужъ чван-
ныхъ не терплю.

Ну, скушай же ещё тарелочку, мой ми-
лый“!

Тутъ бѣдный Фёка мой,

Какъ ни любилъ уху, но отъ бѣды та-
кой,

Схватя въ охапку

Кушакъ и шапку,—

Скорѣй безъ памяти домой.

И съ той поры къ Демьяну ни ногой.

163. Волкъ и котъ.

Волкъ изъ лѣсу въ деревню забѣжалъ,

Не въ гости, но животъ спасая;

За шкуру онъ свою дрожалъ:

Охотники за нимъ гнались и гончихъ
стая.

Онъ радъ бы въ первыя тутъ шмыгнуть
воротъ,—

Да то лишь горе,

Что всё воротъ на заперѣ.

Вотъ видитъ волкъ мой на заборѣ
кота

И молить: „Васенька, мой другъ!
скажи скорѣе,

Кто здѣсь изъ мужиковъ добръе,
Чтобы укрыть меня отъ злыхъ моихъ
враговъ?

Ты слышишь лай собакъ и страшный
звукъ роговъ?

Всё это вѣдь за мной“!— „Проси ско-
рѣй Степана;

Мужикъ предобрый онъ“, котъ-Васька
говорить.

— „То такъ, да у него я ободралъ
барана“.

— „Ну, попытайся у Демьяна“.

— „Боюсь, что на меня и онъ сер-
дитъ:

Я у него унёсъ козлёнка“.

— „Бѣги жъ, вонъ тамъ живётъ
Трофимъ“.

— „Къ Трофиму? Нѣтъ, боюсь и встрѣ-
таться я съ нимъ:

Онъ на меня съ весны грозитъ за
ягнёнка“!

— Ну, плохо жъ!... Но авось тебя
укреетъ Клима“!

— Охъ, Вася, у него зарѣзалъ я
теленка“!

— „Что вижу, кумъ! ты всё въ
деревнѣ насолил“,

Сказалъ тутъ Васька вѣлку:

„Какую жъ ты себя защиту здѣсь су-
лилъ?

Нѣтъ, въ нашихъ мужичкахъ не столько
мало толку,

Чтобъ на свою бѣду тебя спасли они.

И правы,—самъ себя вини:

Что ты посѣялъ, то и жни“.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

164. Поле и школа.

Люди пахутъ поле,
Зерномъ посыпають;
Дѣти ходятъ въ школу
Слово Божье слушать.
Зернышко ложится
Въ мягкую землицу:
Слово Божье входитъ
Въ души молодя.

Дождёмъ землю смочить,
Сдлышкомъ пригрѣтъ:
Умнымъ словомъ, лаской
Душу согрѣвають.
Подъ землей, въ потѣмкахъ
Не улежатъ зѣрна:
Не загинетъ въ сердцѣ
Доброе ученье.

Выглянуть посѣвы
Яриной зеленой:
Скажется ученье
Умными рѣчами.
Поле обольется
Жатвой золотистой:
Взойдетъ Божье слово
Добрыми дѣлами.

165. Свѣтелна.

Въ низенькой свѣтелкѣ
Съ створчатымъ окномъ
Свѣтится лампада
Въ сумракѣ ночномъ:
Слабый огонечекъ
То совсѣмъ замрѣтъ,
То дрожащимъ свѣтомъ
Стѣны обольетъ.

Новая свѣтелка
Чисто прибрана.
Въ темнотѣ бѣлѣтъ
Занавѣсъ окна.
Поль оструганъ гладко,
Рѣвень потолокъ;
Печка развальная
Стала въ уголокъ.

По стѣнамъ уклады
Съ дѣдовскимъ добромъ;
Узкая скамейка,
Крытая ковромъ;
Крашенныя пѣльцы
Съ стуломъ раздвижнымъ,
И кровать рѣзная
Съ пологомъ цвѣтнымъ.

166. Мельница.

Кипитъ вода, реветъ ручьемъ;
На мельницѣ и стукъ, и громъ;
Колѣса-то въ водѣ шумятъ,
А брызги вверхъ огнемъ летятъ;
Отъ пѣны-то бугоръ стойтъ;

Что мостъ живой, весь полъ дрожитъ.
Шумитъ вода, рукавъ трясетъ;
На камни рожь дождёмъ течетъ,
Подъ жерновомъ муку родитъ;
Идетъ мука, въ глаза пылитъ.

167. Примѣты осени.

Мелькаетъ жёлтый листь на зелени
деревъ;
Работу кончилъ серпъ на нивахъ зо-
лотистыхъ,
И покраснѣлъ уже вдали коверъ луговъ,
И зрѣлые плоды висятъ въ садахъ тѣ-
нистыхъ.
Примѣты осени во всѣмъ встрѣчаетъ
взоръ:
Тамъ тянется, блестя на солнцѣ, пау-
тина;
Тамъ скирдь виднѣется, а тамъ, черезъ
заборъ,

Кистями красными повиснула рябина;
Тамъ жива колкая щетинится, а тамъ
Ужъ озимь яркая блеснула смурдомъ;
И курится овинъ, и долго по утрамъ,
Какъ бѣлый холстъ, лежитъ туманъ
надъ синимъ прудомъ...
И цѣлый день скрипятъ воза; и да-
леко
Токъ отзывается подъ дружными цѣ-
пами;
И стая журавлей несется высоко,
Перекликаясь порою подъ небесами.

168. Осень и зима.

Ужъ небо осенью дышало,
Ужъ рѣже солнышко блистало,
Короче становился день;
Лѣсовъ таинственная сѣнь
Съ печальнымъ шумомъ обнажалась;
Ложился на поля туманъ;
Гусей крикливыхъ караванъ
Тянулся къ югу; приближалась
Довольно скучная пора—
Стоялъ ноябрь ужъ у двора.
Встаётъ заря во мглѣ холодной;
На нивахъ шумъ работъ умолкъ;

Съ своей волчиhoю голодной
Выходитъ на дорогу волкъ;
Его почуя, конь дорожный
Храпитъ—и путникъ осторожный
Несётся въ гору во весь духъ.
На утренней зарѣ пастухъ
Не гонитъ ужъ коровъ изъ хлѣва,
И въ часъ полуденный въ кружокъ
Ихъ не зоветъ его рожокъ.
Въ избушкѣ, распѣвая, дѣва
Прядётъ, и, зимнихъ другъ ночей,
Трещитъ лучина передъ ней.

169. Сельскій праздникъ.

Посреді села нарядный собрался народъ:
Парни, дѣвки, молодицы водятъ хороводъ.
И звенитъ, и лѣтся пѣсня, что рѣка течётъ;
Въ избахъ праздникъ, и веселый пиръ горой идётъ.
Передъ избами ребятки рѣзвятся, шумятъ;
На завалинкахъ старухи, старикъ сидятъ
И ведутъ между собою рѣчь о томъ, о сѣмъ:
Какъ-то въ полѣ хлѣбъ родился, какъ хорощъ былъ лёнъ,
Какъ въ Москвѣ ребята жили, съ чѣмъ домой пришли,
Скдлько къ празднику обновокъ, денегъ принесли.

170. Наступленіе зимы.

Гдѣ сладкій шпотъ
Моихъ лѣсовъ?
Потковъ рѣпотъ,
Цвѣтъ луговъ?
Деревья голы;
Ковёръ зимы

Покрылъ холмы,
Луга и доли.
Подъ ледяной
Своей корой
Ручей нѣмѣтъ;
Всѣ цѣпенѣтъ;

Лишь вѣтеръ злой,
Бушуетъ, вдетъ
И небо крдетъ
Сѣдью мглой.

171. Въ дорогѣ.

Широко лежатъ
Поля бѣлыя,
Высокъ горятъ
Звѣзды яркія.
Мѣсяць въ дальній путь
Вслѣдъ за тучками
Надъ селомъ плывётъ
Бѣлымъ лебедемъ.

Со смолой обозъ
Съ горы на гору,
Не снѣжа, къ селу
Подвигается;
Рѣзко снѣгъ скрипитъ
Подъ полдзьями;
На уздахъ звенятъ
Кольца мѣдныя.

Идутъ лошади
Съ ноги на ногу;
Мужички кряхтятъ.
Пожимаются.
Отъ мороза ихъ
Брови, бороды
Поросли густымъ,
Бѣлымъ инеемъ.

172. Привѣтъ лѣту.

Что за раздѣлье широкое лѣтомъ!
Всѣ, что тайлось невѣдомо гдѣ,
Вызвано тёплымъ жирительнымъ свѣ-
томъ;
Радость, движеніе и звуки—вездѣ.
Что за могучая сила родится
Въ Божьемъ созданьѣ! не чудо ль тво-
рится?...
Всѣ обновляется, дышитъ, поётъ,
Всѣ пробуждается, счастьемъ живётъ.
Вотъ на водѣ расширяется кругъ...
Слышишь, какъ весело плещется рыбака?

Въ рощу пойдёшь ли, въ просторный
ли лугъ—
Звуки вездѣ, и привѣтъ, и улыбка...
Пѣнями плось развѣсистый садъ,
Съ пѣнями мошки надъ озеромъ вьются,
Ржанье коня и блейніе стада
Вечеромъ въ звучной дали раздаются...
Всѣ голоса точно слѣлись въ одинъ;
Радостный міръ такъ глубоко-спокоенъ,
И, отъ земли до небесныхъ вершинъ,
Мірно и счастливо весь онъ настроенъ.

173. Л ѣ т о.

(Небесное облачко таетъ,
Плывъ въ высотѣ голубой,
И сквозь него солнце бросаетъ
На землю свой лучъ золотой.
Опять животворное лѣто
Настало—и жизнью вокругъ
Повѣяло снова. Одѣта
, Вся зелень роща и лугъ;
Поднялся и колосъ серебристый—
Шумитъ, наливаясь зерномъ,
И ландышъ на полѣ душистый
Цвѣтётъ надъ зеленымъ листкомъ.

174. Морозъ-воевода.

Не вѣтеръ бушуетъ надъ боромъ,
Не съ горъ побѣжали ручьи:
Морозъ-воевода дозоромъ
Обходитъ владѣнья свои.
Глядитъ: хорошо ли мятели
Лѣсныя тропы занесли,
И вѣтъ ли гдѣ трещины, щели
И вѣтъ ли гдѣ голой земли?
Пушисты ли сосенъ вершины,
Красивъ ли узоръ на дубахъ?
И крѣпко ли склованы льдины
Въ великихъ и малыхъ водахъ?
Идѣтъ—по деревьямъ шагаетъ,
Трещитъ по замёрзлой водѣ,
И яркое солнце играетъ
Въ косматой его бородѣ.

Забравшись на сѣсню большую,
По вѣточкамъ палицей бѣетъ.
И самъ про себя удалюю,
Хвастливую пѣсню поётъ:
„Мятели, снѣга и туманы
Покорны морозу всегда,
Пойду на моря, океаны—
Построю дворцы изъ льда.
Задумаю—рѣвки большія
Надолго упрячу подъ гнѣтъ,
Построю мосты ледяные,
Какихъ не построитъ народъ.
Гдѣ быстрыя, шумныя воды
Недавно свободно текли,
Сегодня прошли пѣшеходы,
Обозы съ товаромъ пришли“.

175. Сѣнокось.

Пахнетъ сѣномъ надъ лугами.

Ибней дѣшу веселій,

Бабы съ граблями рядами

Ходятъ, сѣно шевеля.

Рѣзь — ухое убирають:

Ручички его кругомъ

На возъ вилами кидаютъ...

Возъ растётъ, растётъ, какъ домъ.

Въ ожидань конь убогій

Точно вѣопаный стоитъ:

Уши врозь, дугю ноги,

И какъ будто стоя спитъ.

Только жучка удалая

Въ рыхломъ сѣнѣ, какъ въ волнахъ.

То взлетая, то ныряя,

Скачетъ, лая виопыхахъ.

176. Обработка поля.

Сынъ видитъ, какъ поле отецъ удобряетъ,

Какъ въ рыхлую землю бросаетъ зерно;

Какъ поле потомъ зеленѣть начинаетъ,

Какъ колосъ растётъ, наливаютъ зерно.

Готовую жатву подрѣжутъ серпами;

Снопъ перевяжутъ, на ригу свезутъ,

Просушатъ, колотятъ, колотятъ цѣпами,

На мельницѣ смѣлуютъ и хлѣбъ испекутъ.

177. Сельскія работы.

Вотъ по распаханной, черной полянѣ,

Землю взрывая, бредутъ поселане.

Весело видѣть семью поселанъ,

Въ землю бросающихъ горсти сѣмянъ;

Дорого-любо, кормилица-нива,

Видѣть, какъ ты колосишься красиво,

Какъ ты, янтарнымъ зерномъ налита,

Гордо стоишь, высокая и густа!

Но веселѣй нѣтъ поры обмолота:

Легкая дружно спорится работа;

Вторить ей эхо лѣсовъ и полей,

Словно кричитъ: „Поскорѣй, поскорѣй!“

Звукъ благодатный! Когда онъ разбудитъ,

Вѣрно, весь день тому весело будетъ.

178. Н и в а.

Нива, моя нива,

Нива золотая!

Зрѣешь ты на солнцѣ,

Колосъ наливая.

По тебѣ отъ вѣтру,

Словно въ снѣмъ мѣрѣ,

Волны такъ и ходятъ,

Ходятъ на просторѣ;

Надъ тобою съ пѣней

Жаворонокъ вѣтается;

Надъ тобою и туча

Грозно пронесется.

Зрѣешь ты и слѣешь,

Колосъ наливая,

О людскихъ заботахъ

Ничего не зная.

Унеси ты, вѣтеръ,

Тучу градовую!

Сбереги намъ, Боже,

Ниву трудовую!

179. Колосья.

Въ чистомъ полѣ легкѣй вѣтеръ

Гнетъ колоски волной

И по нивѣ золотистой

Точно стелетъ пеленѣй.

Вотъ *гречихи* ужъ поспѣла,

Кашей темною дрожитъ,

Вся отъ солнца загорѣла,

Не блѣветъ, не блеститъ.

Заряблется, зажелтѣлся,

Словно перышки разнѣсь,

Золотѣй парчѣй одѣлся

Раскудрявленный *овесъ*.

И *ячмень*, какъ котъ сибирскій.

Долгимъ усомъ шевелитъ;

Чудный ростомъ богатѣрскимъ,

Статнымъ молодцемъ глядитъ.

Будто солнцу улыбаясь,

На солдмкѣ молодой

Дремлетъ, медленно качаясь,

Ржи колосикъ золотѣй.

180. Утро.

Звѣзды мѣркнуть и гаснуть. Въ огнѣ облака
Вѣлый паръ по лугамъ разстилается.
По зеркальной водѣ, по кудрямъ лозняка
Отъ зарі алый свѣтъ разливается.
Дремлетъ чѣткій камышь. Тишь-безлюдье вокругъ.
Чуть примѣтна тропинка росистая.
Кусть задѣнешь плечомъ,—на лицо тебѣ вдругъ
Съ листьевъ брызнетъ роса серебрястая.
Потянуль вѣтерокъ, воду мѣрщитъ-рябитъ.
Пронеслись утки съ шумомъ и скрылися.
Далеко, далеко колокольчикъ звенитъ,
Рыбаки въ шалашѣ пробудилися,
Сняли съби съ шестовъ, весла къ лѣткамъ несутъ...
А востокъ все горитъ—разгорается.
Птички солнышка ждутъ, птички пѣсни поютъ,
И стоять себѣ лѣсь, улыбаются.
Вотъ и солнце встаетъ, изъ-за пашень блеститъ,
За морями нощлегъ свой покинуло,
На поля, на сады, на макушки раки
Золотыми потѣками хлынуло.
Ѣдетъ пахарь съ сохдой, Ѣдетъ—пѣсню поетъ.
По плечу молодцу все тяжелое...
Не боли ты, душа! отдохни отъ заботъ!
Здравствуй, солнце да утро веселое!

181. Что ты спишь, мужичокъ?

Что ты спишь, мужичокъ?	И, погнувшись, избѣ	А въ поляхъ сиротѣй
Вѣдь весна на дворѣ;	Какъ старушка стоять.	Хлѣбъ некошенъ стоять:
Вѣдь сосѣди твои	Вспомни время свое:	Вѣтеръ тѣчитъ зерно,
Работаютъ давно.	Какъ катилось оно	Птица клюетъ его!
Встань, проснись, подымись;	По полямъ и лугамъ	Что ты спишь, мужичокъ?
На себя поглядѣ:	Золотю рѣкдой.	Вѣдь ужъ лѣто прошло,
Что ты былъ, и что сталъ,	Со двора и гумна	Вѣдь ужъ осень на дворъ
И что есть у тебя?	По дорожкѣ большой,	Черезъ прясло *) глядѣтъ;
На гумнѣ—ни снопа;	По селамъ, городамъ,	Вслѣдъ за нею зима,
Въ закромахъ—ни зерна;	По торговымъ людямъ!	Въ теплой шубѣ идетъ,
На дворѣ—по травѣ	И какъ двери ему	Путь снѣжкомъ порошить,
Хоть шаромъ покати.	Растворяли вездѣ,	Подъ санями хруститъ.
Изъ клѣтѣй—домовой	И въ почетномъ углу	Все сосѣди на нихъ
Соръ метлю посмелъ	Было мѣсто твое!	Хлѣбъ везутъ, продаютъ,
И лошадокъ за долгъ	А теперь подъ окномъ	Собираютъ казну—
По сосѣдямъ развелъ;	Ты съ бѣдою сидишь,	Бражку ковшикомъ пьютъ.
И подъ лавкой сундукъ	И весь день на печи	
Опрокинуть лежитъ,	Безъ просыпу лежишь.	

*) Прясло—изгородь вокругъ двора.

182. Крестьянская пирушка.

Ворота тесовы
Растворилися,
На коняхъ, на саняхъ
Гости въѣхали;
Имъ хозяинъ съ женой
Низко кланялись;
Со двора повелѣ
Въ свѣтлу горенку.
Передъ Спасомъ Святѣмъ
Гости молятся;
За дубовы столы,
За набраные,
На сосновыя скамьяхъ
Сѣли званые.
На столахъ курь, гусей
Много жаренихъ,
Пироговъ, ветчинъ
Блюда полныя.

Бахромой, кисеёй
Принаряжена.
Молодая жена,
Чернобровая,
Обходила подругъ
Съ поцѣлүями,
Разносила гостямъ
Чашу горькаго.
Самъ хозяинъ за ней
Брагой хмельною
Изъ ковшей вырѣзанныхъ
Родныхъ потчуетъ;
А хозяйская дочь
Мѣдомъ сыченымъ
Обносила кругомъ
Съ лаской дѣвичьей.
Гости пьютъ и ѣдятъ,
Рѣчи гуторятъ:

Про хлѣба, про погосъ,
Про старинушку.
Какъ-то Богъ и Господь
Хлѣбъ уродитъ намъ?
Какъ-то сѣно въ степи
Будеть зелено?
Гости пьютъ и ѣдятъ,
Забавляются
Отъ вечерней зарѣ
До полуночи.
По селу пѣтухи
Перекликнулись;
Призатихъ говоръ-шумъ
Въ темной горенкѣ,
Отъ воротъ поворотъ
Виденъ по снѣгу.

183. Утро на берегу озера.

Ясно утро. Тихо вѣетъ
Теплый вѣтерокъ;
Дугъ, какъ бархатъ, зеленѣетъ;
Въ заревѣ востокъ.
Обаймленное кустами
Молодыхъ ракичь,
Разноцвѣтными огнями
Озеро блеститъ.
Привязавъ къ ракичамъ лодку,
Мужички вдвоёмъ,
Близъ осетки, втихомолку,
Тянутъ сѣть съ трудомъ.
По травѣ, въ рубашкахъ бѣлыхъ,
Скачутъ босикомъ
Два мальчишка загорѣлыхъ
На прутахъ верхомъ.
Крунный потъ съ нихъ градомъ льется,
И лицо горитъ;
Звучно смѣхъ ихъ раздаётся,
Голосокъ звенить...

„Тянутъ, тянутъ“! закричали
Ребятишки вдругъ:
„Вдвоёмъ, чай, теперь поймали
И линей, и щукъ“.
Вотъ на берегѣ отлгогомъ
Показалась сѣть.
— „Ну, вытряхивай-ка съ Бдогомъ,
Нечего глядѣть“!
Такъ сказаль старикъ высокій,
Весь какъ луиъ сѣдой,
Съ грудью выпукло-широкой,
Съ длинной бородой.
Сѣть намѣшную подняли
Дружно рыбаки;
На песокъ затрепетали
Окуни, линьки.
Дѣти весело шумѣли:
„Будеть на денекъ“!
И на корточки присѣли
Рыбу власть въ мѣшокъ.

184. Послѣ грозы.

Слѣва радуга сіяетъ,
Справа солнышко играетъ,
Блещутъ капли дождевыя.
Садикъ мой благоухаетъ,
Соловейко распѣваетъ,
Въ вѣтви спрятался густыя.
Лугъ унизанъ огоньками,
Надъ душистыми цвѣтами
Вьются пчѣлы золотыя.

Пчѣлки весело жужжатъ,
Словно рѣчи говорятъ:
„Хорошо намъ, пчѣлкамъ, жить;
Пчѣлкамъ некогда тужить:
Красно солнышко взойдетъ —
На работу насъ зоветъ;
За день мѣду наберѣмъ,
За ночь сладко отдохнемъ“!

185. Пѣсня пахаря.

Ну, тащися, сивка,
Пашней, десятиной!
Выбѣлимъ желѣзо
О сырую землю.
Красавица-зорька
Въ небѣ загорѣлась,
Изъ большого лѣса
Солнышко выходитъ.
Весело на пашнѣ!
Ну, тащися, сивка!
Я самъ-другъ съ тобою,
Слуга и хозяинъ.
Весело я лажу
Борону и соху,
Телѣгу готовлю,

Зерна насыпаю.
Весело гляжу я
На гумно, на скирды,
Молочѣ и вѣю...
Ну, тащися, сивка!
Пашенку мы рано
Съ сивкою распашемъ,
Зернышку сготовимъ
Колыбель святую.
Его всендить, векормить
Мать-земля сырая;
Выйдетъ въ полѣ травка —
Ну, тащися, сивка!
Выйдетъ въ полѣ травка —
Вырастетъ и колось,

Станетъ спѣть, рядиться
Въ золотыя ткани.
Заблеститъ нашъ серпъ
здѣсь,
Зазвенитъ здѣсь косы:
Сладокъ будетъ отдыхъ
На снопахъ тяжѣлыхъ.
Ну, тащися, сивка!
Накормлю досыта,
Напою водю,
Водѣй ключевую.
Съ тихою молитвой
Я впаишѣ, посяю:
Уродѣ мнѣ, Боже,
Хлѣбъ — мое богатство!

186. Деревенскій вечеръ.

Жаръ свалилъ. Повѣяла прохлада.
Длинный день покончилъ рядъ заботъ;
По домамъ давно загнали стадо,
И косякъ вернулись съ работъ.
Потемнѣтъ заря уже готова;
Тихо веѣ. Часъ ночи не далекъ.
Подымался и улѣгся снова
На закатѣ легкій вѣтерокъ!...
Гдворъ смолкъ; лишь изрѣдка собачіи
Слышенъ лай; промѣлвять голоса...
Пыль слеглась; остылъ пестекъ горячій,
Пала сильно на землю роса.
По краймъ темнѣющаго свѣда
Тѣни все широкія слились;
Встрѣтитъ ночь готовится природа,

Запахи отвсюду понеслись.
Въ тишинѣ жизнь новая творится;
Зрячею проснулася сова, —
И встаетъ, п будто шевелится,
И растѣтъ и шепчется трава!
Гдѣ жъ крестьяне? День работавъ
бодро,
Все теперь заужиномъ они:
Толкъ идетъ, чтобъ устояло ведро,
Чтобъ еще продлились эти дни!
Нѣтъ, ужъ дождь ихъ къ утру не
разбудитъ,
Облака давно сбѣжали прочь!...
Что за вечеръ!... И какая будетъ
Теплая и мѣсячная ночь!

187. Лѣтній вечерь.

Знать, солнышко утомлено:
 За горы прячется оно,
 Лучъ погашаетъ за лучомъ,
 И, алымъ тонкимъ облачкомъ
 Задёрнувъ ликъ усталый свой,
 Уйти готово на покой.
 Пора ему и отдохнуть:
 Мы знаемъ, лѣтній долготъ путь.
 Вездѣ жъ работа: на горѣхъ,
 Въ долинахъ, въ рощахъ и лугахъ;
 Тогда согрѣй, тѣмъ свѣту дай,
 И всѣхъ притомъ благословляй.
 Будй заснѣвшіе цвѣты
 И имъ расписывай листы;
 Потомъ медвяною росой
 Пчелѣ-работницу напой,
 И чистыхъ капель межъ листовъ
 Оставь про рѣзвыхъ мотыльковъ.
 Зернѣ скорлупку расколи,
 И молодѣю изъ земли
 Вылунку выведи на свѣтъ;
 Пичужкамъ приготвь обѣдъ,
 Тѣхъ пріюти между вѣтвей,
 А тѣхъ на гнѣздышкѣ согрѣй.

И вишнямъ дай румяный цвѣтъ.
 Не позабѣдь горячій свѣтъ
 Разсыпать на зелѣный садъ,
 И золотистый виноградъ
 Отъ зноя листьями прикрыть,
 И колосъ зрѣлостью налить.
 А если жаръ для стада жестокъ,
 Смави ихъ къ рощѣ въ холодокъ;
 И тучку темную скопй,
 И травку влагой окропй,
 И яркой радугой съ небесъ
 Сойди на темный лугъ и лѣсъ.
 А гдѣ подъ острою косой
 Трава ложится полосой,
 Туда безоблачно сійай
 И сѣно въ конны собирай,
 Чтобъ къ нѣчи лугъ отъ нихъ пестрѣлъ,
 И съ ними рядъ возовъ скрипѣлъ.
 Итакъ, совѣмъ не мудрено,
 Что разгорѣлося оно,
 Что отдыхаетъ на горѣхъ
 Въ полупотухнувшихъ лучахъ,
 И намъ, сходя за небосклонъ,
 Въ прохладѣ шепчетъ: „добрый сонъ“!

188. Дѣтство.

Вотъ мой деревня,
 Вотъ мой домъ родной;
 Вотъ качусь я въ санкахъ
 По горѣ крутой;
 Вотъ свернулись санки,
 И я на бокъ—хлопъ!
 Кубаремъ качуся
 Подъ гору въ сугробъ.
 И друзья-мальчишки,
 Стоя надо мной,
 Весело хохочуть
 Надъ моею бѣдой.
 Все лицо и руки
 Залѣпиль мнѣ снѣгъ...
 Мнѣ въ сугробѣ—горе,
 А ребяткамъ смѣхъ!
 Но межъ тѣмъ ужъ сѣло
 Солнышко давно;

Поднялася вьюга,
 На небѣ темно.
 Весь ты перезабнешь,
 Руки не согнешь,
 И домѣи тихоенько
 Нехотя бредѣшь.
 Вѣтхую шубенку
 Скинешь съ плечъ долѣй;
 Заберѣшься на печь
 Къ бабушкѣ сѣдой.
 И сидишь, ни слова...
 Тихо все кругомъ;
 Только слышишь,—вѣдетъ
 Вьюга за окномъ.
 Въ уголкѣ, согнѣвшись,
 Лапти дѣдъ плетѣтъ;
 Матушка за прѣлкой,
 Молча, лёнъ прядѣтъ.

Избу освѣщаетъ
 Огонекъ свѣтца;
 Зимній вечеръ длится,—
 Длится безъ конца...
 И начнѣ у бабки
 Сказки я просить;
 И начнѣтъ мнѣ бабка
 Сказку говорить.
 Слушаю я сказку,—
 Сердце такъ и мрѣтъ...
 А въ трубѣ сердито
 Вѣтеръ злой поѣтъ.
 Я прижмѣсь къ старушкѣ...
 Тихо рѣчь журчитъ,—
 И глаза мнѣ крѣпко
 Сладкій сонъ смежитъ.

189. Кто онъ?

Лѣсомъ частымъ и дремучимъ,
По тропинкамъ и по мхамъ,
Вхалъ всадникъ, пробираясь
Къ свѣтлымъ невскимъ берегамъ.
Только вотъ—рыбачья хата:
У рѣки старикъ стоялъ,
Чолнъ осматривалъ дырявый,
И бранился, и вздыхалъ.
Всадникъ подлѣ—онъ не смотритъ;
Всадникъ молвилъ: „Здравствуй, дѣдъ“!
А старикъ въ сердцахъ чуть глянулъ
На привѣтствіе въ отвѣтъ.
Все ворчалъ себѣ онъ подъ носъ:
„Поздоровится тутъ, жди!
Времена ужъ не такія...
Жди да ў моря сиди.
Вамъ вѣдь всё ничтѣ, боярамъ,
А челнокъ для рыбака—
То жъ, что бабѣ веретена,
Али конь для сѣдока.
Шведы ль, наши ль шли тутъ утромъ—
Кто ихъ знаетъ! Ото всѣхъ
Нынче пахнетъ табачищемъ...
Ходить въ мірѣ, ходить грѣхъ!

Чуть когѣ вдали завидишь—
Смотришь, въ лѣсъ бы... Вѣдь грѣшно!...
Лодка, вишь, имъ помѣшала,
И давай рубить ей дно...“
Всадникъ прочь съ коня и, молча,
За работу принялся:
Живо дѣло закипѣло
И поспѣло въ полчаса.
Самъ топоръ вотъ такъ и ходитъ,
Такъ и тычетъ долото—
И челнокъ на славу вышель,
А вѣдь былъ что рѣшетѣ.
„Ну, старикъ, теперъ готво!
Хоть на Ладугу ступай,
Да закинуть сътъ на счастье,
На Петрово, попытай“.
— „На Петрово! Эко слѣво
Молвилъ“—думаетъ рыбакъ—
„Съ топоромъ, гляди, какъ лѣвокъ...
А по рѣчи... какъ же такъ“?...
И развѣлъ старикъ руками,
Шапку снялъ и смотритъ въ лѣсъ,
Смотритъ дѣло въ ту сторонку,
Гдѣ чудесный гость исчезъ.

190. Петръ Великій и Петербургъ.

На берегу пустынныхъ волнъ
Стоялъ онъ, думъ великихъ полнъ,
И въ даль глядѣлъ. Предъ нимъ широко
Рѣка неслася; бѣдный чолнъ
По ней стремился одиноко.
По мшистымъ топкимъ берегамъ
Чернѣли избы здѣсь и тамъ,
Приютъ убѣгаго чухонца,
И лѣсъ, невѣдомый лучамъ
Въ туманѣ спрятаннаго солнца,
Кругомъ шумѣлъ. И думалъ онъ:
„Отсель грозить мы будемъ шведу;
Здѣсь будетъ городъ заложёнъ
Назлѣ надменному сосѣду;
Природой здѣсь намъ суждено
Въ Европу прорубить око,
Ногю твёрдой стать при морѣ;
Сюда, по новымъ имъ волнамъ,
Всѣ флаги будутъ въ гости къ намъ,
И запируеть на просторѣ“.
Прошло сто лѣтъ—и юный градъ,

Полнощныхъ странъ краса и диво,—
Изъ тьмы лѣсовъ, изъ тѣни благи,
Вознесся пышно, горделиво.
Гдѣ прежде финскій рыболовъ—
Печальный пасынокъ природы—
Одинъ у низкихъ береговъ
Бросалъ въ невѣдомыя воды
Свой вѣтхій неводъ,—нынѣ тамъ,
По оживлённымъ берегамъ,
Громады стройныя тѣнятся
Дворцовъ и башенъ; корабли
Толпой со всѣхъ концовъ земли
Къ богатымъ пристанямъ стремятся.
Въ гранитъ одѣлася Нева;
Мосты повисли надъ водами;
Темнозелёными садами
Ея покрылись острова.
И передъ младшею столицей
Главой склонилася Москва,
Какъ передъ новою царицей
Порфиронская вдова.

191. Наполеонъ подъ Москвою.

Вотъ окружёнъ своею дубравою
Петровскій замокъ. Мрачно онъ
Недавною гордится славой.
Напрасно ждалъ Наполеонъ,
Послѣднимъ счастьемъ упоенный,
Москвы колѣнопреклоненной
Съ ключами стараго Кремля:

Нѣтъ, не пошла Москва мой
Къ нему съ повинной головою.
Не праздникъ, не приѣмный даръ, —
Она готовила пожаръ
Нетерпѣливому герцогу!
Отселъ, въ дѣлу погружёнъ,
Глядѣлъ на грозный пламень онъ.

192. Манифестъ.

(19-го февраля 1861 года.)

Посмотри—въ избѣ, мерцаѣя,
Свѣтитъ огонёкъ;
Возлѣ дѣвочки-малютки
Собрался кружокъ.
И съ трудомъ, отъ слова къ слову
Пальчикомъ водѣ,
По печатному читаетъ
Мужичкамъ дитя.
Мужички въ глубокой думѣ
Слѣшаютъ, молчатъ;
Развѣ крикнетъ кто, чтобъ бабы
Уняли ребятъ.
Бабы суютъ дѣтямъ едеку,
Чтобы ротъ заткнуть,

Чтобъ самимъ хоть краемъ уха
Слышать что-нибудь.
Даже съ пѣчи не слѣзавшій,
Много, много лѣтъ,
Свѣсилъ голову и смѣтрить,
Хоть не слышитъ, дѣдъ.
Что жъ такъ слѣшаютъ малютку?
Аль ужъ такъ умна?...
Нѣтъ, одна въ семьѣ умѣетъ
Грамотѣ она.
И пришлося ей, младенцу,
Старикамъ прочесть
Про желанную свободу
Дорогую вѣсть.

193. Бѣлый генераль.

Кто скачетъ, кто мчится на бѣломъ
конѣ,
Навстрѣчу свистѣющихъ градатъ?
Стоитъ невредимымъ кто въ адскомъ
огнѣ,
Безъ брѣни, безъ шлема, безъ латъ?
Кто въ кителѣ бѣломъ, съ крестомъ
на груди,
Мишенью врагамъ нашимъ слѣжить?
Съ мечомъ обнаженнымъ всегда вне-
редѣ,
Отвагу въ солдатахъ кто будить?
Кругомъ злыя пули и ядра летятъ,
Но онъ головы не склоняетъ.
„Вперёдъ!“ и „смыкайся!“ лишь громче
звучатъ,
И мечъ закалённый сверкаетъ.
Кто всадникъ тотъ смѣлый на бѣломъ
конѣ?

Отъ пули шальной заколдованъ,
Иль Богомъ хранимый, стоитъ онъ въ
огнѣ,
Герои-соратники, кто онъ?
—Онъ нашъ одноклассникъ, нашъ вождь
молодой,
Въ бояхъ генераль онъ бывалый;
Онъ нашъ командиръ и отецъ нашъ
родной,
Онъ—*Скобелевъ* нашъ разудалый.
Онъ любить Россію и жертвовать все
Готовъ онъ для родины милой:
И жизнь молодую, и счастье свое
Съ своею молодецкою силой.
Вотъ кто онъ, тотъ всадникъ на бѣ-
ломъ конѣ,
Нордской любовью хранимый,
Герой изъ героевъ въ восточной войнѣ,
Онъ—*Скобелевъ* непобѣдимый!

С К А З К И.

194. Лиса и журавль.

Завелась у лисы съ журавлёмъ дружба. Вотъ и вздумала однажды лиса угостить журавля, пошла звать его къ себѣ въ гости. „Приходи, куманёкъ! приходи, дорогій. Ужъ какъ я тебя угощу!“ Идѣтъ журавль на званый пирь, а лиса наварила манной каши и размазала по тарелкѣ. Подала и потчуетъ: „Покушай, мой голубчикъ, куманёкъ! сама стряпала“. Журавль хлопъ-хлопъ носомъ, стучаль-стучаль, ничего не попадаетъ! А лисица въ это время лижетъ себѣ да лижетъ кашу. Такъ сама всё и скунала. Каша съѣдена; лисица и говоритъ: „Не обезсудъ, любезный кумъ! больше потчевать нечѣмъ!“ — „Спасибо, кума, и на этомъ! приходи и ты ко мнѣ въ гости“.

На другой день приходитъ лиса, а журавль приготовилъ окрѣшку, наложилъ въ кувшинъ съ узкимъ горлышкомъ, поставилъ на столъ и говоритъ: „Кушай, кумушка! право, больше нечѣмъ потчевать“. Лиса начала вертѣться вокругъ кувшина: и такъ зайдѣтъ, и этакъ, и лизнѣтъ его, и понюхаетъ-то—всё ничего не достанетъ! не дѣзетъ голова въ кувшинъ. А журавль между тѣмъ клюётъ себѣ да клюётъ, пока всё поѣлъ: „Ну, не обезсудъ, кума, больше угощать нечѣмъ“. — Взяла лису досада: думала, что наѣтси на цѣлую недѣлю, а домой пошла, какъ не солоно хлебала. Съ тѣхъ поръ и дружба у лисы съ журавлёмъ врозь.

195. Лисичка.

Жили себѣ дѣдъ да баба. Дѣдъ говоритъ бабѣ: „Ты пеки пироги, а я поѣду за рыбой“. Наловилъ рыбы и везѣтъ домой. Завидѣла его лисичка и захотѣлось ей поѣсть рыбы: забѣжала впередъ, растянѣлась на дорогѣ, да и лежитъ слѣдно мѣртвая. Подѣхалъ дѣдъ, подошѣлъ къ лисичкѣ, а она и не ворохнѣтся. „Вотъ будетъ подарокъ женѣ!“ сказалъ дѣдъ, взялъ лисичку и положилъ на возъ, а самъ пошѣлъ впереди. А лисичка потихоньку стала выбрасывать изъ воза всё по рыбокѣ да по рыбокѣ. Повыбросала всю рыбу и сама ушла. „Ну, старуха“, говоритъ дѣдъ, „какой воротникъ привѣзъ я тебѣ на шубу!“ — Гдѣ? — „Тамъ на возу—и рыбка, и воротникъ“. Подошла баба къ возу: ни воротника, ни рыбы — и начала бранить старика. Тутъ дѣдъ смекинулъ, что лисичка-то была не мѣртвая; погоревалъ, погоревалъ, да дѣлать-то нечего.

А лисичка собрала въ кучу всю рыбу, которая была разбросана по дорогѣ, сѣла и ѣсть. Прибѣгаетъ волкъ: „Здравствуй, кумушка! Дай мнѣ рыбки!“ — „Налови самъ, да и ѣшь“. — „Я не умѣю“. — Эка, вѣдь я же наловила: ты, куманёкъ, ступай на рѣку, опусти хвостъ въ прѣрувь, рыба сама на хвостъ нацѣпляется; да смотри, сиди подольше, а то не наловишь“. Волкъ пошѣлъ на рѣку, опустилъ хвостъ въ прѣрувь. Ужъ онъ сидѣлъ, сидѣлъ, цѣлую ночь просидѣлъ: хвостъ его и приморозило; попрѣбовалъ было приподняться—никакъ не можетъ. „Эка, сколько рыбы привалило, и не вытащить!“ думаетъ онъ. Смотритъ, а бабы идутъ за водой и, завидя сѣраго, кричатъ: „Волкъ, волкъ! бейте его!“ Прибѣжали и стали колотить волка: кто коромысломъ, кто ведромъ, кто чѣмъ понало. Волкъ прыгалъ, прыгалъ, оторвалъ себѣ хвостъ, и пустился безъ оглядки бѣжать.

196. Сказка о рыбацкѣ и рыбкѣ.

Жилъ старикъ со своей старухой
У самаго синяго моря;
Они жили въ ветхой землянкѣ
Ровно тридцать лѣтъ и три года.
Старикъ ловилъ неводомъ рыбу,
Старуха прядла свою пряжу.
Разъ онъ въ море закинулъ неводъ,
Пришелъ неводъ съ одною тиной:
Онъ въ другой разъ закинулъ неводъ,
Пришелъ неводъ съ травой морскѣю:
Въ третій разъ закинулъ онъ неводъ,
Пришелъ неводъ съ золотою рыбкой.

Съ не простою рыбкой, золотою.
Какъ взмолится золотая рыбка,
Голосомъ молвить человѣчимъ:
„Отпусти ты, старче, меня въ море,
Дорогой за себя дамъ откупъ:
Откуплюсь, чѣмъ только пожелаешь“.
Удивился старикъ, испугался:
Онъ рыбачилъ тридцать лѣтъ и три года,
И не слыхивалъ, чтобъ рыба говорила.
Отпустилъ онъ рыбку золотую
И сказалъ ей ласковое слово:
„Богъ съ тобою, золотая рыбка!
Твоего мнѣ откупа не надо;
Ступай въ синее море,
Гуляй тамъ себѣ на просторѣ“.

Воротился старикъ ко старухѣ,
Разказалъ ей великое чудо:
„Я сегодня поймалъ-было рыбку,
Золотую рыбку, не простую;
По нашему говорила рыбка,
Домой въ море синее просилась,
Дорогю цѣною откупалась:
Откупалась, чѣмъ только пожелаю.
Не посмѣлъ я взять съ нея выкупъ;
Такъ пустилъ её въ синее море“.
Старика старуха забранила:
„Дурачина ты, простофиля!
Не умѣлъ ты взять выкупа съ рыбки!
Хоть бы взялъ ты съ нея корыто:
Наше-то совсѣмъ расколдось“.

Вотъ пошелъ онъ къ синему морю;
Видитъ: море слегка разыгралось.
Сталъ онъ кликать золотую рыбку;
Приплыла къ нему рыбка и спросила:
„Чего тебѣ надобно, старче“?
Ей съ покладномъ старикъ отвѣчаетъ:
„Смилуйся, государыня рыбка!
Разбранила меня моя старуха,
Не даётъ старику мнѣ покою:
Надобно ей новое корыто;
Наше-то совсѣмъ расколдось“.
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
„Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!
Будетъ вамъ новое корыто“.

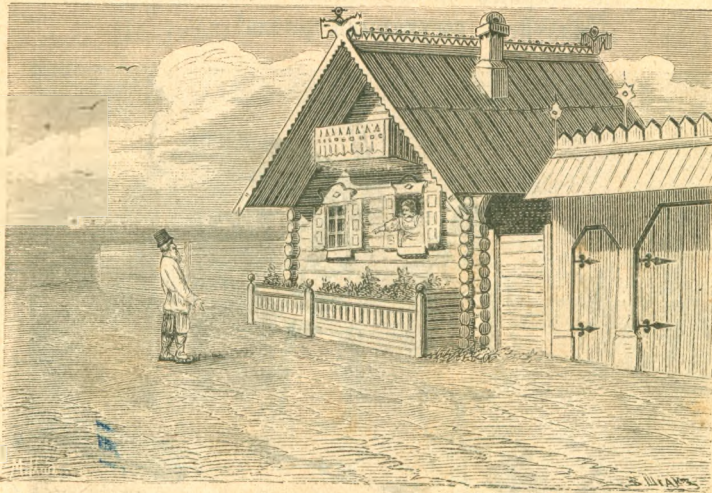
Воротился старикъ ко старухѣ, —
У старухи новое корыто.
Еще пуще старуха бранится:
„Дурачина ты, простофиля!
Выпросиль, дурачина, корыто!
Въ корытѣ много ли корысти?
Воротись, дурачина, ты къ рыбкѣ;
Поклонись ей, выпроси ужъ избу“.
Вотъ пошѣлъ онъ къ синему морю:
Помутилося синее море.
Сталь онъ кликать золотую рыбку;
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
„Чего тебѣ надобно, старче“?
Ей старикъ съ поклѣномъ отвѣчаетъ:
„Смилуйся, государыня рыбка!

Еще пуще старуха бранится,
Не даётъ старику мнѣ покою:
Избу просить сварливая баба“.
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
„Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!
Такъ и быть: изба вамъ ужъ будетъ“.
Пошѣлъ онъ ко своей землянкѣ, —
А землянки нѣтъ ужъ и слѣда:
Передъ нимъ изба со свѣтѣлкой,
Съ кирпичною, бѣленою трубдою,
Съ дубовыми, тесдыми вороты *).
Старуха сидитъ подъ оконкомъ,
На чѣмъ свѣтъ стоитъ мужа ругаетъ:
„Дурачина ты, прямой простофиля!
Выпросиль, простофиля, избу!

*) т. е. воротами (старо-славянская форма твор. падежа).

Воротись, поклонися рыбкѣ:
Не хочу быть чёрною крестьянкой,
Хочу быть столбовою дворянкой!
Пошёлъ старикъ къ синему морю:
Не спокойно синее море.
Сталь онъ кликать золотую рыбку;
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
„Чего тебѣ надобно, старче“?
Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
„Смилуйся, государыня рыбка!
Пуще прежняго старуха вздурилась,
Не даётъ старику мнѣ покою:
Ужъ не хочетъ быть она крестьянкой,
Хочетъ быть столбовою дворянкой“.

Отвѣчаетъ золотая рыбка:
„Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ“!
Воротился старикъ ко старухѣ;
Что жъ онъ видитъ? Высокій теремъ.
На крыльцѣ сидитъ его старуха
Въ дорогѣй собольей душегрѣйкѣ,
Парчевая на маковкѣ кичка,
Жемчуги окружили шею,
На рукахъ золотыя перстни,
На ногахъ красныя сапожки.
Передъ нею усѣрдныя слуги;
Она бьётъ ихъ, за чупрунъ таскаетъ.
Говоритъ старикъ своей старухѣ:
„Здравствуй, барыня-сударыня, дворянка!
Чай, теперь твоя дѣшенька довольна“?

На него прикрикнула старуха,
На конюшню служить его послала.
Вот недѣля, другая проходить;
Еще пуще старуха вздурилась;
Опять къ рыбки старика посылаетъ.
„Воротись, поклонися рыбки:
Не хочу быть столбовою дворянкой.
А хочу быть вольною царицей“?
Испугался старикъ, взмолился:
„Что ты, баба, белены объѣлась?
Ни ступить, ни молвить не умѣешь:
Насмѣшишь ты цѣлое царство“.
Осердилась пуще старуха,
По щекѣ ударила мужа.
„Какъ ты смѣешь, мужикъ, спорить со мною.

Со мною, дворянкой столбовою?
Ступай къ морю, говорятъ тебѣ честию;
Не пойдешь, поведутъ поневолю“.
Старичокъ отправился къ морю:
Почернѣло синее море.
Сталъ онъ кликать золотую рыбку;
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
„Чего тебѣ надобно, старче“?
Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
„Смилуйся, государыня рыбка!
Опять моя старуха бунтуетъ;
Ужъ не хочетъ быть она дворянкой,
Хочетъ быть вольною царицей“.
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
„Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!
Добро! будетъ старуха царицей“!

Старичокъ къ старухѣ воротился.
Что жь? Предъ нимъ царскія палаты.
Въ палатахъ видитъ свою старуху,
За столомъ сидитъ онъ царицей,
Служать ей бояре да дворяне,
Наливаютъ ей заморскія вина,
Заѣдаетъ она прѣникомъ печатнымъ;
Вкругъ стоитъ ея грозная стража,
На плечахъ топорики держатъ.
Какъ увидѣлъ старикъ, испугался;
Въ ноги онъ старухѣ поклонился,
Молвилъ: „Здравствуй, грозная царица!
Ну, теперь твоя душенька довольна“?
На него старуха не взглянула,
Лишь съ очей прогнать его велѣла.

Подбѣжали бояре и дворяне,
Старика въ зашеи затолкали.
А въ дверяхъ-то стража подбѣжала.
Топорами чуть не изрубила.
А народъ-то надъ нимъ посмѣялся:
„По-дѣломъ тебѣ, старый невѣжда!
Впредь тебѣ, невѣжда, наука;
Не садися не въ свои сани“!

Вотъ недѣля, другая проходитъ,
Еще пуще старуха вздурилась:
Царедворцевъ за мужемъ посылаетъ.
Отыскали старика, привели къ ней.
Говоритъ старику старуха:
„Воротись, поклонися рыбка:
Не хочу быть вольною царицей.

Хочу быть владычицей морекю,
Чтобы жить мнѣ въ окіанѣ-морѣ,
Чтобъ служила мнѣ рыбка золотая
И была бъ у меня на посылкахъ“.

Старикъ не осмѣлился перечесть,
Не дерзнулъ поперекъ слова молвить.
Вотъ идётъ онъ къ синему морю;
Видитъ, на морѣ чёрная буря—
Такъ и вздѣлись сердитыя волны,
Такъ и ходятъ, такъ вдемъ и вдютъ.
Сталъ онъ кликать золотую рыбку;
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
„Чего тебѣ надобно, старче“?
Ей старикъ съ поклономъ отвѣчаетъ:

„Смилуйся, государыня рыбка!
Что мнѣ дѣлать съ проклятою бабой?
Ужъ не хочетъ быть она царицей,
Хочетъ быть владычицей морскою,
Чтобы жить ей въ окіанѣ-морѣ,
Чтобы ты сама ей служила
И была бы у ней на посылкахъ“.
Ничего не сказала рыбка,
Лишь хвостомъ по водѣ плеснула
И ушла въ глубокое море.
Долго у моря ждалъ онъ отвѣта,—
Не дождался, къ старухѣ воротился...
Глядь: опять передъ нимъ землянка,
На порогѣ сидитъ его старуха,
А предъ нею разбитое корыто.

197. Терпѣніе.

Въ одномъ селѣ жилъ мужикъ по имени Иванъ, а по прозванію Терпигдревъ. Не даромъ досталось ему это прѣзвище: онъ и точно много горя вытерпѣлъ на своёмъ вѣку. Былъ онъ и смыслѣнный, и работящій, да крѣпко не везло ему много лѣтъ сряду. То его полюсу градомъ побьётъ, то на скотъ падѣжь придѣтъ, то бурнымъ ливнемъ всё его сѣно подмоетъ и съ луга въ рѣку унесётъ.

Бился, бился мужикъ, работалъ за тройхъ, и чуть только изъ бѣды, казалось, вы́бился, вдругъ новая напасть. Въ самые Петровки, когда онъ былъ на сѣнокосѣ съ семьёй своей, разразилась гроза надъ деревней, ударила въ Иванову избу, запалила её, какъ свѣчку, и пока сосѣди сбѣжались да свои избы отъ пожара отстаивать стали, Иванова изба сторѣла до тла. Осталась отъ нея только печка съ трубой.

Прибѣжалъ Иванъ съ поля съ женой и ребятишками, посмотрѣлъ на своё горе и голову повѣсилъ... — „Теперь я совсѣмъ голъ и съ женою, и съ малыми ребятишками, и головы приклонить ни мнѣ, ни имъ нѣкуда“.

Потужили сосѣди съ Иваномъ, новыли, поплакали бабы съ его женою и разошлись по домамъ, подъ свои крыши, а бѣдному Ивану пришлось въ пустой овинъ съ семьёй перебраться. И такое-то взяло его, бѣднаго, горе, что ужъ работа ему на умъ нейдѣтъ, и сонъ ему очей не смыкаетъ...

„Нѣтъ; видно, мнѣ ни въ чёмъ ни доли, ни удачи не видать“, думалъ онъ. „Коли такъ, то и работать не стоить. Всё равно — работай не работай, придѣтся мнѣ съ малыми ребятишками по міру ходить“!

Въ такихъ думахъ пролежалъ Иванъ до самаго свѣта. Чуть только утро забрѣзжилось, видитъ онъ надъ самою своею головою большого паука. У него вчерашней грозой всё его мерѣжки порвало и запутало. И вѣзится паукъ и работаетъ изо всей мочи, и тянетъ во всё стороны свои тонкія, прозрачныя нити, и прядѣтъ и сучить своими когтистыми лапками, то спускаясь, то вновь подымаясь вдоль стѣнки овина. Вотъ, кажется, и совсѣмъ бы сътъ его готова, только бы сѣсть ему царькомъ въ серединѣ да выжидать залѣтныхъ гостей, — такъ нѣтъ же!... Дунуль вѣтерокъ въ щель овина — и опять всё сорвалъ и запуталъ! И опять терпѣливый паукъ пошѣлъ вверхъ и внизъ спускаться, и опять онъ пошѣлъ снова, сучить и прядѣть свои нити... И опять та же бѣда! та же неудача! Залюбовался Иванъ пауководой работой, заглядѣлся на неё, словно въ первый разъ её видѣлъ. И видѣлъ Иванъ, какъ паукъ двѣнадцать разъ обрывался со своей паутиной и двѣнадцать разъ принимался вновь вязать её и крѣпить къ потолку и стѣнамъ, пока, наконецъ, устояла паутина противъ напора вѣтра, и самъ паукъ забился въ своё гнѣздо на отдыхъ.

„Господи, Боже мой“! подумалъ Иванъ: „вѣдь вотъ ужъ какая малая тварь, а, вѣдь, какой въ неё разумъ Господь вселилъ! какимъ её терпѣніемъ надѣлил! Вѣдь вотъ бился, бился, двѣнадцать разъ обрывался, а своего добился! Неужели же меня паукъ разуму учить долженъ? Развѣ даромъ, что ли, люди говорятъ: „терпѣніе да трудъ всё перетрутъ“! И вышелъ онъ на другой день со всѣми людьми на работу, и трудился что есть мочи всё лѣто, и далъ Богъ ему урожай на хлѣбъ, какого никогда еще у него не бывало. Подъ осень люди помогли ему кое-какъ избѣнку сколотить. А Иванъ не унывалъ и работать не уставалъ; на зиму на печь

не завалился, а вдаль отъ семьи на заработки ушёлъ. Къ веснѣ пришёлъ и денегъ принёсъ. Скоро Иванъ опять хозяйствомъ поправился и не хуже другихъ поживать сталъ.

198. Два мороза.

Гуляли по чистому полю два мороза, два родные брата, съ ногъ на ногу поскокивали, рукой объ руку поколачивали. Говоритъ одинъ морозъ другому: „Братецъ, морозъ Багровый носъ! какъ бы намъ позабавиться, людей морозить“? Отвѣчаетъ другой: „Братецъ, морозъ Синій носъ! коль людей морозить, не по чистому намъ полю гулять. Поле всё снѣгомъ занесло, всё проѣзжія дороги замело; никто не пройдётъ, не проѣдетъ. Побѣжимъ-ка лучше къ чистому бору. Тамъ хоть и меньше простору, да зато забавы будетъ больше. Всё нѣтъ-нѣтъ, да кто-нибудь и встрѣтится на дорогѣ“. Сказано—сдѣлано. Побѣжали два мороза, два родные брата въ чистый боръ. Вѣдутъ, дорогой тѣшатся: съ ноги на ногу попрыгиваютъ, по ёлкамъ, по сосенкамъ пощёлкиваютъ. Старый ельникъ трещитъ, молодой соснякъ поскрипываетъ. По рыхлому ль снѣгу пробѣгутъ — кора ледяная, былинка ль изъ-подъ снѣгу выглядываетъ, дунуть—словно бисеромъ её всю унизуютъ. Послышали они съ одной стороны колокольчикъ, а съ другой—бубенчикъ; съ колокольчикомъ баринъ ѣдетъ, съ бубенчикомъ—мужичокъ. Стали морозы судить да рядить, кому за кѣмъ бѣжать, кому кого морозить. Морозъ Синій носъ, какъ былъ помолдже, говоритъ: „Мнѣ бы лучше за мужикомъ погнаться. Его скорѣй доймѣ: на нёмъ полушубокъ старый, заплатаанный; шапка вся въ дырахъ; на ногахъ, кромѣ лаптишекъ, ничего. Онъ же никакъ дрова рубить ѣдетъ. А ужъ ты, братецъ, какъ посильнѣе меня, за бариномъ бѣги. Видишь, на нёмъ шуба медвѣжья, шапка лисья, сапоги волчьи. Гдѣ ужъ мнѣ съ нимъ! не совладаю“. Морозъ Багровый носъ только посмѣивается.

— „Молодь еще ты“, говоритъ, „братецъ! ну да ужъ будь по-твоему: бѣги за мужикомъ, а я побѣгу за бариномъ. Какъ сойдѣмся подъ вечеръ, узнѣемъ, кому была легка работа, кому тяжела. Прощай покамѣстъ!“— „Прощай, братецъ“. Свиснули, щёлкнули, побѣжали.

Только солнышко закатилось, сошлись они опять на чистомъ полѣ, спрашиваютъ другъ друга: что?— „То-то, я думаю, намаялся ты, братецъ, съ бариномъ-то“, говоритъ младшій: „а толку, глядишь, не вышло никакого. Гдѣ его было пропать“! Старшій посмѣивается себѣ.— „Эхъ“, говоритъ, „братецъ, морозъ Синій носъ, молодъ ты и простъ. Я его такъ уважилъ, что онъ часъ будетъ грѣться и не отогрѣется“.

— А какъ же шуба-то, да шапка-то, да сапоги-то?— „Не помогли. Забрался я къ нему и въ шубу, и въ шапку, и въ сапоги, да какъ началъ знобить... Онъ-то ёжится, онъ-то жмётся да кѣтается; думаетъ: „Дай-ка я ни однимъ суставомъ не шевельнусь, авось меня тутъ морозъ не одолѣетъ“. Алъ не тутъ-то было. Мнѣ-то это и съ рукъ. Какъ принялся я за него, чуть живого въ городѣ изъ кибитки выпустилъ. Ну, а ты что со своимъ мужичкомъ сдѣлалъ“?

— Эхъ, братецъ, морозъ Багровый носъ! плохую ты со мной шутку спутилъ, что во-время не образумилъ. Думалъ заморожу мужика; а вышло, опъ же мнѣ отломалъ бока.

— „Какъ такъ“?

— Да вотъ какъ. Ъхаль онъ, самъ ты видѣль, дрова рубить. Дорогой началъ было я его принимать; только онъ всё не робѣеть, еще ругается: „такой“, говорить, „сякдй этотъ морозъ“. Совсѣмъ даже обидно стало; принялся я его пуще шинать да колоть. Только не надолго была мнѣ эта забава. Приѣхаль онъ на мѣсто, вылѣзъ изъ саней, принялся за топоръ. Я-то думаю: „Тутъ мнѣ сломить его“. Забрался къ нему подъ полушубокъ и давай его язвить. А онъ-то топоромъ машеть, только щенки кругомъ летять; сталъ даже потъ его прошибать. Вижу: плохо! не усидѣть мнѣ подъ полушубкомъ. Подъ конецъ инда паръ отъ него повалилъ: чѣмъ бы забнуть, а ему жарко стало. Гляжу — скидаётъ съ себя полушубокъ. Обрадовался я. „Погоди же“, говорю, „вотъ я тебѣ покажу себя!“ Полушубокъ весь мокрѣхонекъ. Я въ него и забрался, и заморозилъ такъ, что онъ сталъ дубокъ-дубкомъ. Надѣвай-ка теперь, попробуй! Какъ кончилъ мужикъ своё дѣло, подошёлъ къ полушубку, у меня сердце такъ и валило, хотѣшусь! Посмотрѣлъ мужикъ и давай меня бранить и ругать на-шамъ-свѣтъ стоять. „Ругайся!“ говорю я себѣ: „ругайся! а меня всё-таки не выживешь!“ Такъ онъ бранью не удовольствовался; выбралъ полѣно подлиннѣе да посуковатѣе, да какъ примется по полушубку бить! По полушубку бѣтъ, а меня всё бранить. Мнѣ бы бѣжать поскорѣе, да ужъ больно я въ шерсти-то завязъ, выбраться не могъ. А онъ-то колотить, онъ-то колотить! Насилу я ушѣлъ, думалъ, костей не соберу; до сихъ поръ бока нѣютъ. Заклялся я мужиковъ морозить.

— То-то!

*99. Ольга правительница. <i>Ушинскаго</i> . . .	91
Князь Владимір и крещение Руси. <i>По Лытописи, Синовскому, Водовозову и др.</i>	
100. Мученическая кончина Теодора и Иоанна	93
101. Рѣшеніе Владимира принять хри- стіанство	—
102. Крещение Владимира и киевлянъ . . .	—
103. Татарская неволя. <i>По Синовскому.</i>	94
104. Великій князь Александръ Невскій. <i>По М. Толстому и Карамзину</i>	96
105. Возвышеніе Москвы. <i>По А. Май- кову</i>	97
106. Великій князь Дмитрій Донской. <i>По Н. Полевому.</i>	98
107. Великій князь Иоаннъ III Василье- вичъ. Конецъ татарской неволи. <i>Пушкивича</i>	99
108. Царь Иоаннъ IV. Завоеваніе Ка- занскаго царства. <i>Изъ кн. Полива- нова</i>	100
109. Ермакъ Тимофеевичъ. <i>По Майкову</i> —	
110. Покореніе Сибири. <i>Водовозова</i>	101
111. Иоаннъ IV Васильевичъ принимаетъ Сибирское царство подъ свою руку. <i>А. Майкова</i>	—
*112. Смутное время. * *	102
113. Мининъ и Пожарскій. <i>По Грекову</i>	103
114. Избраніе на царство Михаила Тео- доровича Романова. <i>Соловьева</i>	104
*115. Дѣтство и юность Петра Великаго. <i>Страхова</i>	106
116. Дѣдушка русскаго флота. <i>Ею же</i> . . .	—
*117. Петръ за границей. * *	107
*118. Преобразов. Петра. <i>Пушкивича</i> . . .	—
119. Войны Петра Великаго со шведами и основаніе Петербурга. <i>По Остро- горскому</i>	108
120. Анекдоты о Петрѣ Великомъ. <i>Изъ «Пчелы»</i>	109
121. Императрица Екатерина Великая. <i>По Пушкивичу</i>	110
122. Великодушіе императрицы Екате- рины Великой. <i>Изъ повѣсти Пуш- кина «Капитанская дочка»</i>	111
123. Фельдмаршалъ Суворовъ: а) дѣтство Суворова. <i>Бунакова</i>	114
б) солдатская служба Суворова. <i>По Н. Полевому</i>	—
в) Суворовъ въ офицерскихъ чинахъ. <i>По Н. Полевому</i>	115
г) письмо офицера къ товарищамъ о Суворовѣ	—
124. Разсказы о фельдмаршалѣ Суворовѣ. <i>Изъ «Пчелы» и др. хрестоматій.</i>	116
*125. Императоръ Александръ I. * *	118
Отечественная война.	
*126. Начало войны. * *	119
127. Бородинское сраженіе. <i>Изъ «Пись- ма» Глинки</i>	120
*128. Наполеонъ въ Москвѣ. * *	121
129. Отступленіе Наполеона и его бѣг- ство изъ Россіи. <i>По Соловьеву и Павловичу</i>	—
130. Севастопольская оборона. <i>По кн. Баранова</i>	123
131. Юные герои Севастополя. <i>Арсеньева</i>	124
*132. Императоръ Александръ II. * *	125
133. Посѣщеніе раненыхъ воиновъ Императоромъ Александромъ II. <i>Изъ записокъ Олсвида</i>	127

*134. Родина. <i>Поливанова</i>	128
135. Что такое отчизна.	—
136. Русь. <i>Изъ Стихотв. Никитина</i>	—
137. Народный гимнъ	—
138. Многолѣтіе	129
139. Народная пѣсня	—

И. Басни, стихотворенія и сказки.

Б а с н и.

140. Полевой цвѣтокъ и гвоздика. <i>Дми- триева</i>	130
141. Крестьянinizъ и змѣя. <i>Крылова</i> . . .	—
142. Лебедь, щука и ракъ. <i>Ею же</i>	—
143. Крестьянinizъ и работникъ. <i>Ею же</i> . . .	—
144. Соловей и чижъ. <i>Хемницера</i>	131
145. Дягушка и волъ. <i>Крылова</i>	—
146. Маргышка и очки. <i>Ею же</i>	—
147. Зеркало и обезьяна. <i>Ею же</i>	—
148. Крестьянinizъ и лошадь. <i>Ею же</i>	132
149. Прохожіе и собаки. <i>Ею же</i>	—
150. Свиныя. <i>Ею же</i>	—
151. Трудолюбивый медвѣдь. <i>Ею же</i>	—
152. Свиныя подъ дубомъ. <i>Ею же</i>	133
153. Слопъ и москья. <i>Ею же</i>	—
154. Раздѣлъ. <i>Ею же</i>	—
155. Собака и лошадь. <i>Ею же</i>	134
156. Волкъ и журавль. <i>Ею же</i>	—
157. Щука и котъ. <i>Ею же</i>	—
158. Любопытный. <i>Ею же</i>	135
159. Стрекоза и муравей. <i>Ею же</i>	—
160. Крестьянinizъ въ бѣдѣ. <i>Ею же</i>	—
161. Волкъ на псарнѣ. <i>Ею же</i>	136
162. Демьянова уха. <i>Ею же</i>	137
163. Волкъ и котъ. <i>Ею же</i>	—

Стихотворенія.

164. Поле и школа. « <i>Изъ Родного слова</i> »	138
165. Свѣтелка. <i>Мен</i>	—
166. Мельница. <i>Никитина</i>	—
167. Примѣты осени. <i>Грекова</i>	—
168. Осень и зима. <i>Пушкина</i>	139
169. Сельскій праздникъ. <i>Раззоренова</i> . . .	—
170. Наступленіе зимы. <i>Баратынскаго</i> . . .	—
171. Въ дорогѣ. <i>Никитина</i>	—
172. Привѣтъ лѣту. <i>Никитина</i>	140
173. Лѣто. <i>Сурикова</i>	—
174. Морозъ-воевода. <i>Некрасова</i>	—
175. Сѣнокосъ. <i>Ею же</i>	141
176. Обработка поля. <i>Некрасова</i>	—
177. Сельскія работы. <i>Ею же</i>	—
178. Нива. <i>Жадовской</i>	—
179. Колосья. <i>Федорова</i>	—
180. Утро. <i>Никитина</i>	142
181. Что ты спишь, мужичекъ? <i>Кольцова</i> . . .	—
182. Крестьянская пирушка. <i>Кольцова</i> . . .	143
183. Утро на берегу озера. <i>Никитина</i> . . .	—
184. Послѣ грозы. <i>Ею же</i>	144
185. Пѣсни пахаря. <i>Кольцова</i>	—
186. Деревенскій вечеръ. <i>И. Аксакова</i> . . .	—
187. Лѣтній вечеръ. <i>Жуковскаго</i>	144
188. Дѣтство. <i>Крылова</i>	—
189. Кто оны? <i>Майкова</i>	—
190. Петръ Великій и Петербургъ. <i>Пуш- кина</i>	—
191. Наполеонъ подъ Москвою. <i>Ею же</i> . . .	—
192. Манифестъ. <i>Майкова</i>	—
193. Бѣлый генераль. <i>Горчаковой</i>	—

С к а з к и.

194. Лиса журавль. <i>Народная</i>	—
195. Лисичка. <i>То же</i>	—
196. Сказка о рыбацкѣ и рыбацкѣ. <i>Пушкина</i> . . .	—

О Г Л А В Л Е Н І Е.

(Звѣздочкою обозначены тѣ статьи, въ которыхъ сдѣланы какія-либо измѣненія.)

	СТР.	СТР.
А. Разказы.		
1. Братъ и сестра. <i>Ушинскаго</i>	3	
2. Странникъ. <i>Паульсона</i>	—	
*3. Семь прутьевъ. <i>Гр. Толстого</i>	—	
4. Спасеніе утопающ. <i>Студитскаго</i>	4	
*5. Споръ деревьевъ. <i>Ушинскаго</i>	—	
6. Гость дорогой. <i>Изъ «Первники»</i>	5	
*7. Птицы. <i>Ушинскаго</i>	—	
*8. Какъ поймали птичку. <i>Ванера</i>	—	
9. Пчелки на развѣдкахъ. <i>Ушинскаго</i>	6	
10. Живи своимъ умомъ. <i>Дала</i>	—	
11. Заяць. <i>Ванера</i>	7	
12. Человѣкъ подъ снѣгомъ. <i>Аксакова</i>	—	
13. Здоровье и долгодѣіе. <i>Изъ «Прих. школы»</i>	8	
*14. Вѣрная собака. <i>Изъ «Дѣтск. міра»</i>	—	
15. Левъ и собачка. <i>Гр. Толстого</i>	9	
16. Довольный малымъ—у Бога не забыть. <i>Изъ «Собесѣдника»</i>	10	
17. Счастье и богатство. <i>Дала</i>	—	
*18. Голосъ совѣсти. <i>Изъ «Иллюстр. хр.»</i>	11	
19. Пяточокъ погубилъ. * *	12	
*20. Живчикъ. <i>Гр. Толстого</i>	—	
21. Какъ умираютъ хорошие люди. <i>Изъ «Разказовъ о людяхъ»</i>	13	
22. Чужое добро. <i>Кокорева</i>	15	
Б. Деревня.		
*23. Деревня Выселки. * *	17	
24. Изба Демьяна Петрова. <i>По Ерм. и Волот.</i>	18	
*25. Семья дѣдушки Степана. <i>Изъ «Нов. книги»</i>	—	
*26. Вечернія занятія въ семьѣ Степана. <i>Изъ «Нов. книги»</i>	19	
*27. Домашнія животныя птицы. <i>Оттуда же</i>	20	
*28. Шарикъ. * *	—	
29. Герасимъ и Муму. <i>Туренева</i>	—	
*30. Свѣтъ не безъ добрыхъ людей. <i>Никольскаго</i>	22	
31. Разлука съ родной семьей. <i>Изъ «Первники»</i>	—	
*32. Флоръ Силинъ. <i>Карамзина</i>	23	
*33. Сельская ярмарка. <i>Изъ журнала «Дѣтск. чт.»</i>	—	
34. Пиръ на весь міръ. <i>Изъ «Первники»</i>	24	
*35. Въ сельской аптекѣ. <i>Изъ «Прих. шк.»</i>	25	
В. Огородъ, садъ, поле и лѣсъ.		
*36. Огородъ Демьяна Петрова. <i>Изъ «Нов. книги»</i>	26	
*37. Садъ Демьяна Петрова. * *	—	
*38. Яблоня. <i>Ушинскаго</i>	28	
*39. Отецъ и сынъ. <i>Круммахера</i>	—	
*40. Грушевое дерево. <i>Паульсона</i>	29	
*41. Гвоздика. <i>Изъ «Дѣтск. міра»</i>	—	
42. Пчелка-мохнатка. <i>По Авенариусу</i>	30	
*43. Пчелы. <i>По Бутлерову, Разицу и др.</i>	31	
*44. Сельскія работы въ полѣ и на лугу. <i>Изъ «Нов. книги»</i>	34	
45. Поемные дуга. <i>Ушинскаго</i>	35	
46. Ночное. <i>Туренева</i>	—	
47. Пахарь. <i>Григоровича</i>	36	
48. Какъ рубашка въ полѣ выросла. <i>Ушинскаго</i>	37	
*49. Гадюка. <i>Изъ разказъ хуторанина</i>	38	
50. Полезныя и вредныя насѣкомыя. <i>Изъ «Природа» шк.»</i>	39	
*51. Враги и друзья земледѣльца. <i>Баранова</i>	40	
52. Страда. <i>Григоровича</i>	—	
53. Лѣсъ. <i>Аксакова</i>	42	
*54. Лѣсныя птицы. <i>Ерм. и Волот.</i>	43	
55. Два зернышка. <i>Ванера</i>	—	
*56. Наши лѣсные звѣри. <i>Изъ кн. Бунакова</i>	44	
57. Заяць. <i>С. Аксакова</i>	46	
58. Храбрый съѣ. <i>Изъ кн. «Жизнь животныхъ»</i>	—	
*59. Волки. <i>Изъ кн. Бунакова</i>	47	
60. Лисицы. <i>Тожже</i>	49	
Г. Вода и воздухъ.		
61. Вода и воздухъ. <i>Бунакова</i>	51	
62. Жизнь въ прудѣ и около пруда. <i>И «Нашего родног»</i>	—	
63. Уженье. <i>Аксакова</i>	—	
*64. Рыбы. <i>Ею же</i>	—	
65. Жадная щука. <i>Ванера</i>	54	
*66. Ершь. <i>Аксакова</i>	—	
67. Лягушата. <i>Изъ «Первники»</i>	55	
68. Путешествіе воды. <i>По Ушинскому</i>	56	
69. Ручейки. <i>С. Аксакова</i>	—	
70. У родника. <i>И. Туренева</i>	—	
71. Вскрытіе рѣки. <i>Аксакова</i>	57	
72. Весенній разливъ на Волгѣ. <i>Кирилова</i>	—	
73. Въ ожиданіи порома. <i>Ушинскаго</i>	58	
Д. Городъ.		
74. Описаніе города. <i>По Поливанову</i>	59	
75. Постройка каменнаго дома. <i>По Ерм. и Волот.</i>	—	
76. Въ почтовой конторѣ	61	
77. Въ городской больницѣ	63	
78. Вокзалъ желѣзной дороги	64	
79. Красный фонарь. <i>По Вучетичу</i>	65	
80. Столяръ. * *	66	
81. Подвигъ крестьянина Марина. <i>По година</i>	67	
Е. Географическіе очерки.		
*82. Русское государство. <i>Баранова</i>	69	
83. С.-Петербургъ. <i>По Михайлову</i>	71	
*84. Москва. * *	72	
85. I. <i>По Бар. и Горьлову</i>	73	
*П. <i>Ерм. и Волот.</i>	75	
86. Волга. <i>Изъ «Иллюстр. хрестом.»</i>	76	
87. Волжскіе поемные дуга и степи. <i>С. Аксакова</i>	77	
88. Малоруссы. <i>По кн. Баранова</i>	78	
89. Западный край. <i>Изъ «Прих. шк.»</i>	80	
90. Южнорусскія степи. <i>По кн. Баранова</i>	—	
91. Кавказъ. <i>Изъ книги Поливанова, Страхова и др.</i>	82	
*92. Уральскія горы. <i>Изъ кн. Андришцева</i>	85	
*93. Печорскій край. * *	—	
*94. Тундра и ся обитатели. <i>Изъ «Иллюстр. хрестом.»</i>	86	
95. Финляндія и Прибалтійскій край. <i>Изъ «Нов. книги»</i>	87	
*96. Сибирь. <i>Баранова</i>	—	
Ж. Историческіе очерки.		
97. Откуда и какъ пошла Русская земля. <i>По Петрушевскому</i>	89	
98. Олегъ. <i>По Петрушевск. и Ушинск.</i>	90	

Antonina Rajkowska 1907
kręcyła chusteczki styrczane

30.

Lod. Piwołi Masengo Piramid
Magram. Waterlo. W.

Hugo Kottaj

Naruszewicz Ignacy Potom

Stanisław Natasowski Józef Wylina
Lutkowski

WYŻSZA SZKOŁA PEDAGOGICZNA W KIELCACH
BIBLIOTEKA

151187

Biblioteka WSP Kielce

0126385